

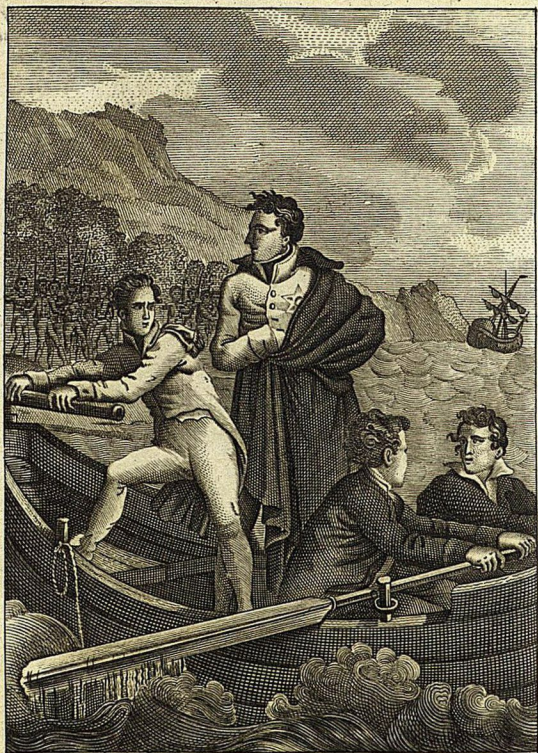
~~12370~~
4

15381

gene

943

99

Выслужившийся папъ,
или Странное воспитаніе

ПОДАРОКЪ

СЫНОВЬЯМЪ МОИМЪ

86

Новый Годъ

СОЧИНЕНІЕ

Г. Коцебу

Переводъ съ французскаго

ЧАСТЬ. I

МОСКВА.

въ Типографіи Селивановскаго

1820.

ПОДАРОКЪ
СЫНОВЬЯМЪ МОИМЪ
ВЪ
НОВЫЙ ГОДЪ.

Сочиненіе
Гна КОЦЕБУ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1820.

Печаташь позволяется съ тѣмъ , что-
бы по напечатаніи, до выпуска изъ Ти-
пографіи, представленны были въ Цен-
зурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Цензурнаго Комитета , дру-
гой для Департамента Министерства
Просвѣщенія, два экземпляра для Импе-
рашорской Публичной Библиотеки и
одинъ для Императорской Академіи
Наукъ. Москва 1819 года, Іюля 10 дня.
Сію книгу разсматривалъ Ординарный
Профессоръ, Надворный Совѣтникъ
Алексѣй Болдыревъ.

Гос. Историч. Библ. Б-ва

Инвент.

287495

3

IV

37

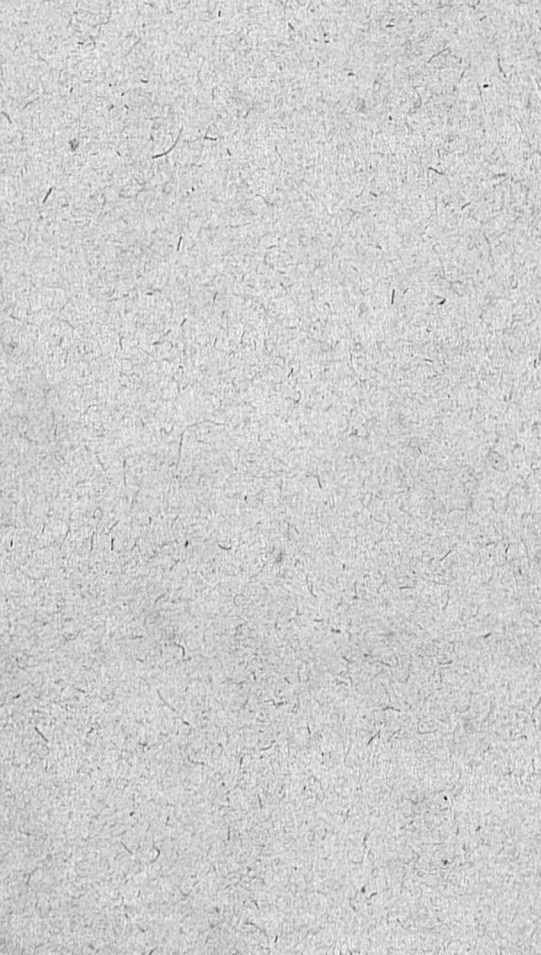

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Е Р В О Й Ч А С Т И.

Стран.

Выслужившійся Пажъ, или странное воспитаніе.	9
Лазарь, или продавецъ апельсиновъ.	98
Бумажникъ, или что мнѣ въ томъ нужды.	158

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Г. Коцебу объявляетъ въ
краткомъ предисловіи, что сіе
собраніе повѣстей есть одно
изъ его сочиненій, которое пи-
салъ онъ съ особеннымъ удо-
вольствіемъ, будучи увѣренъ,
что оно доставитъ большую
пользу, нежели прочія. Онъ
льстился даже надеждою, что
сія его книга будетъ введена въ
Училища и Пансіоны, какъ до-
стойная чтенія всякаго класса
воспитанниковъ; и хотя со-
знаешь, что нѣтъ недостав-

жа въ повѣстяхъ, служащихъ для юношества, но говоришь, что Авшоры, ихъ издававшие, не знали искусства пріятнымъ образомъ занять мысли; а это однакоже есть единое средство произвести въ сердцахъ юношей глубокое впечатлѣніе. Многія изъ такихъ сочиненій, по его мнѣнію, слишкомъ наполнены нравственностью, между тѣмъ какъ по истинѣ самъ читатель долженъ извлекать оную изъ повѣствуемыхъ событій, такъ сказать, прошивъ желанія. Обыкновенно дитя презираешь

правила поведенія, преподаваемыя повелишельнымъ голосомъ; оно забываешъ свои просшупки вмѣстѣ съ выговорами за шо полученными; напрошивъ шого особа, кошорую видишъ оно дѣйспвующею, и кошорая за погрѣшности свои получила наказаніе, а за добродѣтели награду, осшасешся глубоко въ его памяши.

Таковы сушь повѣсши Буили своей дочери, подавшія Г. Коцебу первую мысль къ сему сочиненію. Однакожъ опдавая полную справедливосшь шакому образцу, онъ сожалѣешъ, чшо

Французскій авторъ слишкомъ часто щекочешъ самолюбіе, думая, что для добродѣтели не нужно никакихъ постороннихъ средствъ овладѣшь юными сердцами, и что она уже сама по себѣ имѣешъ довольно прелестей.

Впрочемъ, говоря о пользѣ сей книги, Г. Коцебу прибавляешъ, что онъ писалъ ее не только для перваго возраста, но даже и для юношей. «Книгу сію — заключаешъ онъ — издалъ я для всѣхъ любезныхъ сыновей моихъ, даже для себя, Вилліамъ, оказавшій уже храб-

ростъ свою въ Италіи и на берегахъ Дуная, и для васъ, мои милые Опшонъ и Морицъ, уже обвѣхавшихъ вокругъ свѣта и со славою служившихъ своему Государю и Ошечеству—шакъ, для всѣхъ васъ сочинилъ я эпу книгу. Пока спрасши владычествующъ надъ юною душею и пока вкрадывающа въ разумъ заблужденія, чшеніе сочиненія, кошорое въ пріяшнихъ видахъ преподаешъ ему нравственностъ вмѣстѣ съ пракпическою Философіею, не будешъ для него бесполезно.

„ Однакожъ сіи повѣсти по-

свящаю я особенно вамъ , мой
 добрый, опшважный Августъ и
 рѣзвый Павелъ: вы находишесь
 въ такомъ возрастѣ, въ кошо-
 рый могутъ онѣ сдѣлать на
 васъ живѣйшее и, какъ надѣюсь,
 глубочайшее впечатлѣніе. Ско-
 ро, можетъ быть , также и
 Карлъ будетъ понимать ихъ, и
 если не суждено мнѣ жить
 такъ долго, чшобъ видѣть Фри-
 дерика и Георгъа почерпающи-
 ми изъ нихъ удовольствіе, то
 я по крайней мѣрѣ унесу съ
 собою въ могилу то утѣшеніе,
 чшо нѣкогда вы, какъ сшаршіе,
 будете имъ чшпать оныя ,
 благословляя память родшела,
 нѣжно васъ любившаго.”

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ПАЖЬ,

ИЛИ

СТРАННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

На берегахъ * * * аго моря царствовалъ нѣкогда одинъ жестокой Король, который вмѣстѣ того, чтобы заботиться о щастии народа, былъ ужасомъ подданныхъ и бичемъ своего семейства. Между особами, въ службѣ у него находившимися, жилъ также Баронъ Фельсъ, человекъ умный и честный, которому родители оставили въ наслѣдство только небольшое помѣстье, и при томъ обремененное долгами. Но онъ, будучи воспитанъ

въ столицѣ у своего дяди, приобрѣлъ богатство другаго рода, гораздо постояннѣе, которое замѣняетъ собою всѣ прочіе недоспахи и заславляетъ презирать превратность счастья. Полезныя свѣдѣнія, дарованія и искусство обходиться въ свѣтѣ скоро открыли ему дипломатическое поприще. Онъ долго служилъ своему Государю при многихъ Дворахъ въ качествѣ полномочнаго Министра, и какъ по способности къ переговорамъ, такъ по личнымъ заслугамъ, часто весьма успешно оканчивалъ дѣла самыя затруднительныя. Женившись, сдѣлался онъ отцемъ двухъ сыновей, Евгенія и Владиміра. Слабость здоровья его супруги препятствовала ей кормить самой дѣшей своихъ; почему над-

лежало ихъ ввѣришь кормилицѣ. Острова Даго и Эзель, находящіяся въ Рижскомъ заливѣ, славились шаковыми женщинами, и Баронша послала шуда искашь второй матери для сыновей своихъ: Выборъ оной былъ весьма щасливъ; эта добрая женщина сполько привязалась къ дѣшамъ, что нѣжность ея къ нимъ превозмогла любовь къ опечеству: ибо по вызовѣ Министра она захошбла сопровождать его семейство.

Возвратясь въ столицу, Баронъ былъ принятъ очень холодно опъ своего Государя, копорый за то, что Фельсъ не успѣлъ въ послѣднихъ переговорахъ, забылъ всѣ прежнія его услуги. И такъ Баронъ началъ просить опставки, и получилъ оную, но съ самымъ умѣреннымъ пенсіономъ.

Занимаясь только выгодами своего Государя, онъ не радовалъ о собственныхъ; почему когда оставилъ Дворъ, то имѣлъ лишь загородный домъ, куда удалился, рѣшившись жить только для дѣтей своихъ, имѣвшихъ странную противоположность въ характерахъ. Евгенийъ, холодный и безпечный, находилъ свое удовольствіе во снѣ; напрошивъ того Владиміръ, живой, веселой, употреблялъ праздные часы свои на бѣганье по полю, и ни солнечный зной, ни дождь, ни гроза, ничто не могло удерживать его дома. Евгенийъ училъ уроки съ отвращеніемъ, съ досадою; а Владиміръ, такъ сказать, хотѣлъ поглотить всѣ знанія человѣческія. И между тѣмъ какъ Евгенийъ машинально исполнялъ пред-

писанную ему должность, Владимиръ дѣлалъ болѣе, нежели чего желали. Этого ребѣнокъ, занимаясь нѣсколько часовъ съ своими учителями и упомянувъ ихъ, хаживалъ съ опцемъ своимъ въ садъ или на пашню, гдѣ предлагалъ ему множество вопросовъ о предметахъ, встрѣчавшихся его взорамъ, и едва слышалъ названіе какой либо новой для него науки, какъ желалъ уже ей учиться.

Однажды Баронъ Фельсъ завелъ случайно рѣчь объ искусствѣ писать цыфрами, и Владимиръ не опспавалъ отъ него, прося научить его оному. Это шайнспвенное знаніе занимало его нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ со временемъ могъ рѣшать са-

мья трудныя задачи легче опца своего.

„Къ чему сіе шебѣ послу-
„жишь? „ спросилъ его однажды
Евгеній.

„И самѣ не знаю — отвѣчалъ
Владимірѣ — шолько мнѣ хочеш-
ся научиться сему.“

Онѣ училсѣ также у своей
кормилицы говоришь по Эстон-
ски, и Евгеній хохоталъ, слу-
шая ихѣ разговоры на семѣ
языкѣ. „Какѣ можно на такіе
пустяки шеряшь время? „ спро-
силъ онѣ его опяшь: „зачѣмѣ
учишьсѣ языку, кошорымѣ гово-
ряпѣ шолько вѣ небольшемѣ
уголкѣ земли, куда шебѣ, вѣбро-
яшно, никогда и заглянушь не
придешсѣ? „

„А почему знать? „ отвѣчалъ
Владимірѣ хладнокровно.

У Барона былъ камердинеръ , разумѣвшій нѣсколько Хирургію , и сдѣлавшійся совѣшникомъ и другомъ окрестныхъ поселянъ , которые въ случаѣ болѣзни обыкновенно къ нему прихаживали. Онъ имъ пускалъ кровь , перевязывалъ раны , выправлялъ переломы и вообще оказывалъ великую услугу. Владиміръ находилъ удовольствіе посѣщать съ нимъ вмѣстѣ таковыхъ болящихъ , поспавлялъ себѣ за долгъ помогать ему , и такимъ образомъ мало по малу самъ научился Хирургіи ; возымѣвъ же къ ней вкусъ , началъ заниматься ею по правиламъ.

« Прекрасно , бращецъ ! говорилъ Евгений , если ты не будешь имѣть успѣха въ оружіи , то нѣкогда можешь взяться за ланцетъ. Положись на меня: ко-

гда я буду управляшь полкомъ ,
 шо сдѣлаю тебя главнымъ при
 немъ лекаремъ. »

« Лекаремъ или нѣтъ, все рав-
 но, отвѣчалъ братъ его , но не
 худо умѣшь помогать ближнему. »

Владиміръ хаживалъ также съ
 лѣсничимъ вѣ рошу, гдѣ спраши-
 валъ его о названіяхъ, возрастѣ
 и напурѣ деревьевъ, о способѣ
 ихъ развожденія, о пользѣ и проч.
 и проч., и никогда не возвращал-
 ся съ сей прогулки безъ того ,
 чтобы не принести съ собою
 домой собранія цвѣтловъ , травъ
 и грибовъ всякаго рода , кото-
 рые попомъ располагалъ по клас-
 самъ вѣ своей комнатѣ.

Познакомясь также съ мор-
 скими рыболовами, онъ не рѣдко
 сопровождалъ ихъ вѣ открытое
 море, гдѣ помогалъ имъ бросать

и вынимашь неводы. А такимъ образомъ шушя научился онъ управляшъ судномъ столь хорошо, что не боялся уже ни бурей, ни камней подводныхъ.

Онъ умблѣ сверхъ того искусно фехтовашъ, превосходно стрблялѣ изъ ружья, укрощалѣ лошадей самыхъ буйныхъ и могѣ управляшъ ими вѣ экипажахъ не хуже опынбйшаго кучера. « Когда я буду полнымъ распоряжа-шелемъ нашего имбнiя — сказалѣ по сему обстоятельству Евге-нiй — то кромѣ себя не возьму никакого другаго кучера. »

Однакожь Владимiръ ни сколько не оскорблялся насмбшками старшаго брата своего. Чѣмъ болѣе буду я знашъ, тѣмъ менѣе будешъ мнѣ скучно — говаривалѣ онъ. — Вѣ зимнiе вечера, или ко-

гда слишкомъ дурная погода заставляла его сидѣть дома, онъ находилъ удовольствіе смотрѣть, какъ мать его занималась хозяйствомъ, управляла кухнею, или готовила разные кандитерскіе запасы. Онъ не рѣдко даже садился за пряслицу, и испортивъ нѣсколько льна, успѣлъ наконецъ выпрядать нитки ровныя и тончайшія, нежели какія доставляли лучшіе прядильницы въ ихъ домѣ. А это служило новымъ доказательствомъ истины, что обработанный умъ можетъ въ совершенствѣ заниматься и дѣйствіями механическими.

Прежняя горничная Баронши вышла за мужъ за спекольщика, жившаго въ одномъ небольшомъ городкѣ по близости Баронова помѣстья, гдѣ Евгеній и Влади-

мірѣ, за то что онѣ въ ихѣ дѣл-
сствѣ ходилѣ за ними, иногда его
навѣщали. Тогда послѣднему пред-
ставился случай обладать еще
однимѣ знаніемѣ болѣе, почему
и началѣ онѣ просить опца сво-
его купить ему оправленный
алмазѣ. Стекольщикѣ выучилѣ
его рѣзать имѣ стекла, и вско-
рѣ разбившаяся въ домѣ у Баро-
на окончина доставила ему удо-
вольствіе показатѣ первый опытѣ
новаго своего искусства.

Наконецѣ въ сосѣдствѣ начали
его звать *бартенкомѣ на всѣ ру-
ки* — шило, которое особенно
любилѣ даватѣ ему брашѣ, смѣ-
ясь во все горло; но видя, что
насмѣшки не успѣваютѣ, Евгений,
по праву первородства, прибѣг-
нулѣ къ важнымѣ увѣщаніямѣ.
«Брашецѣ, говорилѣ онѣ ему,

подумай о своемъ происхожденіи и сшепеніи, какую должны мы занимать въ свѣтѣ. Мы рождены отъ благородной крови — какъ же ты можешь безчестить ее такими поступками. Искусства, коими ты занимаешься, назначены для людей особаго класса; ты же чрезъ нихъ дѣлаешься посмѣшищемъ и вредишь самому себѣ.

Никакое честное ремесло не унижаетъ человека, опсѣчалъ Владиміръ, и нѣтъ ни одного дарованія, которое бѣ при случаѣ не было полезно, если не намъ самимъ, то по крайней мѣрѣ нашему ближнему.

«Какъ! не исключая даже искусства прясъ и знанія языка Эстонскаго?» возразилъ Евгеній. «Но можно ли предвидѣть превращенности въ жизни человеке-

ской? отвѣчалъ Владиміръ: «а сверхъ того это служишь мнѣ забавою и ни мало не мѣшаетъ другимъ, полезнѣйшимъ занятіямъ. Разсуждая благоразумно, мои часы отдохновенія вѣрно ни сколько не хуже твоихъ: ибо не лучше ли заниматься тогда хоть чѣмъ нибудь, нежели вовсе ничемъ? По крайней мѣрѣ таково о семъ мнѣніе бапюшки.»

Между тѣмъ Евгению минуло двадцать, а Владиміру осмнадцать лѣтъ, когда Баронъ Фельсъ умеръ. Небольшой пенсіонъ, до того имъ получаемый, уничтожился вмѣстѣ съ его жизнію, а доходовъ съ помѣстья было недоспашочно для довольнаго содержанія. И такъ условились, чтобъ Евгений остался хозяиномъ; а Владиміръ, при посред-

ствѣ одного друга своего семей-
ства, вступилъ у Короля Пажемъ.
Онъ принесъ съ собою ко Дво-
ру застѣнчивость юноши, далеко
отъ столицы воспитаннаго, но
обладавъ здравымъ разсудкомъ,
нѣкошорыми свѣдѣніями и со-
лидностію, кои суть худыя сред-
ства, чтобъ выслужиться; а
потому и провелъ болѣе года
въ совершенной неизвѣстности.
Дворъ находился тогда въ печаль-
номъ положеніи. Король при чрез-
вычайной ненависти къ людмъ,
возросшей вмѣстѣ съ его лѣта-
ми, всюду видѣлъ себѣ враговъ,
заговорщиковъ, и даже боялся
собственныхъ дѣтей своихъ.
Только Графъ Гоенбергъ пользо-
вался его довѣренностію; все дѣ-
лалось лишь посредствомъ его,
и весь народъ вмѣстѣ съ вельмо-

жами возспали прошивъ сего любимца, во зло упошреблявшаго свое вліяніе на Монарха. Особенно же наслѣдный Принцъ негодовалъ на него, ибо имѣя право на престолъ, онъ былъ главнымъ предметомъ подозрѣній отца своего, который почиталъ его преемникомъ, желавшимъ съ нешерпѣливостію царствовать, чему по видимому служила неоспоримымъ доказательствомъ приверженность къ нему всего народа, которую подлый Министръ умѣлъ представлять Государю своему въ самомъ мрачномъ видѣ. Знаки жѣ нѣжности и повиновенія, оказываемые Принцемъ родителямъ, по мнѣнію любимца, были дѣйствіемъ тонкаго лицемерія. Всѣ его слова перешолковывалъ онъ въ худую сторону и осуждалъ поступки

самые невинные ; наконецъ такимъ образомъ возникла непреоборимая ненависть между Государемъ и его преемникомъ. А вскорѣ потомъ мало по малу хитрый Министръ заглушилъ въ сердцѣ Монарха и послѣднія чувствованія природы. Принца окружили шпіонами , и любимецъ , надменный своимъ вліяніемъ , началъ наконецъ составлять ковы , чтобы совершенно удалить его отъ Двора , даже исключивъ отъ престола и быть самому Регентомъ.

Владиміръ не зналъ сей интриги , но онъ чрезвычайно любилъ Принца , о которомъ всегда слышалъ доброе мнѣніе , и который своею любезностію склонялъ къ себѣ сердце каждаго человека.

Въ сіе - то время , прогулива-

ясь однажды въ рошѣ, близъ столицы находившейся, былъ онъ выведенъ изъ мечпаній крикомъ ошчаянія; оборошясь же въ ту сторону, увидѣлъ коляску, запряженную въ двѣ лошади, которыя во весь опоръ мчали къ нему оную; слуга въ далекѣ бѣгомъ слѣдовалъ за нею; кучеръ упалъ съ своего мѣста; лошади бѣсились — еще минуша, и коляска опрокинулась бы въ ровъ.

Владиміръ, знавшій, что въ такомъ случаѣ не должно только перяшь духа, смѣло бросаешся къ лошадямъ, хватаешъ ихъ за поводъ, даетъ иное направленіе ихъ бѣгу, нѣсколько времени допускаешъ увлекать себя, и наконецъ посредствомъ проворства и швердосши услѣваешъ остано-вить карешу.

Дѣвушка молодая и прекрасная, хошя блѣдная отъ страха, сидѣла въ ней проливая слезы; ужасъ близкой смерти лишилъ ее употребленія языка. Между тѣмъ Владиміръ, крѣпко держась за поводъ, находился въ нѣкоторомъ родѣ восторга, и готовъ былъ ошиваться въ такомъ положеніи цѣлый день, естлибъ дѣвушка продолжала плакать; но она мало по малу пришла въ себя, и начала благодарить его за спасеніе своей жизни въ самыхъ чувствительныхъ выраженіяхъ, хошя впрочемъ словами не совсѣмъ связными. Наконецъ подбѣжалъ и слуга, который увѣдомилъ госпожу свою, что кучеръ при паденіи больно ушибшись, не въ состояніи везти ее домой.

Эмилія Гоеенбергъ (ибо это

была единородная дочь Министра сего имени) хотѣла съ своею мапушкою вышши изъ кареты, чтобъ ишши пѣшкомъ дорогою довольно дальнею, и тѣмъ для нее труднѣйшею, что она едва оправилась отъ опасной болѣзни. Но Владимірѣ, Богъ знаетъ почему сдѣлавшійся особенно смѣлымъ, испрашивалъ позволенія занявъ мѣсто кучера, увѣряя Пажескою честію, что онъ ихъ доведетъ благополучно. А такое увѣреніе, подкрѣпляемое событіемъ, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ случившимся, внушило къ нему полную довѣренность юной особы, и она согласилась на его предложеніе. Тогда Владимірѣ, велѣвъ слугѣ держать лошадей подъ узцы, вскочилъ на козлы, взялся за возжи,

и какъ не лъзя лучше прїбхалъ въ городъ; при чемъ умѣлъ такъ искусно поворачивать въ переулки, такъ проворно управлялъ свой экипажъ отъ многихъ ему встрѣчавшихся по улицамъ, что, казалось, будто бы онъ весь свой вѣкъ учился кучерскому искусству. — Прохожіе съ удивленіемъ оспанавливались, видя на козлахъ Пажа; но Владиміръ нисколько эшимъ не беспокоился. Прїбхавъ же къ дому Министра, онъ закричалъ швейцару отворишь дверца у кареты, соскочилъ съ козелъ, чинобъ высадитъ своихъ сѣдаковъ, и попомъ какъ молнія скрылся отъ взоровъ любопытныхъ людей, съ изумленіемъ на него взиравшихъ.

Между тѣмъ внезапное явленіе Владиміра въ минушу вели-

чайшей опасности, его мужество, сила и скромность произвели глубокое впечатлѣніе на Эмилию. Она съ жаромъ пересказала отцу своему все приключеніе и героическій поступокъ своего избавителя. Но Министръ, въ комъ гордость заглушала всякое иное чувство, слушалъ ее съ равнодушіемъ, однакожь хвалилъ отважнаго Пажа, прибавивъ, что должно награждать его за это.

« О, конечно, папинька! подхватила съ жаромъ Эмилія: Поручичьимъ чиномъ въ Гвардіи? »

« Совсѣмъ нѣтъ! отвѣчалъ Графъ: эшотъ молодой человекъ живетъ при дворѣ только съ небольшимъ годъ, а при томъ принадлежитъ къ фамиліи, навлекшей на себя немилость Государя, и имѣетъ очень, очень по-

средственное состояніе. Нѣтъ , я пришлю ему двадцать пять луидоровъ , и увѣренъ , что онъ почтешъ себя довольно награжденнымъ за услугу , оказанную дочери Графа Гоенберга.

Вѣжливость Эмилиі оскорбилась такимъ предложеніемъ ; но зная самолюбіе своего отца , она не смѣла прямо возражать ему на это. Однакожь , дабы избавить Владиміра отъ уничиженія , которое почувствовалъ бы онъ , видя доставленіе себѣ сей суммы чрезъ лакея , испросила у Графа позволеніе лично вручить ему оную.

Почему на слѣдующее утро Владиміръ былъ приглашенъ въ домъ Министра. Онъ пришелъ туда съ сильно біющимся сердцемъ , и былъ введенъ прямо въ

комнашу Эмилиі, которой однакожь не нашелъ путь, пошому что она пошла къ отцу своему. — Такимъ образомъ Владиміръ стоялъ здѣсь болѣе четверти часа, и ни мало не скучалъ своимъ уединеніемъ. — Когда судяшь о характерѣ человека по обществамъ, которыя онъ посѣщаетъ, а о разумѣ по книгамъ имъ читаемымъ: то не съ большимъ ли правомъ можно имѣть благопріятное, или неблагопріятное мнѣніе о особахъ другаго пола по предметамъ ихъ окружающимъ? И такъ, если находимъ у нихъ въ комнашѣ кресла, обвѣшанныя плащемъ, употребляемымъ наканунѣ; паркетъ усѣянный папильотками; а комоды покрышыя пылью, пудрою и проч. и проч.: тогда невольно

ощущаемъ непріятное впечатлѣніе.

Но въ комнатѣ Эмилиі видна была чрезвычайная опрятность; а мебель хотя простая, но пріятная, доказывала хорошій вкусъ особы, коей она принадлежала. По лѣвую сторону находились фортепіано, а по правую инструменты, употребительные въ живописи; въ углу жъ стояла арфа, а на окнѣ тамбурныя пяльцы. Нѣсколько книгъ, лежавшихъ на туалетномъ столикѣ, также обратили на себя его вниманіе; онъ замѣтилъ между ими *Повѣсти Г. Бульи, Совѣты Камле и Эвало, Гарсея о должностяхъ Цицероновыхъ, и Шиллеровы Стихотворенія*. Изъ послѣдняго сочиненія висѣла зеленая лента, служившая закладкою. И Вла-

димірѣ въ первый разѣ во всю жизнь свою покусился на кражу: ибо дрожащею рукою выдернулъ сію ленточку и положилъ за пазуху близь сердца.

Въ сію минушу вошла Эмилія, несравненно прекраснѣйшая, нежели наканунѣ, когда страхъ и опчаяніе помрачили розы на щекахъ ея. Милое смущеніе ея еще болѣе возвышало ея прелести. Она не знала, какъ пристойнѣе вручить Пажу подарокъ отца своего. Но и замѣшательство Владиміра было не въ меньшей степени: онъ думалъ о похищенной ленточкѣ, которой замѣтилъ выставившійся конецъ, опустивъ глаза въ землю. И такимъ образомъ Эмилія принуждена была нарушить молчаніе, для обоихъ равно непріятное.

« Я пригласила васъ прийти ко мнѣ , сказала она нѣжнымъ , но выражающимъ замѣшательство голосомъ , чтобъ повторишь глубочайшую признашельность , которую чувствую каждый разъ , когда воспоминаю благородное ваше дѣйствіе для спасенія жизни моей. »

Владимірѣ вмѣсто всякаго инаго на сіе отвѣща только низко поклонился ей. Тысяча выраженій приходили ему въ голову; но не зная , которое изъ нихъ лучше употребить , онъ безмолвствовалъ. И Эмилія съ смущеніемъ болѣе примѣпнымъ начала опять. « Совершенно чувствую: съ своей стороны, сказала она, что за услугу вами мнѣ оказанную не лзя достойно вознаградить ничемъ болѣе, какъ вѣчнымъ о ней вос-

поминаніемъ, и потому смѣю увѣ-
ришь, что она никогда не из-
гладится изъ моей памяти. «

И на сіе вторичный поклонъ
юноши былъ единымъ отвѣтомъ;
однакожь теперь онъ осмѣлился
уже возвести глаза свои на пред-
метъ, совершенно наполнявшій
его душу.

« Но бабюшка — продолжала
Эмилія съ замѣшательствомъ еще
ощущительнѣйшимъ — бабюшка
поставляетъ долгомъ иначе до-
казать вамъ свою признатель-
ность. Онъ думаетъ, что въ ва-
ши лѣта и въ вашемъ положеніи
желають удовольствій, кои мо-
гутъ быть удовлетворены только
при хорошемъ достаткѣ; почему
не можетъ равнодушно взиранъ,
чтобъ избавитель его дочери ли-
шался оныхъ, и для того чрезъ

меня испрашиваетъ у васъ дозволенія содѣйствовать вашимъ забавамъ. «

По окончаніи съ великимъ трудомъ сей рѣчи, Эмилиі надлежало свершить самый щекотливый предметъ своего посольства, то есть отдать ему кошелекъ, который держала она въ дрожащей рукѣ своей. Между тѣмъ Владиміръ, догадавшись, къ чему клонились слышанныя имъ слова, покраснѣвъ, глаза его заблестали и на лицѣ выразилось благородное негодованіе. « Ради Бога—началь онъ—не давайте мнѣ чувствовать, сколь мала была моя услуга; повѣрьте, что и единая мысль спасти столь прекрасную, любезную дѣвушку отъ угрожавшей ей опасности, уже служилъ мнѣ достаточною награ-

дою; а сверхъ того я никакъ не смѣлъ надѣяться чести вторично васъ видѣть и разговаривать съ вами — чести, которую вы теперь столь милосливо мнѣ даруете.

« Однакожь, сударь, бапюшкѣ было угодно. . . »

« Очень хорошо, сударыня, прервалъ Владиміръ, въ довершеніе вашихъ милоспей покорнѣйше прошу просиить мнѣ дерзкое признаніе, которое долженъ я вамъ сдѣлать прежде, нежели оставлю васъ. »

Эмилія испугалась. Дерзкое признаніе — думала она — а въ чемъ состоитъ оно ?

« Когда я оставался одинъ въ вашей комнатѣ — продолжалъ Владиміръ съ замѣшательствомъ — то покусился на кражу; подарите

мнѣ похищенную мною вещь, и тогда я почту себя щасливѣйшимъ изъ смертныхъ. «

Эмилиа едва могла поднѣшь глаза. Тутъ онъ, указавъ на книгу, вынулъ изъ - за пазухи леншу, и Эмилиа, успокоившись, улыбнулась. «Ее вложила сюда старуха, моя гувернантша, сказала она, и если вы уважаете такую бездѣлку, то не уже ли не захотите принять сего кошелька, связаннаго мною?» И съ сими словами подала ему его.

Владиміръ, бросивъ леншу, съ жадностію схватилъ кошелекъ. «О, сколь вы содѣлываете меня богатымъ!» произнесъ онъ съ чувствительностію. Однакожь, если могу надѣяться сохранить ваше почтеніе, то позволите мнѣ драгоценный сей даръ осво-

бодись отъ всего ему сторонняго, чтобъ иначе не уменьшилось шѣмъ его достоинство. Доставьте мнѣ сладостное удовольствіе участвовать въ вашемъ благодѣяніи. И сказавъ сіи слова, онъ, высыпавъ деньги на шуалепъ, съ влажными отъ слезъ глазами и съ жаромъ прижалъ кошелекъ къ сердцу своему.

Слезы показались также и на щекахъ Эмилии. Владиміръ замѣтилъ ихъ. И тотъ и другая отъ избытка чувствъ не могли произнести ни слова. Наконецъ Владиміръ, въ знакъ разлуки, сдѣлалъ поклонъ. Эмилія пропянула въ нему руку, и онъ съ почтеніемъ поцѣловалъ ее.

Съ шѣхъ поръ существо юнаго Пажы, такъ сказать, преобразилось. Эшопъ кошелекъ былъ

для него шалисманомъ , предохранявшимъ его отъ всякой слабости. Крошкая важность замѣнила природную живость его характера , которая иногда превращалась даже въ рѣзвость. Онъ нѣкоторымъ образомъ не зналъ самъ , что любилъ , и не будучи въ состояніи опредѣлительно понимать своихъ восторговъ , при встрѣчѣ съ Эмилиєю всегда чувствовалъ неизъяснимое удовольствіе.

Между тѣмъ Владиміръ вскорѣ началъ имѣть случай видѣться чаще съ прекрасною дочерью Министра ; ибо достигнувъ семнадцатаго года своего возраста , она была предсавлена ко двору. Въ минушу , когда юная Графиня , одѣтая великолѣпнѣйшимъ образомъ , была введе-

на вѣ залу собранія, щасливый Пажѣ шувѣ прислуживалѣ, и она показалаь ему кѣ так мѣ нарядѣ почти менѣе прекрасною, нежели вѣ дезабилье, вѣ кошоромѣ онѣ ее нашелѣ при первомѣ сѣ нею свиданіи. За столомѣ дали ей мѣсто.—О, сколь желалѣ Владимірѣ ей прислуживать; но надлежало споятѣ за Принцессою, которая вѣ сей день принуждена была повпорятѣ ему нѣсколькo разѣ свои приказанія: такую - то присутствіе Эмилиі причиняло Владиміру разсѣянность.

Юная Графиня, вошедши вѣ залу, также его примѣшила и ласково поклонилась ему.

«Хорошее ли дѣло кланятѣся Пажу? сказалѣ на другой день по утру Графѣ Гоенбергѣ своей

дочери: «не стыдно ли двушкѣ твоего возраста и званія при вступленіи въ дворъ на первый разъ такъ одурачить себя?»

«Но, батюшка, я обязана ему жизнию: какъ же могу за такую важную услугу презирать его?»

«Мнѣ кажется, возразилъ надменный временщикъ, что ты его уже слишкомъ, слишкомъ наградила за небольшую услугу, которую имѣлъ онъ щастіе оказать тебѣ. А впрочемъ я не пребую, чтобъ ты его презирала. Нѣтъ, дочь моя, я хочу только, чтобъ ты не обращала на него вниманія: ибо необходимо нужно избѣгать взоровъ тѣхъ особъ, съ которыми непристойно имѣть связи.»

Однакожъ такое наставленіе Графа было непріятно для Эми-

ли. Она съ сего времени въ присутствіи отца своего начала бысть скромнѣе, пользуясь благопріятною минутою привѣтствовать любезнаго Пажа взоромъ; а это исполнить было тѣмъ легче, что Владиміръ безпрестанно смотрѣлъ на нее, и всегда благодарилъ за сіе непримѣтнымъ, почтительнымъ поклономъ. Такимъ образомъ сіи нѣмые разговоры продолжались цѣлый годъ, и они въ теченіе сего времени не имѣли случая сказать ни слова другъ другу.

Между тѣмъ приключеніе само по себѣ не важное вывело Владиміра изъ неизвѣстности, сдѣлавъ его въ продолженіи цѣлыхъ сушокъ предметомъ разговора при Дворѣ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы, во-

семь человекъ, изнуренные голодомъ, были выброшены на берегъ въ худой рыбацкой лодкѣ. Въ деревнѣ, куда пришли они просить помощи, никогда не видавали подобной одежды и не слышали языка, которымъ говорили они. Почему староста не зная, что съ ними дѣлать, отправилъ ихъ въ столицу. Тутъ ошъ городскихъ воротъ до главной гаубшвахты шли они, будучи окружены толпою народа, и однакожь не выискалось ни одного человека, который могъ бы отвѣчать на ихъ вопросы. Офицеръ донесъ о семъ Государю, великому любителю Натуральной Исторіи, который приказалъ ввести ихъ предъ себя. Слѣдуя его призыву, придворные удивлялись ихъ одеждѣ, зловиднымъ воло-

самъ, смиренію, и особливо непонятному языку. Но какого рода были сіи люди? кто ихъ спрашивалъ? Вскорѣ пришелъ пакже и Владиміръ изъ любопытства, и едва услышалъ отъ нихъ два слова, какъ подошелъ къ нимъ. Не лзя изобразить удивленія и радости сихъ бѣдныхъ Эстонцевъ, когда они увидѣли человека, разумѣвшаго языкъ ихъ. Они увѣдомили Пажа, что были съ острова Эзеля; что на морѣ застигла ихъ буря, цѣлые восемь дней изъ стороны въ сторону носившая; что они взяли съ собою провизіи только на суши, и что наконецъ будучи доведены до послѣдней крайности, рѣшились лучше приспастъ къ сему неизвѣстному берегу, нежели погибнуть.

Такимъ образомъ Владиміръ сдѣлался ихъ переводчикомъ. Онъ умѣлъ столь удачно описать Государю бѣдственное положеніе сихъ несчастливцевъ, что Монархъ въ ту же минуту приказалъ оповѣсти имъ домъ, и потомъ доставить въ отечество; а это было первымъ случаемъ, заставившимъ обратити вниманіе на своего Пажу Короля, который спросилъ его, какъ онъ научился сему языку. Наслѣдный же Принцъ, подошедъ къ Владиміру, сказалъ ему съ чувствительностію: «я восхищаюсь тобою, любезный Фельсмой.»

Сіе приключеніе исполнило живѣйшею радостію сердце Владиміра, который не сомнѣвался, что оно будетъ имѣть вліяніе

на участь его. Каждый день хаживалъ онъ къ островишянамъ, наблюдая за почнымъ исполненіемъ приказаній Государя, и вызвалъ также въ городъ свою кормилицу, желая доставить ей удовольствіе видѣться съ земляками ея. На послѣдокъ наканунѣ дня своего отъѣзда, на приближеніе копораго добрые сіи люди взирали почти съ горестію, они проспились съ своимъ покровителемъ, какъ съ другомъ, омочили руки его слезами и вскричали: имя твое вѣчно останется напечатлѣннымъ въ сердцахъ нашихъ. —

Уже день началъ склоняться къ вечеру, какъ онъ, размышляя о семъ приключеніи, во Дворецъ возвращался. Дорогою подошла къ нему подъ покрываломъ жен-

щина, которая съ поспѣшностію спрашивала его, не онъ ли Баронъ Фельсъ. И сей вопросъ хотя показался ему страннымъ, однакожь онъ отвѣчалъ на него утвердительно.

«Такъ пожалуйста со мною къ госпожѣ моей, которая съ неперпѣливостію желаетъ говорить съ вами» продолжала женщина.

«А кто своя госпожа?» спросилъ Пажъ.

«Молодая Графиня Гоенбергъ.»
Владиміръ, удивленный симъ отвѣтомъ болѣе прежняго, слѣдовалъ за посланною въ безмолвіи. Душа его въ сію минушу была наполняема разными чувствованіями: надеждою удовольствія видѣться съ Эмилиєю; неперпѣливостію узнать, что ша-

кое важное хочеть она сообщить ему, и удивленіемъ къ столь отважному поступку съ ея стороны.

Между тѣмъ тайнспивенная женщина вела его по глухимъ переулкамъ, и такимъ образомъ пришли они къ заду Графскаго дома. Тутъ отворила она калишку, пошла вверхъ по скрытой лѣстницѣ, прошла коридоръ, слабо освѣщаемый единою лампадою, и наконецъ постучала въ дверь, кошорая топчасъ отворилась. Эмилиа, сполько же блѣдная, какъ въ минути опасности, отъ кошорой Владиміръ освободилъ ее, подала ему знакъ приближиться, а женщину приказала спольшь караульною. И юный Пажъ, кошорому все сіе казалось сновидѣніемъ, едва былъ въ состояніи сказать ей привѣтствіе.

« Вы конечно удивляешься, Г. Фельсѣ, начала она тихимъ голосомъ, что я пригласила васъ къ себѣ такъ поздно и при томъ такимъ необыкновеннымъ образомъ; однакожь сей поступокъ есть не что иное, какъ дѣйствіе чрезвычайной довѣренности, которую вы къ себѣ внушили. Дѣло касается до услуги Наслѣдному Принцу. Сего дня послѣ обѣда, отецъ мой, съ котораго я списываю портретъ, пришелъ ко мнѣ въ комнату. Вдругъ вошедшій лакей уведомилъ его о прибытіи нѣкотораго Офицера съ депешами отъ Коменданта Кеншенбургской крѣпости. Батюшка приказалъ его ввести и вошелъ съ нимъ въ смежную комнату. Разговоръ ихъ былъ продолжительенъ и по временамъ

весьма жарокъ. Не зная полишическихъ дѣлъ, я взяла свою арфу; но имя Наслѣднаго Принца, часто повторяемое, вдругъ обратило мое вниманіе. Впрочемъ, какъ вы сами можете судить, я не могла слышать разговора въ связи, однакожь довольно увѣрилась изъ онаго, что любезному, великодушному Принцу, за котораго гетова я отдаю жизнь свою, предстоитъ великая опасность. Прощаясь съ Офицеромъ, баюшка сказалъ ему: и такъ завтра по утру въ пять часовъ! Потомъ пребылъ онъ со мною еще нѣсколько времени, имѣя видъ задумчивой и смущенный. По уходѣ жъ его наша я напечкѣ сіе письмо, вѣроятно принадлежащее къ депешамъ. Я не

могла его прочесть, потому что оно писано цифрами; однакожь по видимому заключаетъ въ себѣ обстоятельство, кои знать было бы весьма нужно. А такимъ образомъ находясь между страхомъ навлечь хлопоты отцу моему и безпокойствомъ объ участи Его Высочества, я не могла избрать ничего лучшаго, какъ скорѣе уведомить васъ обо всемъ происшедшемъ. Сверхъ того вошъ письмо; воспользуйтесь имъ, ежели можно; спасите Принца: но при томъ помните, что я поручаю вамъ это дѣло, и Графъ Гоенбергъ отецъ мой.»

Владиміръ клялся, что окажется себя достойнымъ ея довѣренности. «Будьте только мужественны и осторожны!» прибавила Эмилія, пропянувъ къ

нему руку, которую поцѣловалъ онъ съ почтеніемъ, и произнесъ въ отвѣтъ на слова ея: *тестъ и приверженность*, съ поспѣшностію оставилъ ее.

Не трудно было найти Принца, который обыкновенно по вечерамъ сижавалъ въ библіотекѣ. Владиміръ пересказалъ ему свой разговоръ съ Эмилиєю, и просилъ дозволенія не оставлять его, чѣмъ бы ни кончилось сіе дѣло. Принцъ, не отвѣчая ни слова, только съ чувствительностію пожалъ его руку. Потомъ пройдя нѣсколько минутъ назадъ и впередъ по комнатамъ, онъ сказалъ ему: «уже давно я предчувствовалъ это приключеніе. Недовѣрчивость, которую коварные льстецы поселили въ душу отца моего, дабы привести ме-

ня у него въ немилость, и по-
помъ шѣмъ удобнѣе управляшь
имъ, рано или поздно должен-
сповала непременно навлечь мнѣ
нещасіе. И такъ минуша, ко-
порой я столько спрашился, на-
спушила наконецъ! Безъ сомнѣ-
нія, мнѣ предстоитъ гибель!
Но какого она рода? какъ могу
я избѣжашь ее? Изъ числа не-
многихъ моихъ приверженцевъ
нѣтъ ни одного, который умѣлъ
бы разобрать письмо сіе.»

«Если Ваше Высочество удо-
стоите приняшь мои услуги,
сказалъ Владиміръ, то я надѣюсь
удовлестворить васъ. Только для
сохраненія приличія я не прочелъ
онаго, прежде нежели опдалъ его
въ ваши руки.»

«Такъ поспѣши же, любез-
ный Владиміръ, подхватишь

Принцъ: мнѣ еще было неизвѣстно такое швое дарованіе.....»

Владимірѣ пошчасѣ перевелѣ гибельную депешу, копорая дѣйствительно была отѣ Коменданта Кешпенбургской крѣпости, и вѣ копорой онѣ увѣдомлялѣ Графа, что всѣ мѣры, предписанныя ему для задержанія августѣйшей особы, приняшы, что онѣ дожидается уже своего арестанта, и что отвѣчаетѣ за него жизнию.

Принцѣ сдѣлался неподвиженѣ отѣ сей новости; но мало по малу вмѣсто уныніа вооружился мужествомѣ, и хопя часпо плакалѣ, но никакая жалоба на опца не срывалась съ языка его.

«Ваше Высочество, сказалѣ наконецѣ Владимирѣ, прервавѣ глубокое безмолвіе, нѣсколько ми-

нущъ владычествовавшее между ими, не должно терять времени столь драгоценнаго. *Ровно въ пять часовъ!* были послѣднія слова отъ Графа Офицеру, доставившему депеши. И шакъ удалимшесь, Принцъ, удалимшесь по скорбе; ибо надлежитъ спасти свободу, а можетъ быть и самую жизнь нашу!»

«Точно, отвѣчалъ Принцъ, значило бы слишкомъ далеко простерть предѣлы сыновняго почтенія, отдавшись произвольно въ руки враговъ моихъ; а сверхъ того, распростроивъ принятыя мѣры, я сохраню отца моего отъ бѣдствія, иначе самому ему угрожающаго.»

«Скажите — продолжалъ Владиміръ — кого еще дозволите вы увѣдомишь о вашей участи?»

« Ахъ! къ несчастію число моихъ друзей и слугъ, коимъ бы могъ я себя ввѣрить въ сію рѣшительную мину, очень не велико — произнесъ Принцъ съ глубокимъ вздохомъ — я могу надѣяться только на своего камердинера, конюха и на васъ любезный Фельсъ, уже доставившаго знаки вашей ко мнѣ приверженности.»

« Пощупайте, какъ бьется это сердце! вскричалъ Владиміръ, положивъ на грудь свою Принцеву руку. Если приверженность къ вамъ объявленныхъ людей равняется моей приверженности; то враги ваши въ воздаяніе за гнусныя свои дѣйствія получаютъ только стыдъ и угрызеніе совѣсти. Въ два часа по полуночи мы должны непременно выѣхать отсюда.»

Послѣ сихъ словъ Владиміръ пошелъ къ камердинеру и конюху, чшобъ поговоришь съ ними о приготовленіяхъ къ путешествію. Ровно же въ ч-сѣ за полночь вывелъ онъ Принца изъ Дворца въ солдатской шинели; а дабы вышши съ нимъ изъ города, то выдумалъ предлогъ, что идетъ за Лейб-Медикомъ, жившимъ иногда на ближней дачѣ. — Помомъ не замедлили они соединиться и съ двумя вѣрными слугами, приготовившими чешыре лучшихъ лошади.

Теперь представьте себѣ досаду Принцевыхъ непріятелей, когда гвардія, на которую возложено было его арестовать, нигдѣ не могла найти его; и тогда раздраженный Министръ разо-

слалъ по всѣмъ дорогамъ нѣсколь-
ко опрядовъ гусаръ, съ приказа-
ніемъ возвратить бѣглецовъ жи-
выхъ или мертвыхъ.

Между тѣмъ Принцъ съ сво-
ими поварищами хоша и много
удалился отъ города, однакожь
по причинѣ излишняго напряже-
нія лошадей, одна изъ нихъ на
разсвѣтѣ оказалась не въ состо-
яніи далѣе слѣдовать.

„Постараемшесь только до-
стигнуть лѣса, сказалъ конюхъ,
ни мало не терявшій присутствія
духа: и такимъ образомъ совра-
тившись съ большой дороги, мы,
если нужно, можемъ провести
шамъ всю ночь безопасно.“ — Од-
накожь добхать туда оставалось
еще болѣе мили.

Между тѣмъ выѣхали они
на долину, со всѣхъ сторонъ оп-

крышую, какъ вдругъ замѣтили позади себя облако пыли. Лошади ихъ чрезвычайно устали, однакожь наши путешественники рѣшились никакъ не разлучаться. Они сдѣлали послѣднее усилие, и облегчили лошадей своихъ, сбросивъ нѣсколько навьюченнаго на нихъ скарба. Между тѣмъ облако пыли отчасу приближалось, и вскорѣ увидѣли они значительный отрядъ гусаръ передъ собою.

«Друзья! сказалъ Принцъ, нѣтъ болѣе никакой возможности, чтобъ не встрѣишься съ ними; однакожь я соглашусь лучше умереть, нежели здамся. Спасайтесь: имъ только одного меня надобно; спасайтесь, повторяю, я буду прикрывать вашъ побѣгъ. » При сихъ словахъ онъ,

оборошивъ свою лошадь, выхватилъ пистолеты, и проводники его также, вмѣсто того чтобъ оставишь, рѣшились до послѣдней капли крови защищать его, не взирая, что онъ убѣдительно опклонялъ ихъ отъ сего намѣренія.

Наконецъ Офицеръ, командовавшій опрядомъ, состоящимъ изъ десяти человекъ, остановилъ оный, а самъ съ почтениемъ подѣбхавъ къ Принцу, объявилъ ему о своемъ порученіи и просилъ, чтобъ онъ не дѣлалъ безполезнаго сопротивленія. Но Принцъ съ своей стороны приказывалъ ему удалиться и не препятствовать въ путешествіи, въ кошоромъ никто не долженствовалъ пребывать отъ него отчета. «Подумайте, прибавилъ

онъ , что вы разговариваете съ наследникомъ престола »

« Когда вы сдѣлаетесь моимъ Государемъ, возразилъ Офицеръ, то я буду служить вамъ столь же вѣрно, какъ нынѣ вашему родителю. Мнѣ приказано попребовать отъ васъ шпаги, и потому прошу вручить мнѣ оную »

— А между тѣмъ, вѣроятно для того, чтобъ иснугать Принца, онъ велѣлъ солдатамъ сдѣлать нападеніе. Принцъ и его сопутники выспрѣблили. Двое гусаръ, будучи ранены, упали съ лошадей своихъ; прочіе же, конечно по полученному приказанію, усpreмались съ обнаженными саблями. Началось упорнѣйшее сраженіе. Уже конюху разсѣкли голову, Принцъ также былъ раненъ въ руку, и такимъ образомъ

побѣда долженствовала остаться на споронѣ о ш р я д а , какъ вдругъ щасливый случай привелъ на мѣсто сраженія осмерыхъ Эстонцевъ.

„ Сюда, сюда, друзья мои! „ закричалъ имъ Владиміръ. — И добрые сіи люди едва услышали голосъ своего благодѣтеля, какъ прибѣжали съ полными палками. Они столь мужественно напали въ распахъ на гусаровъ, что въ одну минуту иные изъ нихъ были обезоружены, другіе вышибены изъ сѣделъ, а прочіе увлеклись испуганными лошадьми. И такъ освободившись подобно какимъ нибудь чудомъ, Принцъ со своею свитою уже безъ всякаго инаго приключенія продолжалъ путь до лѣса. Конюхъ же, человекъ довольно пожилой, ус-

шавшій и припомъ жестоко раненый, хотѣлъ было отстать или по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ Эстонцами пихо за ними слѣдовать; но все общество, пребывая вѣрнымъ своей рѣшимости не разлучаться, шому вопрошвилось. Впрочемъ Принцъ надѣяся найти жену одного лѣсничаго, бывшаго прежде при Дворѣ ружейнаго мастера, который потомъ былъ уволенъ съ пенсіею и у котораго крестилъ онъ сына; а хошя сей человекъ уже умеръ, однакожь по всей вѣроятности можно было заключать, что вдова его продолжала еще занимать домъ, находившійся въ части лѣса, весьма удаленной отъ дороги, и котораго положеніе было довольно извѣстно Принцу.

Такимъ образомъ, достигнувъ
 лѣса и проспившись съ храбры-
 ми своими защитниками, они
 вѣбхали въ чащу онаго, и раз-
 положились подъ тѣнью одного
 стараго дуба. Тутъ Владиміръ
 вынулъ изъ своего чемдана не-
 большой свертокъ Хирургиче-
 скихъ инструментовъ и разр-
 валъ рубашку для приготовленія
 корнѣи и перевязей, между тѣмъ
 какъ камердинеръ распарывалъ у
 Принца рукавъ, чшобъ обнажить
 его рану. Владиміръ очистилъ
 ее и перевязалъ съ чудесною
 ловкостію; пошомъ сдѣлалъ по же
 самое съ конюхомъ, къ вели-
 кому удивленію своихъ повари-
 щей, кои вовсе не предполагали
 въ немъ такого дарованія. На-
 послѣдокъ, присовѣтовавъ ране-
 нымъ отдохнуть, онъ разнуздалъ

лошадей и пустилъ ихъ щипать праву, обильно росшую въ томъ мѣстѣ.

Принцъ проспалъ нѣскольکو часовъ сномъ совершенно спокойнымъ. Попомъ все общество, подкрѣпившись пищею, находившеюся въ чемоданѣ у камердинера, къ вечеру пустилось въ дальнѣйшій путь.

Между тѣмъ наступила уже ночь, какъ они достигли дома лѣсничаго. Вдова жила въ немъ съ ребенкомъ, слугою и служанкою, и приняла путешественниковъ, проливая слезы. Впрочемъ, хотя по истинѣ слезы сіи были болѣе данью памяти ея мужа, который при видѣ Принца живо представился ея воображенію, нежели знакомъ сосраданія о августѣйшемъ несчастливцѣ; од-

накожь при томъ видѣ Принца напомнилъ ей о безчисленныхъ благодѣянiяхъ, и она поспавляла себѣ за долгъ сколько возможно извѣявши ему свою признапельность. Къ несчастiю, тогдашнее ея положенiе было не совсѣмъ хорошее : ибо покойный, хотя добрый человекъ, но худой хозяинъ, оставилъ ее въ сѣспоянiи близкомъ къ бѣдности. Она накожь она опшвела знаменишому своему госпю лучшую комнату, но и въ ней, не взирая на сiе преимущество, нѣкоторыя оконницы не имѣли спеколъ. Она зашкнула опверспiя разными кульками и вешошками; однакожь сильному вѣспру, на томъ разѣ случившемся, была слишкомъ слаба сiя преграда, и между тѣмъ какъ заграждали одно изъ

нихъ, новый порывъ въпра погаша въ свѣчу въ комнаѣ, и Владиміръ, который особенно боялся вреднаго вліянія холоднаго воздуха на раненыхъ, шщетно употреблялъ всѣ свои усилія тому воспрепятствовать.

« Ахъ — сказала хозяйка — покойный мужъ мой хотѣлъ сдѣлать райкомъ эту комнапу. Въ послѣдній разъ, какъ ѣздилъ онъ въ городъ, привезъ нѣсколько прекрасныхъ стеклъ; но прежде нежели были они вставлены въ оконницы, Богъ послалъ по его душу.

« А гдѣ теперь эти стекла?» спросилъ Владиміръ.

« На погребницѣ »

« Прикажете принести оныя скорѣе; я тотчасъ ихъ вставлю.»

« О, еслибъ вы сдѣлали эту милость! » сказала хозяйка, и побѣжала съ служанкою за стеклами. Чшобъ разрѣзать оныя, за недостаткомъ попребныхъ къ тому инструменшовъ, Владиміръ употребилъ для сего Принцевъ першень, въ которомъ находился прекраснѣйшій алмазъ; попомъ снялъ масшику съ алебасровою пылью со стѣнъ соскобленною, и такимъ образомъ всѣ оконницы менѣе нежели въ часъ были приведены въ наилучшее состояніе.

« Право, Г. Баронъ, миѣ кажется, вы знаете все на свѣтѣ? » сказалъ Принцъ.

« Въ самомъ дѣлѣ, В. В. въ ребячествѣ называли меня колдуномъ » отвѣчалъ Владиміръ улыбаясь. « Теперь вы можете спо-

койно предашься сну; а также и я
набрень отдохнуть немного.
И съ сими словами легши, за-
снуль съ пріятною мыслию, что
Принцъ по крайней мѣрѣ нахо-
дился въ безопасности отъ вѣш-
ра.

На разсвѣтѣ жъ проснувшись,
пошелъ онъ ходить по лѣсу да-
бы набрать травъ, коихъ цѣлеб-
нымъ дѣйствіямъ научился у
лѣсничаго опца своего; и когда
раненые встали, у него былъ
уже готовъ декокшъ изъ оныхъ.
Владиміръ перемѣнилъ на нихъ
перевязку, и нашелъ больныхъ
своихъ въ такомъ состояніи,
что Принцъ безъ малѣйшаго без-
покойства отъ раны могъ
продолжать путешествіе; одна-
кожь, по совѣту съ товарищами
своего несчастія, рѣшился

остаться въ семь убѣжищъ до шѣхъ поръ, пока разосланные за нимъ поиски нѣсколько охладятся въ своей дѣятельности. Но гдѣ было достать свѣстныхъ припасовъ? Провизіи, при нихъ находившейся, едва доставало на завтракъ, свѣжее жѣ кушанье у вдовы было все сѣдено накануне. И такъ Принцъ, давъ ей нѣсколько золотыхъ монетъ, просилъ ее искупить все нужное въ ближней деревнѣ.

Потомъ все голодное общество съ нетерпѣливостію начало дожидаться ея возвращенія. Между шѣмъ хозяйка скоро пришла, неся въ одной рукѣ корзину съ яицами, а другою ведя прекрасную корову. Впрочемъ она извинялась, что не принесла вмѣстѣ и говядины; но ее въ

деревнѣ вдругъ найши было не
можно ; а искашь оной , чегобъ
то ни споило, ходя изъ дома въ
домъ , она опасалась возбудишь
тѣмъ любопытство ; при томъ
же все сіе нести одной было
тяжело, а взявъ носильщика ей
казалось неприличнымъ.

Однакожъ яицы довольно мог-
ли утолишь первый голодъ на-
шихъ путешественниковъ. А ме-
жду тѣмъ убили корову; и Вла-
диміръ , помня уроки своей ма-
тери , повязавшись фаршукомъ ,
потчасъ вступилъ въ должность
повара. О, сколько бѣ началъ хо-
хоташъ. надо мною братъ мой,
говорилъ онъ самому себѣ ,
еслибъ увидѣлъ меня при семъ
упражненіи. И такимъ образомъ
въ нѣсколько часовъ приготовилъ
онъ обществу хорошія щи, пре-

красной соусъ и вкусное жаркое, такъ, что добрая хозяйка признана была признашья, что шакого обѣда не имѣла у себя и на свадьбѣ. За ужиномъ же пришло Владиміру на мысль, такъ какъ обществу надлежало здѣсь оставашья не болѣе нѣсколькихъ дней, въ печеніи коихъ не могла изойти вся говядина, то и рѣшился онъ четвертую долю оной превращить въ сухой бульонъ. Будучи жъ отъ природы быспръ въ исполненіи своихъ преднамѣреній, онъ пошчасъ послѣ ужина принялся за сію работу, и на другой день по утру имѣлъ по утѣшеніе, что имъ не могло предстоять близкаго голода.

Хозяйка, возвращаясь изъ деревни, принесла вмѣстѣ съ про-

визією и неприяшное извѣстіе ,
 что по всѣмъ селеніямъ розданы
 афиши о побѣгѣ Принца, съ при-
 казаніемъ задержашь какъ сама-
 го его, такъ и прехъ соумыш-
 ленниковъ. Къ чему прибавила
 еще , что по всѣмъ дорогамъ
 развѣзжающъ гусары. И такъ на
 что надлежало рѣшиться нашимъ
 путешественникамъ послѣ такой
 новости ? Имъ казалось равно
 опасно и жишъ долѣе у вдовы и
 ѣхашь куда нибудь далѣе. Впро-
 чемъ они слышали отъ хозяйки
 также и то, что слѣдуя находивше-
 юся въ споронѣ пропинкою вдоль
 лѣса, оная приводила очень близ-
 ко къ границѣ , и что тогда
 нужно было пробхашь только
 чрезъ одну небольшую деревню,
 въ милѣ разстояніемъ отъ рѣки,
 кошорая съ сей спороны слу-

жила черпою раздѣленія между двумя государспвами.

Принцъ послѣ сего въ минушу принялъ свои мѣры. Хорошая вдова сама служила имъ проводникомъ чрезъ множество пропиковъ, пересѣкавшихъ одна другую. Наконецъ доведя такимъ образомъ до перекрестка, она повторила нужныя наставленія, поцѣловала руку Принца, и до шѣхъ поръ слѣдовала глазами за путешественниками, пока они совсѣмъ сокрылись изъ глазъ ея.

Между шѣмъ бѣглецы, пользуясь полною луною, щедро разливавшей свѣтъ свой, ѣхали всю ночь. На разсвѣтѣ жѣ примѣтили, что мѣстоположеніе все не согласовалось съ описаннымъ хозяйкою, и всѣ едино-

гласно утверждали, что они заблудились. Однакожь Владимиръ не унывалъ отъ сего приключенія. Прежде нежели выѣхали они изъ дому вдовы, имѣлъ онъ предосторожность обозрѣться. И хоша день на шопъ разъ случился туманенъ; но ему пришло на память слышанное отъ лѣсничаго, что кора деревьевъ съ сѣверной стороны бываетъ шверже, нежели съ южной. И такимъ образомъ, зная сіи признаки, онъ предложилъ Принцу свои услуги бысть его пушевопроводителемъ; когда жъ напоследокъ блуждающіе всадники встрѣтились съ нѣсколькими угольниками, коимъ была еще неизвѣстна превога о побѣгѣ Принца, то нашлось, что Пажъ не обманулся. Послѣ чего путешественники, въ намѣ-

реніи дасть одинъ или два часа отдохнушь лошадямъ своимъ , а при томъ желая также погово- рить съ сими проспыми людь- ми , усиленно ихъ просившими у нихъ отобѣдать, остановились.

На очагѣ стоялъ кошелъ ки- пящей воды; многія женщины и дѣши, сидя въ круговеньку, чи- щили грибы и бросали ихъ шуда. — Принцъ взиралъ съ удо- вольствіемъ на сіе приготовле- ніе; но Владиміръ , внимателью разсматривая еще нечищенные остававшіеся грибы , нашелъ между ими много такихъ, кото- рые будучи сами по себѣ без- вредны , но достигнувъ извѣст- ной степени зрѣлости , могли навлечь за собою гибельныя по- слѣдствія. « Поспойте , друзья мои ! » вскричалъ онъ: « не бѣше

сихъ грибовъ ; они ядовиты. И доброе семейство угольниковъ, которому Владиміръ объяснилъ причину такого запрещенія, не безъ горести согласилось опрокинуть кошелъ свой. Послѣ сего Пажъ изъ остававшихся грибовъ набралъ небольшую сковороду для Принца , который очень радовался случаю ѣсть любимое кушанье; а чтобъ вознаградить угольниковъ за столь неожиданную потерю, (ибо у нихъ оставался для обѣда только черный хлѣбъ), приказалъ изъ сухаго бульона пригошовить вкусный супъ въ количествѣ , слишкомъ достаточномъ для насыщенія гостей своихъ.

Помомъ пошчасъ послѣ обѣда наши путешественники опирались въ дальнѣйшій путь. Лѣсъ

мало по малу дѣлался не столь мрачнымъ. Впрочемъ при за-хожденіи солнца увидѣли они блистающій шпигъ колокольни въ деревнѣ, кою которой сполько желали достигнуть. Пробывъ же еще двѣ мили, имъ оставалось только перебраться чрезъ рѣку; но вѣтеръ, коюрый они въ лѣсу едва чувствовали, въ полѣ былъ чрезвычайно силенъ, и при-томъ имѣлъ прошивное ихъ пу-ти направленіе. Почему и не могли они надѣяться достигнуть своей цѣли прежде ночи; а это было тѣмъ неприятели, что за деревнею, на пространствѣ цѣ-лой мили, дорога состояла изъ сыпучаго песку, на коемъ ихъ лошади, и шакъ уже весьма устав-шія, непременно долженствова-ла остановиться.

Слѣдовашельно бѣхашь до деревни, чшобѣ провести въ ней ночь, было сопряжено съ великими трудностями, а при томѣ находясь уже на концѣ своего поприща, имѣ казалось ужасно папасься гусарамѣ; возвращишься же ночевашь въ лѣсѣ не хотѣлось.—Между тѣмѣ, когда они разсуждали такимѣ образомъ, Владиміръ увидѣлъ крестьянина, который не зналъ, что дѣлалъ съ быкомѣ, падшимѣ на дорогѣ; и угадывая причину сему приключенію, а также снабдившись разными инструменшами, онѣ подбѣжалъ чрезъ поле къ возу, гдѣ увѣрился, что раздушый быкъ дѣйствительна обѣлся чего либо неудобосваримаго.

„И такѣ ты здѣсь совершенно одинѣ, другѣ мой?“ сказалъ

Владиміръ крестьянину, пролившему горькія слезы.

„Что дѣлашь, сударь, такая моя участь. Не давно точно симъ же образомъ лишился я одного быка; эшомъ же, котораго пошомъ купилъ, не заплащя еще денегъ, страдаешъ шеперь шою жѣ болезнію, и если умрешъ, шо я совсѣмъ разорюся.“

„Но если я воскрешу его?“

„Ахъ, сударь, возможно ли эшо!“

Тогда, не говоря болѣе ни слова, Владимиръ вонзилъ въ бокъ быка нѣкоторый хирургическій инструментъ; спершійся и производившій раздушіе воздухъ постепенно разрѣшился, и менѣе нежели чрезъ чепверть часа живошное встало на ноги.

„Ахъ, сударь!“ вскричалъ шог-

да крестьянинъ внѣ себя отъ радости : «чѣмъ могу вознаградишь васъ за такую услугу! Чего вы отъ меня желаете?»

«Ничего кромѣ взаимной услуги, отвѣчалъ Владиміръ, и она не будетъ тебѣ ничего стоить. Видишь ли прехъ всадниковъ подъ деревьями? Это мои товарищи, такіе жъ добрые люди, какъ ты и я, хотя на сей разъ и нужно намъ укрыться. И такъ, прошу тебя, дай намъ какое нибудь скромное убѣжище; за что получишь богатое награждение, если только никто насъ не примѣшитъ, и если до разсвѣта мы будемъ уже за границей.»

Крестьянинъ, удивляясь такому предложенію, въ недоумѣніи посматривалъ по на Владиміра, по на его товарищей.

«Государь мой, сказалъ онъ наконецъ, теперь мнѣ не трудно угадать васъ; разосланныя по всѣмъ селеніямъ афиши ясно подтверждаютъ мнѣ, что я въ васъ не ошибаюсь. Кто поймаетъ бѣглецовъ, тому обѣщана богатая награда; но прежде говорили такъ много хорошаго о Наслѣдномъ Принцѣ, и вы избавили меня отъ столь великой бѣды, что я готовъ теперь сдѣлать все для васъ и вашихъ соучастниковъ. Клянусь Богомъ, вы можете на меня положиться! Подождите только ночи, и тогда я приведу васъ въ свою хижи-ну, находящуюся при входѣ въ деревню Тамъ живетъ со мною только жена, которая не смѣетъ пикнуть, и больная старуха, мать ея. Иванъ же мой

пошелъ въ городъ за лекаремъ и если возвратишься на эту пору, то я васъ укрою, пока лекарь кончитъ свое дѣло; а завтра рано поуспру вы, съ Божіею помощію, безопасно побѣдете далѣе.»

Принцъ, которому Владиміръ обо всемъ подробно пересказалъ, рѣшился положитьсь на честность крестьянина. Они пріѣхали къ нему не будучи ни къмъ примѣчены. Жена его, увидя незнакомцевъ, оставила свое вершено, и облокотившись на столъ, приспально ихъ разсматривала. Но мужъ, которому не нравилось это, послалъ ее убирать клевы, и она удалилась.

«Теперь прошивъ худаго щасія должно вооружиться добрымъ сердцемъ» сказалъ Владиміръ:

«самомалѣйшій видѣ безпокойства можешъ измѣнишь намъ.» По произнесеніи сихъ словъ взялъ онъ вершено и началъ прясшь. Принцъ не могъ при семъ удержаться отъ смѣха; однакожь Пажъ объ томъ не забошлся, и продолжалъ свою работу — какъ вдругъ вошла въ избу крестьянка, раскраснѣвшаяся отъ гнѣва. «Что вы это дѣлаете, сударь, вскричала она, или думаете...?» И попомъ въ минушу пресѣкла рѣчь свою, увидѣвъ, что Владиміръ знаетъ мастерски это дѣло и что нитка, копорую онъ ей показалъ, была гораздо ровнѣе, нежели ея пряжа.

«Ахъ — продолжала она послѣ съ довольнымъ видомъ — какъ жаль, сударь, что вы не дѣвушка. Сдѣлайте милость, попрядите еще,

пока я сварю супъ ; по крайней мѣрѣ у меня не пропадетъ даромъ вечеръ. — Владиміръ обѣщаль исполнить ея желаніе ; и когда крестьянка , забывъ все , продолжала ему удивляться , то онъ сказалъ самому себѣ : и такъ не худо , что я прясъ научился.

Долго бы еще , можетъ быть , крестьянка продолжала смотрѣть на него такимъ образомъ , если бы ихъ батракъ не возвратился—безъ лекаря. Тогда раздались жалобные стоны за занавѣсомъ. Больная говорила , что если ей не пустятъ кровь , она не доживетъ до утра ; и крестьянка кляла всѣхъ на свѣтѣ медиковъ за то , что они изъ корысти лечатъ мнимо - больныхъ богатыхъ горожанъ , оставляютъ бѣдняковъ умирать безъ помощи.

« О если только зависитъ это отъ кровопусканія— вскричалъ Владиміръ, бросивъ верешено, то Богъ милосливъ! »

Крестьянка едва вбрила глазамъ своимъ, когда увидѣла, что прядильщикъ вдругъ вынулъ ланцетъ изъ своего бумажника, и опасалась дать молодому челоѣку исполнить, по ея мнѣнію, столь важную операцію; однакожь мужъ ее успокоилъ, сказавъ: «пусти его, Машурина, этошъ баринъ на все молодецъ.» Когда же потомъ увѣдомилъ больную о чудесномъ излеченіи быка, то она сама прощянула Владиміру свою руку. Пажъ кончилъ операцію какъ не лзя лучше, и съ сей минуты прослылъ существомъ необыкновеннымъ. Крестьянка совсѣмъ уже оставила мысль,

которую возымѣла было вшайнѣ
открышь бѣглецовѣ и получишь
обѣщанную награду; напрошивъ
того усердно угощала всемѣ, что
находилось лучшаго въ ея домѣ,
и удалила бапрака, съ которымъ
было умышляла заговорѣ свой.

Между тѣмъ ночью владыче-
сповала совершенная тишина въ
деревнѣ, исключая бурнаго вѣш-
ра, рѣвѣвшаго по улицѣ, кошо-
рый тѣмъ болѣе давалъ имѣ чув-
ствовать цѣну такого госте-
пріимнаго, спокойнаго убѣжища.
На разсвѣтѣ жѣ, едва начала за-
ниматься заря, Принцѣ, давъ
крестьянкѣ нѣсколько золотыхъ
монетъ, сѣлъ съ своими товари-
щами на лошадей, и такимъ об-
разомъ всѣ отправились въ даль-
нѣйшій путь, будучи сопровож-
даемы благословеніями.

Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины, башракъ, которому не хотѣлось лишиться награды, между шѣмъ скрывшись, въ сію минушу выскочилъ и схватилъ за повода лошадь бжавшаго впереди Владиміра. Однакожь сильный ударъ бичемъ заставилъ его отскочить; прочіе же, успрямивъ противъ него пистолеты, во весь галопъ помчались изъ деревни. Но крикъ башрака, разбудивъ сосѣдей, произвелъ тревогу; и наши путешественники едва пробѣжали половину пуши, какъ уже услышали набатъ. И такъ надлежало ускорить бѣгъ свой, не взирая, что лошади отъ глубокаго, сыпучаго песку должны были изнуриться до смерти.

Между шѣмъ достигнувъ рѣ-

ки, они не нашли на ней ни моста, ни парома; а находилось небольшое судно, могшее помѣщать однихъ только людей: но перевозчикъ, старикъ лѣтъ въ шестьдесятъ, имѣвшій на берегу хижину, не соглашался ни за что переправить ихъ въ такую бурную погоду. Даже самая пригоршня золоша не могла склонить его къ тому. Владиміръ угрожалъ ему просрѣбить за упорство голову; и при видѣ пистолета старикъ обѣщалъ исполнить требуемое путешественниками, но испросивъ у нихъ позволеніе сходить за сыномъ, не возвращался. — Дожидашься же долбе была дорога каждая минуша; ибо въ дали показалась уже толпа крестьянъ, которые съ страшнымъ крикомъ бѣжали на нихъ,

вооруженные косами, ухвапами и вилами.

«Выспрѣлимъ въ нихъ, сказалъ Принцъ: не могу опдаться живой въ ихъ руки.»

«Ихъ цѣлая толпа — опвѣчалъ конюхъ — какъ возможно одолѣть такое множество!»

«Почему знашь, попробуемъ: щасше храбрецамъ помогаешъ.»

«Однако зачѣмъ подвергашся явной опасности; намъ остаешся только переправиться чрезъ эту рѣку,» сказалъ Владимиръ.

«Но гдѣ перевозчикъ? а сами можемъ ли мы управить судномъ въ такую бурную погоду?»

«Я берусь за это.»

«Какъ!»

«Точно такъ, В. В. дозвольте только, чшобъ между тѣмъ какъ я буду управлять рулемъ,

прочіе бѣ мои поварищи гребли; а въ такомъ случаѣ за успѣхъ ручаюсь.»

«Инѣ хорошо, я на васъ полагаюсь!» сказалъ Принцъ, вскочилъ въ судно, взялъ первое весло, а камердинеръ его другое. Владиміръ же спалъ на корму, и по пѣнившимся высокимъ валамъ споль искусно велъ судно въ косвенномъ направленіи, что Принцъ, хотя былъ уже свидѣтелемъ многимъ другимъ его знаніямъ, чрезвычайно удивлялся сему послѣднему. Теперь пустимъ судно ипши собою, а сами отдохнемъ немного, сказалъ Владиміръ переплывъ большую бысприну: нѣсколько ниже высадка мнѣ кажется удобнѣйшею.

Между тѣмъ крестьяне, уже прибѣжавшіе на берегъ, остава-

лись неподвижны отъ изумленія. Они не понимали, какъ господа могли плыть съ такою безпечностію по рѣкѣ въ столь бурную погоду, когда и самый опытный перевозчикъ не могъ на то осмѣлиться. Когда жъ увидѣли они ихъ высадку на прошивуположный берегъ, то закричали *прощай!* забрали лошадей и пошли увѣдомишь старосшу о неудачѣ своего предпріятія.

Принцъ же, чувствуя себя въ совершенной безопасности, прижалъ Владиміра къ сердцу своему. «Вошь, господа! вскричалъ онъ, — вошь истинный нашъ избавитель; обнимемъ его. Опнынѣ только смерть можетъ разлучить насъ въ послѣдствіи.»

Потомъ пѣшкомъ пошли они до ближайшаго города, гдѣ

Принцъ , увѣдомивъ объ истинномъ своемъ званіи , былъ принятъ съ должною ему почестью, и въ ожиданіи , пока отправленный въ столицу курьеръ привезетъ дальнѣйшія повелѣнія въ разсужденіи Е. В. просили его остановиться въ Рапушѣ.

Между тѣмъ , когда отдохнувъ нѣсколько часовъ , Принцъ располагался , по убѣжденію Государя сей области, выбрать для своего пребыванія замокъ , какой ему болѣе понравится, услышалъ при томъ съ другой стороны извѣстіе о внезапной смерти отца своего ; и сей ударъ рока , похитившій у него виновника бытія его , прежде нежели успѣлъ онъ съ нимъ примириться, чувствительно пронулъ сыновнее его сердце, и гласъ приро-

ды совершенно заглушилъ воспоминаніе о минувшемъ — слезы градомъ полились изъ глазъ его.

Такимъ образомъ, будучи призываемъ въ опечество самую священною обязанностію , онъ написалъ благодарительное письмо къ владѣльцу земли , въ которой получилъ столь хорошее гостепріимство , опложивъ до другаго случая лично изъяснивъ ему за то свою благодарность , и наконецъ при радостномъ восклицаніи народа всступилъ опять въ государство , изъ котораго не задолго предъ тѣмъ бѣжалъ, какъ изгнанный.

Въ числѣ Депутатовъ, посланныхъ къ нему съ ключами отъ столицы, находился также впереди , блѣдный и шрепещущій , Министръ , столь жестоко его

преслѣдовавшій. Одна ко жь Принцъ, забывъ все сіе, видѣлъ въ немъ только опца Эмилии, кошорая будучи руководима благородною приверженностію, предверила его о сосшавлявшемся прошивъ него заговорѣ, — наконецъ опца шей, кошорую любилъ Владиміръ, его другъ и избавитель: почему принялъ его съ благосклонностію, всѣхъ изумившею, и въ наказаніе приказалъ ему только удалиться въ свои помѣстья.

Владиміръ же, получившій Графское достоинство, вмѣстѣ съ первою Государственною должностію, былъ любимцемъ новаго Короля, и Графъ Гоенбергъ почелъ за щастіе имѣть своимъ зятемъ того Пажа, на котораго прежде запрещалъ своей дочери даже смотрѣть благосклонно.

Такимъ образомъ Министръ Фельсъ нѣсколько лѣтъ раздѣлялъ съ возлюбленнымъ своимъ Монархомъ бремя правленія, и обладая Эмилиєю, пользовался истиннымъ щастіемъ. Евгений же, между тѣмъ перемѣнившись во нравѣ своемъ, проводилъ каждую зиму по два мѣсяца у своего брата, и безпреспанно повторялъ дѣшамъ своимъ слѣдующее правило: «образуйте, мои милые — говорилъ онъ имъ — ваши сердца и способности; тысячи путей приводятъ разумнаго человѣка къ почестямъ и щастію, между тѣмъ какъ человѣкъ съ обыкновеннымъ умомъ и дарованіями можетъ только сохранить права, полученныя имъ по случаю рожденія.»

ЛАЗАРЬ,

ИЛИ

ПРОДАВЕЦЪ АПЕЛЬСИНОВЪ.

Лазарь, сиротка, покрытый лохмотьями, остановился у воротъ дома при Поншинскихъ болошахъ. Черные большіе глаза его уныло смотрѣли изъ-подъ прекрасныхъ бровей, а волосы нерадиво были разбросаны по лицу блѣдному и загорѣвшему. Онъ родился въ Веллери отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей, которые въ наслѣдство оставили ему только честь свою и трудолюбіе. На родинѣ, славившейся тѣмъ только, что здѣсь

увидѣлъ въ первый разъ свѣтъ Императоръ Августъ, бывшій некогда обладашелемъ почти цѣлаго міра, никакъ не хотѣлъ принять къ себѣ бѣднаго малюшку, и каждый, кому онъ предлагалъ свои услуги, говаривалъ ему: « Богъ тебя пристроитъ ; Онъ общій нашъ отецъ и покровитель!» А сіи слова въ послѣдствіи глубоко напечатлѣлись въ умъ его. « Видно въ самомъ дѣлѣ — говорилъ онъ — Богъ печется о несчастныхъ; ибо всѣ добрые люди единодушно меня симъ утѣшаютъ.»

Однакожь куда надлежало ему итти? Онъ слыжалъ, что въ Неаполѣ жили тысячи пунейдцевъ, но почемужъ и ему, который вмѣсто того, чшобъ просить милосшыни, спарался быть об-

щеполезнымъ , не найши себѣ шамъ пропитанія.!

Набвшисъ по щасію до сына въ одномъ монастырѣ въ шомъ самый день, въ кошорый рѣшилсѣ исполнитъ сіе намѣреніе, онъ почувствовалъ въ себѣ довольно силы начашъ сіе путешествіе. Но съ нимъ случилось то же, что бываетъ и со всѣми молодыми людьми, кошорые обыкновенно думаютъ, что способы для пропитанія у нихъ неисшощимы: едва прошелъ онъ нѣскольکو миль, какъ упалъ отъ изнеможенія.

„Всѣ добрые люди обѣщали мнѣ — говорилъ онъ плача — что Богъ меня не оставитъ; почему жѣ теперъ не могу я ийти далѣе?“

Оскда не далеко было до де-

ревни. Молодая крестьянка, шедшая случайно въ городъ съ молокомъ, услышала его стenanія, и въ минушу, какъ Лазарь, испуганный шумомъ, поднялъ голову—къ губамъ его приблизился кувшинъ, и ласковая улыбка крестьянки приглашала его напишья изъ онаго. «И такъ Богъ въ самомъ дѣлѣ не оставилъ меня!» вскричалъ онъ, съ чувствительностью смотря на свою благодѣтельницу. Потомъ едва напился такимъ образомъ, какъ лошница побѣжала отъ него прочь, прежде нежели успѣлъ онъ сказать ей хотя одно слово въ благодарность. Лазарь ошолбенѣлъ, и вспомнивъ исторію о пророкѣ Іліи, нерѣдко пишаемомъ непосредственно отъ Провидѣнія, подумалъ, что и его также на-

поилъ Ангелъ въ образѣ крестьянки.

Наконецъ подкрѣпясь новыми силами и новымъ упованіемъ на Бога, онъ весело отправился въ дальнѣйшій путь, воспѣвая по псалмы, по пѣсни, пока голодъ опять прогналъ его веселость; и по мѣрѣ какъ онъ давалъ себя чувствовать безпрестанно болѣе, Лазарь, сперва тихо, а потомъ громче началъ напоминать Богу, что покровительствуемый имъ мальчикъ снова требуетъ Его помощи; и вскорѣ встрѣтился съ погонщикомъ осла, у коего сіе животное было навьючено каштанами. Тогда изумляясь такому чуду, онъ спокойно дожидался, что погонщикъ подойдетъ къ нему и накормитъ; однакожь тщетно: мужикъ прошелъ мимо

даже и не поѣмотрѣвъ на голоднаго пупешештвенника. Почему онъ медлишельно пуспился опяшь въ дорогу, будучи ошъ горесши почти гошовъ ропшашъ на Провидѣніе, какъ вдругъ увидѣлъ подъ ногами своими рассыпанные кашшаны.

Они върояпно высыпались изъ худаго мѣшка, котораго погонщикъ не замѣшилъ. Однакожь Лазарь съ негодованіемъ отвергъ обьясненіе сего рода, кшорое для разгоряченнаго воображенія показалось бы очень напуральнымъ. Ежели рука, которая въ крайней нуждѣ неожиданно увлажшила горшанъ его подкрѣпительнымъ молокомъ, была приведена къ сему дѣйствію верховною силою, то и кашшаны, на дорогѣ рассыпанные, надлежало

также приписать чуду. Однакожь, какъ бы то ни было, шолько онъ наполнилъ ими всѣ свои карманы, наломалъ сухихъ сучьевъ, развелъ огонь, изжарилъ ихъ, и набѣщись до сыта, опять запасся ими шолько, чшобъ на нѣсколько дней не имѣшь нужды въ пропитаніи.

Признаемся впрочемъ, что вѣроятно была какая нибудь посторонняя причина, способствовавшая къ разсѣянію его сомнѣнія, которое разсудокъ, никогда не теряющій правъ своихъ, возбудилъ въ немъ касательно мысли о совершившемся чудѣ. Ибо, еслибъ это было естественнымъ приключеніемъ, по правила, внушенныя ему честнымъ опцемъ, заспавили бы его ворошишь погонщика, увѣдомить о случив-

шемся, помочь ояшь скласць кашшаны вѣ мѣшокѣ, и попомѣ сѣ подобоспрасшїемѣ дожидашься, пока бы эшомѣ человѣкѣ изѣ признапельности далѣ ему ихѣ пригоршню. Но предпологая вѣ эшомѣ чудо, долгѣ уже не обязывалѣ его кѣ шому; и поелику слабосць человѣческая всегда гонсва пользовашься даже малѣйшими предлогами кѣ оправданїю средствѣ, упошребляемыхѣ для заглушенїя всякаго неприяшнаго чувсшва: то онѣ испребилѣ сїе сомнѣнїе при самомѣ его началѣ и снова увѣрился, что не иначе, какѣ его духѣ покровишель распоролѣ мѣшокѣ сѣ кашшанами, или отшрашилѣ отѣ шого вниманїе погонщика, а вѣ сей увѣришельности весело произнесѣ онѣ громкимѣ голосомѣ: «Богѣ и ояшь мнѣ поможешѣ!»

На другой день по утру такое его упование дѣйствительно оправдалось, когда, бѣгая за бабочкою, нашелъ онъ гнѣздо рябчиковъ; а тогда могъ ли сомнѣваться, что сей видъ принялъ его Ангелъ-хранитель нарочно, чтобъ привести къ гнѣзду споль полезному? О, щастливыя мечты дѣйства! для чего всѣхъ сердца не имѣютъ мужества — или слабости — вамъ открываться? Вѣрованіе въ чудеса въ самомъ дѣлѣ производитъ чудеса, возбуждая въ насъ упование, которое выдерживаетъ всякія жизненныя бури и очень не рѣдко приводитъ корабль нашей жизни благополучно къ тихому пристанищу, заставивъ, къ великому удивленію зрителей, преобороть всѣ опасности.

Въ такомъ-то расположеніи ума и сердца Лазарь пришелъ къ послѣднему почшовому двору, нашедшемуся при болошахъ Поншинскихъ. Его запасъ кашпановъ начиналъ уже исходить, а при шомъ оспавался еще добрый переходъ до Террачины. — Почшмейстеръ и всѣ его домашніе походили менѣе на людей, нежели на привидѣнія, ибо тогда по всей окрестности свирѣпствовала прилипчивая лихорадка. Болѣзнь и горесть ожесточили сердца ихъ, и Лазарь ночью едва могъ укрыться въ сей сторонѣ отъ удушающаго шума.

Легши въ конюшнѣ въ заднемъ углу, онъ тихонько разговаривалъ съ Небеснымъ Опцемъ своимъ, напоминая Ему, въ совершенной довѣренности къ Его

промыслу, что теперь наступила минута оказать новое чудо надъ несчастнымъ сыномъ его— какъ вдругъ услышалъ стукъ кареты; любопытство заставило его выглянуть, и онъ увидѣлъ, что у почтоваго двора остановился прекрасный берлинъ, запряженный въ чепыре лошади, изъ коего вышелъ прежде красивый молодой человекъ, а за нимъ дѣвочка почти одинаковаго съ Лазаремъ возраста; и между тѣмъ какъ перемѣняли лошадей, оба сіи путешественника, сидя на лавочкѣ, вынимали изъ корзинки апельсины, облупляли ихъ, разрывали по волокнамъ, сыпали туда сахаръ и вкуснымъ сокомъ ихъ прохлаждали жажду свою.

При семъ зрѣлищѣ желудокъ громко напомянулъ Лазарю о своей

по потребности; вниманіе его было раздѣлено между апельсинами и дѣвочкою! Но къ щастію, онъ могъ единымъ взглядомъ обозрѣвать оба сіи предмета; ибо прекрасная дѣвочка, облупая апельсины, очищенные клала въ маленькой свой рошикъ. И на семъ-то рошикъ особенно оспанавливалъ онъ взоры свои и чувствовалъ только въ первый разъ во всю жизнь желаніе, по истинѣ извинительное: онъ менѣе смотрѣлъ на плодъ, нежели на уста, которыя изъ него сокъ высасывали.

Между тѣмъ нечувствительно приближился онъ такъ къ обоимъ, что почти могъ счесать каждый волосокъ на локонахъ милой дѣвушки, развѣваемыхъ легкимъ зефиромъ, и неподвиж-

но остановился предъ нею съ
шой смѣлою невинностію, кото-
рая походила иногда на просто-
пу деревенскую. — Молодой че-
ловѣкъ, замѣшивъ его, сдѣлалъ
гримасу и сказалъ дѣвушкѣ, ко-
торая была сестра его: « Это
вѣрно дурачокъ, сестрица? »

Тутъ дѣвушка опслонила на
сторону свои локоны, завѣшивав-
шіе лице ея, и бросила на Лазаря
взглядъ, которъй заставилъ по-
краснѣть его щеки, естествен-
но блѣдныя, такъ точно, какъ
солнечные лучи окрашиваютъ да-
ры богини Помоны.

« Нѣтъ, онъ не глупъ, а толь-
ко бѣденъ, » отвѣчала дѣвушка
прелестнымъ голосомъ.

Лазарь не говорилъ ни слова.

« Послушай — закричалъ молодой
человѣкъ съ надменностію, между

шѣмъ какъ сокъ апельсиный текъ у него сквозь пальцы — «послушай: не правда ли, что ты глупъ?»

Лазарь все продолжалъ молчать. Дѣвушка сердито посмотрѣла на своего брата и сказала ему: «какъ можно быть столь жестоку?»

«Жестоку? — возразилъ молодой человекъ — не уже ли эгоизмъ и глупость способны мыслишь и чувствовать такъ же, какъ мы. Намъ неприлично шутить съ людьми сего состоянія, и онъ за два ліара (*), которые хочу ему дать, охотно сознается, что есть самая глупѣйшая скотина на свѣтѣ. (Къ Лазарю) «Не правда ли? Будешь ли опубличать когда нибудь?»

(*) Небольшая Италіанская монета.

Однакожь Лазарь опять молчалъ.

Молодой повѣса вынулъ изъ кармана монету.

«Хочешь ли получить это?» спросилъ онъ его: «признайся только, что ты глупъ.»

Лазарь опять не отвѣчалъ ни слова; однакожь не могъ при семъ не бросить взора, извѣявшаго вмѣстѣ досаду и презрѣніе, на беспыднаго, который такъ колко издѣвался надъ его нещасіемъ.

«О, когда такъ — продолжалъ повѣса — если тебѣ не нужны деньги, то ты долженъ быть или умнѣе, или богашѣе меня.» И съ сими словами положивъ опять монету въ карманъ, вынулъ апельсинъ изъ корзинки.

Между тѣмъ у дѣвушки со-

всѣмъ пропалъ къ тому аппетитъ. Она украдкою бросила на Лазаря нѣсколько взоровъ, помраченныхъ непріятнымъ чувствованіемъ, выражавшимся во всѣхъ чертахъ лица ея. А братъ, выпянувшись, очищалъ авельсинъ, и кусочки корки бросалъ на бѣднаго мальчика. «Ради Бога, братецъ, что ты дѣлаешь?» сказала дѣвушка съ глазами, исполненными справедливаго негодованія.

«А зачемъ нейдетъ онъ отсюда прочь?» возразилъ молодой человѣкъ, дѣлая то же.

Но Лазарь въ теченіи этого времени собиралъ бросаемые на него кусочки корки и клалъ ихъ въ мѣшокъ, висѣвшій у него на шеѣ. «На что тебѣ эта дрянь?» спросилъ его молодой человѣкъ

съ нѣкоторымъ удивленіемъ. И Лазарь, коему воспоминаніе объ отцѣ придадо мужества, произнесъ тихо: «покойной бабюшка училъ меня ничего не презиратьъ, ибо — говаривалъ онъ — сколькобъ какая вещь по видимому ни казалась негодною, однакожь всегда можеть доставить нѣкоторую пользу.»

«Слышишь ли, братаецъ, сказала двушка: онъ не глупъ.»

И разумной ея братаецъ съ видомъ глубокомыслія опвѣчалъ ей: «кто довольствуется только корою, тому никогда не удастся достигнуть плода. Совѣтую ему быть философомъ.» Однакожь повѣса напрасно говорилъ сіе, ибо Лазарь не понималъ его; онъ не слышалъ даже и его разговора, потому что вся Лазарева душа

была, такъ сказать, въ глазахъ, а глаза покоились на дѣвушкѣ, которая съ своей стороны смотрѣла на него съ состраданіемъ. «Ты конечно очень бѣденъ?» спросила она его въ полголоса, какъ будто бы боясь оскорбить своимъ вопросомъ.

Лазарь молчалъ, но глаза его наполнились слезами.

«Не здѣшній ли ты?» продолжала дѣвушка. — Лазарь покачалъ головою.

«А изъ далека ли?» — Изъ Веллери.

«Одинъ?» — Ахъ, нѣтъ! Богъ меня провожаетъ.

«Видишь ли — прервалъ его молодой человекъ съ насмѣшкою: «мы въ безопасность на дорогѣ принуждены были взять съ собою нѣсколько солдатъ; а ты избавляешься отъ эшаго убытку.

«Такъ точно, Богъ былъ проводникомъ моимъ,» повпорилъ Лазарь твердымъ голосомъ.

«И тебя не ограбили?» — Нѣтъ! отвѣчалъ онъ протосердечно.

«О, вѣрю, очень верю!» вскричалъ молодой человекъ съ глупою ужимкою. Но сестра его при сихъ словахъ побѣжала къ каретѣ, вынула изъ ридикюля скудо (*) и подала его бѣдному мальчику, который медлишельно просянулъ за тѣмъ руку свою, опасаясь коснуться пальцевъ благодѣшельницы, ибо думалъ, что и она такъ же была Ангелъ въ дѣвическомъ образѣ; почему въ благодарностъ возвелъ только на небо глаза свои.

«Ну, сестрица, теперъ каж-

(*) Италіянская монета.

дый бы догадался, что ты выпущена изъ монашья — сказалъ ей молодой человекъ нахмурившись — расточать такъ деньги вѣрно какія нибудь ханжи научили тебя шамъ.»

« Я ничего не просилъ у барышни,» возразилъ Лазарь.

« Такъ точно — сказала дѣвушка — я дала тебѣ эту монету изъ доброй воли и вѣ награду за швое упованіе на Бога.»

Тутъ раздавшійся ударъ послѣднѣйшаго бича пресѣкъ разговоръ сей. Добрая дѣвушка, сѣвши вѣ карешу, успремила со-страдашелейный взоръ на скипающаго сиротку и шѣмъ удвоила свое благодареніе. Напрошивъ того братъ ея бросилъ къ ногамъ Лазаря послѣднюю корку добдаемаго имъ апельсина; по-

помѣ также прыгнувъ въ карету, закричалъ извѣстнику: *лошадь!* — и берлинъ покашлялся въ быспрошю молніи.

Лазарь стоялъ, какъ будто бы прикованный, на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока могъ видѣть повозку; когда жъ она въ пыли и опдаленности скрылась наконецъ изъ его взоровъ, то воображеніе его парило на облакахъ, куда, какъ онъ думалъ, возлетѣлъ Ангелъ въ образѣ доброй дѣвушки. Аннонціанда (такъ называлась она) сдѣлалась послѣ божествомъ его; всѣ ея черты глубоко напечатлѣлись въ его сердцѣ, а слова остались на вѣки въ памяти. Ему досадно было только то, что къ воображенію о дѣвушкѣ всегда примѣшивалась мысль о жестокомъ ея братѣ.

Впрочемъ, онъ желалъ бы сохра-
 нить скудо, какъ драгоценность;
 но нужда заставляла его съ нимъ
 расстаться. Онъ вымѣнялъ сію
 монету на такое множество де-
 негъ, что надѣялся прожить ими
 нѣсколько недѣль въ Неаполѣ, и
 въ сей увѣришельности, хорошо
 побѣвши, отправился онъ по Гер-
 рачинской дорогѣ не токмо очень
 веселымъ, но съ большею прошивъ
 прежняго довѣренностию на Про-
 видѣніе. При чемъ дорога показа-
 лась ему столь короткою, что
 онъ, пришедши въ сей городъ,
 усталъ не болѣе, какъ послѣ какой
 нибудь прогулки. Образъ новаго
 Ангела хранителя всюду окру-
 жалъ его; не одно сто разъ былъ
 онъ готовъ просянуть къ нему
 руки, и такимъ образомъ без-
 престанно имъ занимаясь, не

чувствовалъ ни полета времени, ни того, сколько еще оставалось ему идти до предположенной цѣли.

Будучи обезпеченъ на нѣкоторое время со стороны пропитанія, онъ рѣшился отдохнуть немного въ Террачинѣ, и для разсѣянности, ходя по морскому берегу, собиралъ раковины, кои увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Между тѣмъ по прошествіи трехъ дней онъ замѣтилъ только, что источникъ его благосостоянія, который было считалъ онъ неизсякаемымъ, началъ истощаться, и наконецъ испугался, когда почувствовалъ, что деньги уже не по прежнему стали гремѣть въ его карманѣ. Однакожь утѣшительная мысль, что Богъ сопровождаетъ его, а

Ангелъ-хранишель предшесствуетъ, препяшствовала ему приши вѣ опчаяніе.

Вѣ такомъ расположеніи духа пошелъ онѣ весело вдоль по берегу и достигнулъ Молоди-Гаэшы вѣ минушу, когда испрашилъ уже и послѣднюю копѣйку. А тогда усшремилъ онѣ взоры вѣ верховному своему покровителю; но щещно дожидаясь цѣлый день на рыночной площади, принужденъ былъ и ночь провести подѣ открытымъ небомъ на паперши, однакожь никто къ нему не являлся: ни молошница, ни ослиной погоньщикъ, ни прекрасная дѣвушка.

Изнемогши такимъ образомъ отѣ усталости и голода, вспалъ онѣ очень рано и началъ рыть вѣ сумѣ своей, думая, не найдетъ

ли шамъ какой нибудь черствой корки или хлѣбныхъ крошекъ, однакожь нашелъ только высохшую апельсинную кожу. «Ладно! — сказалъ онъ тогда — «всякая вещь хороша, если кто умѣетъ извлекать изъ нее пользу.» И вспомнивъ, что нѣкогда мать его выжимала изъ такой кожи благовонное масло, онъ пошелъ къ лавкѣ диспиллатора, копорая была отперта и въ копорую онъ вошелъ смѣло: ибо чего ему было бояться, когда продавалъ собственную вещь и при томъ нужную для диспиллатора? Этотъ человекъ, называвшійся Виланни, былъ низенькая, полстенькая фигура, веселаго нрава; почему и спросилъ смѣючись Лазаря на его предложеніе: «а на что бѣ мнѣ это дружокъ?»

« Я думаю, сударь, — отвѣчалъ Лазарь — вы торгуете ликерами и духами?»

« Какъ почно.»

« Слѣдовательно можете извлечь изъ этой кожи благовонное масло.»

« Правда, нѣскольکو капель.»

« Однакожь и это не бездѣлица.»

« Точно; но оно все стоить едва ли одного баюкка.»

« И то деньги, особливо же для меня, который не имѣя ничего, при томъ еще и голоденъ.»

Такая простота мальчика весьма понравилась диспидлашору. Ему нуженъ былъ помощникъ, и изъ разговора съ Лазаремъ увѣрившись, что онъ происходилъ отъ честныхъ, благочестивыхъ родителей, отъ коихъ заимство-

валъ хорошія правила , рѣшился принять его.

Лазарь не помнилъ себя отъ радости при такомъ предложеніи , и бросивъ сумку свою въ уголъ , тотчасъ принялся за работу.

Виллани былъ весьма доволенъ распорочностью своего молодого помощника ; но дражайшая его половина смотрѣла на Лазаря другими глазами , и управляла домомъ не лучше лѣшаго. Все ей казалось подозрительнымъ , все ее бѣсило. Она вникала въ каждого характеръ и приписывала многимъ людямъ такіе пороки , коихъ они не имѣли , или по крайней мѣрѣ не оказывали , и даже самые тѣ , кои по добрымъ своимъ качествамъ находились во всеобщемъ почтеніи , не из-

бѣгали ея злословія. Впрочемъ о ней говорили шакже, будшо бѣ она ничего не любитѣ— не правда, она страшно любила деньги, и шакъ хорошо умѣла съ ними обращаться, что изъ баіюкка вѣ послѣдствіи дѣлался у нее скудо. Напрошивъ того мужъ находилъ удовольствіе превращать скуды вѣ баіюкки. Почему легко можно догадаться, что сіе разнообразіе вѣ склонностяхъ приводило обоихъ супруговъ къ обьясненіямъ иногда шоль громкимъ, что сбѣгались всѣ сосѣди. При чемъ не рѣдко или мужъ, или жена, а иногда и кто нибудь шретій долго послѣ сего носили на шблѣ и лицѣ радужнаго цвѣта оппечашки. Впрочемъ Г. Виллани хощя по истинѣ былъ очень добръ, однакожь вооружался шер-

пѣніемъ только до извѣстной степени, а тогда осмѣливался и руками и ногами воссѣвать прошивъ верховной своей домоправительницы.

Но когда поступилъ къ нему Лазарь, по владычество Гжи Виллани находилось во всей своей силѣ, и явленіе въ домѣ сего несчастливца произвело страшную бурю. Ибо сколь ни чувствовала и сама она необходимости въ ученикѣ, однакожь желала имѣть въ немъ сына какого нибудь сосѣда, которому бѣ родители доставляли одежду, обувь и пищу. Напрошивъ того Г. Виллани принялъ бродягу, который принесъ съ собою только мѣшокъ апельсинной корки, собранной на улицѣ, и голодное брюхо, а при томъ надобно было также одѣ-

вашь и обувать его. А такимъ образомъ Лазарь, сдѣлавшись невольнымъ свидѣтелемъ суматохи, спрятался за кучу сухой лаванды и шамъ съ прешетомъ ожидалъ себѣ приговора.

Виллани говорилъ, что самъ Богъ послалъ ему сего добраго мальчика, и утверждалъ это вопреки прошивнаго мнѣнія дорогой супруги своей. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, надлежало, по несчастію, приняться за оружіе, и какъ ничто легче не водворяетъ мира, какъ проигранное сраженіе, то Гжа Виллани сдѣлала сдѣлку. Но поелику также вынужденный миръ бываетъ столь непроченъ, что всегда должно опасаться новыхъ непріятельскихъ дѣйствій: по бѣдный Лазарь никакъ не могъ

объщать себѣ въ послѣдствіи дней спокойныхъ. Спрогая вѣрность, столько склонившая къ нему сердце хозяина, была почитаема отъ хозяйки лишь за непремѣнный долгъ его. По ея мнѣнію, крестьянской сынъ поступалъ бы такъ же, или даже еще лучше. Если Лазарь не могъ сносить столь долго голода, какъ больной, или если плашье его было уступчивѣе бычьей кожи: то по Воскресеньямъ надлежало ему слушать длинную проповѣдь объ умѣренности, а въ добавокъ къ тому напоминаніе о благодареніяхъ, коими былъ онъ осыпанъ со вступленія его въ домъ къ дистиллаширу. При чемъ несчастный бѣднякъ особенно долженъ былъ удивляться превосходной памяти мнимой своей благодар-

шельницы, которая не позабывала даже и иголки.

Впрочемъ Лазарь, по добродушію своему, охотно бѣ во всемъ простилъ ей, когда бѣ не примѣшалось къ тому другое обстоятельство, то есть, еслибѣ она не называлась также Аннонціадою: ибо это казалось ему сколько же отвратительнымъ, какъ и святошество.

Однакожь въ такомъ непріятномъ положеніи прожилъ онъ цѣлые четыре года, какъ вдругъ внезапная смерть покинула у него хозяйина.

Лазарь, обращая смутный взоръ на будущую свою участь, искренно его оплакивалъ, и думалъ, что скупая вдова, накучивъ торговлею, пошчасъ запретъ лавку и будетъ жить поль-

ко доходами. Но вмѣсто того, чтобъ ссылать, съ нимъ начали даже обходиться съ больши́мъ уваженіемъ и ласковостію, такъ что казалось, какъ будто бы смерть Гна. Виллани произвела совершенный переворотъ во нравѣ его супруги.

Однакожь причина этому была самая прѣсная. Ошъ проницательнаго ея ока не могло ускользнуть, что Лазарь, выросши, сдѣлался рѣдкимъ молодымъ человекомъ, соединявшимъ съ благородною скромностію красоту и мужество; словомъ, всѣ качества, коими можно нравиться. Гжѣ. Виллани было не болѣе сорока лѣтъ; но она мысленно убавивъ четвертую долю оныхъ, для зближенія разности прибавила ихъ къ лѣтамъ Лазаря. А

при такомъ расположеніи духа уже не жалѣла ничего къ оказанію новой своей чувствительности ; съ необыкновенною ласкою подарила Лазарю подвѣчное плашье покойнаго ; приглашала его помогать себѣ въ перешишиваніи скудовъ , дукашовъ и чекиновъ , копорые бережливость ея скопила въ мѣшки и расшавила вокругъ по панелямъ въ спальнѣ , между коими Лазарь съ сильнымъ внутреннимъ движеніемъ замѣшилъ также и походную свою сумку , въ копорой шеперь вмѣсто апельсинной корки было насыпано чистое золото . А такіе разговоры нѣжной вдовы были часто прерываемы напоминаніемъ ему , что онъ былъ прежде , и что напрошивъ есть шеперь , а также о блиспа-

шельной будущей участи, копорую она ему готовила. Но Лазарь, нечувствительный ко всѣмъ шаковымъ обольщеніямъ, наконецъ объявилъ ей рѣшительно, что для него во всемъ существовала только Аннонціада, и что онъ соглашается лучше надѣть опять на шею суму свою и гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ искать счастья, нежели воспользуется пышными предложеніями Гжи Виллани.

Тогда вдругъ страшная буря помрачила на щекахъ вдовы розы, кои незадолго предъ тѣмъ любовь оживила было; всѣ мускулы ея пришли въ судорожное движеніе; покраснѣвшіе глаза, какъ сказать, бросали молнію, и языкъ, прежде столь развязной, оборотился въ шепель въ

первый разъ совершенно отка-
зався служить ей. Потомъ по-
степенно придя въ себя отъ
изумленія, въ кошорое повергло
ее презрѣніе Лазаря, она съ го-
рестною улыбкою опорожнила су-
му его, потрясла ее за оба угла, на-
полнила опять въ вареными поме-
равцами, находившимися въ лабо-
рапори, и отдавая это бѣдному
Лазарю, произнесла надъ нимъ
слѣдующій грозный приговоръ :
« вотъ чѣмъ награждаю я тебя,
молодой человѣкъ — сказала она —
выдь изъ эшаго дома и благодари
мое великодушіе : ты принесть
сюда шолько корку, а я возвра-
щаю тебѣ плоды, которые доро-
гою прохладятъ тебя.»

Лазарь взялъ свою суму, по-
благодарилъ прежнюю хозяйку за
всѣ ея милоспи, и вышелъ изъ

ея дому столько же бѣденъ, какъ и вступилъ въ него. „Богъ будешь моимъ покровителемъ — сказалъ онъ спокойно — пошлѣ Богъ, который изъ Веллепри провелъ меня чрезъ Поншинскія болота, который во время какъ я изнемогалъ отъ усталости и голода, неожиданно послалъ мнѣ молока въ подкрѣпленіе, который наконецъ привелъ ко мнѣ Ангела въ образѣ дѣвушки — сей Богъ и теперь меня не оставишь.“

Съ столь утѣшительными мыслями пошелъ онъ въ ближайшій домъ, гдѣ жилъ одинъ честный столяръ, къ которому обыкновенно хаживалъ онъ почти каждое Воскресеніе, и который иногда показывалъ ему правила своего искусства. Этотъ старикъ принялъ его весьма ласково и со-

жалѣлъ о настоящей участи Лазаря тѣмъ болѣе, что не могъ помочь ему: ибо самъ находился въ состояніи, близкомъ къ бѣдности.

« Такъ не уже лижъ бышь мнѣ въ самомъ дѣлѣ нищимъ? сказалъ Лазарь: « у меня есть еще цѣлый мѣшокъ вываренныхъ померанцевъ. Нѣтъ ни одной вещи, сколь бы она ни была маловажна, которая бѣ не могла доставить какой нибудь пользы »

Старикъ съ видомъ состраданія улыбнулся на это. Но Лазарь думалъ, что сіи плоды, лежавшіе нѣсколько лѣтъ неподвижно въ магазинѣ, довольно ошвердѣли, чтобъ можно было употребить ихъ вмѣстѣ по дерева; а сверхъ того зналъ также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи дѣлали изъ

нихъ чешки. Самая Гжа Виллани имѣла ихъ почно изъ сей машеріи, кошорыя часто съ удовольствіемъ ему перебирала въ изсохшихъ рукахъ своихъ. Почему сѣлъ потчасъ за станокъ, передѣлалъ померанцы въ прекрасные шарики, взнизалъ на нитку, и такимъ образомъ пригошовивъ съ дюжину чешокъ, сѣлъ на паперть нѣкоторой церкви и началъ предлагашъ ихъ проходящимъ.

Однакожь мущины оставляли такой его поваръ безъ вниманія; женщины же и дѣвочки напросивъ того видя, что столь прекрасной молодой человекъ, каковъ былъ Лазарь, предлагаешъ имъ чешки съ просящимъ видомъ, подходили къ нему, разсматривали ихъ, удивлялись искус-

ству, съ коимъ онѣ были сдѣланы, и не торгуясь покупали у него оныя, такъ что въ короткое время отъ цѣлой дюжины не осталось у него ни однѣхъ чешокъ. Почему Лазарь возвратился домой очень веселъ, и новый его хозяинъ, будучи также не менѣе шѣмъ доволенъ, охотно предоставлялъ ему станокъ свой, когда самъ на немъ не работалъ.

Лазарь съ большею дѣятельностью принялся тогда за мастерство свое. Послалъ къ Гжѣ Виллани за оспальными шакимижъ померанцами, при чемъ скупалъ ихъ вездѣ, гдѣ только оныя были, и хотя не упускалъ ни минуты пользоваться свободнымъ временемъ, однакожь не могъ наготовиться своихъ чешокъ, кошорья вошли въ моду; всѣ желали

имѣшь ихъ изъ рукъ прекраснаго юноши; а женщины думали даже, что съ ними усерднѣе читали молитвы.

Однакожь такой промыселъ не могъ быть проченъ; ибо городъ былъ невеликъ, и всѣ прекрасныя дамы и дѣвушки не замедлили снабдиться его чепками. Но впрочемъ, какъ бы то ни было, только Лазарь отъ сего упражненія собралъ капиталецъ. А тогда, видя необходимость думатьъ о другихъ способахъ къ своему содержанию, онъ съ чувствомъ гордости и вмѣстѣ умиленія показавъ старому своему другу кошелекъ, наполненный деньгами, сказалъ ему: «вошь что доставили мнѣ нѣсколько сухихъ померанцевъ. Теперь вся трудность состоитъ только въ томъ,

какъ бы лучше употребить эти деньги. Что ты мнѣ посоветуешь?

« Ты ловкой торговецъ, а при томъ также служишь тебѣ и щастіе — отвѣчалъ старикъ — такъ чтожъ долго думать: сдѣлай спекуляцію, накупи какихъ нибудь товаровъ.»

« Вотъ эшаго — то я и не разумѣю,» возразилъ Лазарь.

« Но ты конечно научился знать свойство и доброшу плодовъ, которые покойной собственнѣ мой и твоей прежній хозяинъ употреблялъ въ своей лабораторіи?

« Безъ сомнѣнія, мнѣ случалось ихъ покупать. Впрочемъ, какъ бы ни кончилось мое предпріятіе, я потерю не болѣе, какъ что находится въ этомъ кошелькѣ, и если въ самомъ дѣлѣ разорюсь, то оляшь возьму свою сумму и пойду далѣе, въ Неаполь.»

И такъ за очень сходную цѣну нанялъ онъ садъ, по общему мнѣнію, тотъ самый, который нѣкогда принадлежалъ къ Цицеронову помѣстью. Но впрочемъ ошъ первобытнаго его величія оставались только развалины бани и прекрасный видъ на море: однакожь Лазарь нашелъ шуть нѣсколько сошенъ апельсинныхъ, лимонныхъ и каштановыхъ деревьевъ весьма плодовиыхъ, ошъ коихъ при посредствѣ прилѣжанія и дѣятельности онъ скоро увеличилъ число своихъ червонцевъ. Почему на слѣдующій годъ могъ уже ошкупить при сада, а чрезъ нѣсколько лѣтъ пошомъ и всѣ находившіеся въ окрестности. Только Гжа Виллани не хошѣла никогда уступить ему своего, хошя онъ предлагалъ ей

дѣну и большую, нежели какой онъ стоилъ, потому что къ тому побуждало его приспращіе, ибо въ этомъ саду могъ онъ воспоминашь тѣ сладостныя минуты, которыя нѣкогда проводилъ въ немъ въ забвеніи всѣхъ минувшихъ своихъ горестей.

Между тѣмъ Лазарь сдѣлался добрымъ гражданиномъ сего города. Онъ былъ трудолюбивъ, честенъ и гостеприименъ. Опцы отдавали ему въ томъ полную справедливость; матери жъ хвалили его дочерямъ своимъ, которыя съ своей стороны видѣли въ немъ прекраснѣйшаго юношу. Во всѣхъ домахъ принимали его очень вѣжливо и ласково, а на улицахъ по его приближеніи дамы не рѣдко отдергивали покрывала, чтобъ посмошрѣшь на мила-

го Лазарь. Но Лазарь, не находя ни въ какомъ домѣ, ни подъ какимъ покрываломъ глазъ прелестной Аннонціады, прошивилъ всякимъ покушеніямъ склонить его ко браку. А сверхъ того неутомимое упражненіе въ торговлѣ и обширная переписка не давали ему даже времени заниматься много и Аннонціадой. Всѣ торговцы фруктами преимущественно относились къ нему; ибо знали его честность и почитали себя безопасными отъ обмана.

Между тѣмъ Капитанъ одного корабля сдѣлалъ ему предложеніе послать часть апельсиновъ съ С. Пешербургъ въ такое время, когда сіи плоды бывающъ тамъ естественно весьма рѣдки; и хотя такое предпріятіе правда было не безопасно, ибо ко-

рабль могъ бытъ остановленъ льдомъ или погибнуть отъ владычешвовавшихъ въ томъ мѣсяцѣ бурь; но Лазарь, надѣясь на Провидѣніе рѣшилъ это выполнить и самъ отправиться въ сіе путешешствіе. Да и не обманулся въ своей надеждѣ. Онъ приплылъ въ блистательную столицу Сѣвера въ такую эпоху, когда не лзя было найти въ ней ни одного апельсина, и при томъ когда Свѣплѣйшій Князь Пошемкинъ дѣлалъ въ зимнемъ саду своемъ пышныя приготошвленія къ балу, на коемъ соизволила присутшвовать сама Императрица. Почему Князь едва услышалъ о прибытіи сего корабля, какъ, желая сохранить въ саду своемъ апельсины, купилъ у Лазаря за весьма значительную сумму весь грузъ

его. А юноша съ своей стороны купивъ на эти деньги Рускихъ произведеній, и возвратившись съ ними въ Неаполь, остался со вполнѣннымъ, очень важнымъ прибыткомъ.

Кончивъ же всѣ дѣла, пошелъ онъ случайно наканунѣ своего отъѣзда по Толедской улицѣ, и желая возблагодарить своего верховнаго покровителя за всѣ оказанныя ему милости, искалъ случая свершить еще одно благодѣяніе; почему съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на тѣхъ бѣдняковъ, коихъ всегда по нѣскольку тысячъ живетъ въ Неаполѣ. Тутъ вдругъ представилась ему цѣлая толпа лазариновъ (*), тѣс-

(*) Люди въ Неаполѣ, скитающіеся безъ всякаго дѣла и по большой части занимающіеся грабежемъ.

нившихся вокругъ стола, на ко-
 торомъ одинъ изъ ихъ повари-
 шей продавалъ ломпиями дыню.
 Видъ лохмотьевъ, покрывавшихъ
 нагому эшихъ несчастливцевъ,
 изнуренность, выражавшаяся во
 всѣхъ чертахъ лица ихъ, и алч-
 ность, съ какою бѣли они ма-
 ленькіе куски сей слишкомъ обык-
 новенной въ Ипаліи пици — все
 эшо легко могло подвиг-
 нушь къ состраданію чувствви-
 тельное сердце щаспливаго Ла-
 заря. Однакожь его пронула не
 бѣдность ихъ, происходившая
 единственно отъ лѣности и раз-
 вращенныхъ нравовъ — нѣтъ, но
 въ толпѣ сихъ праздношаю-
 щихся людей замѣшилъ онъ
 высокаго молодаго челоѣка,
 весьма худощаваго, съ блѣднымъ
 лицомъ, со впалыми глазами, ко-

порый подымая съ земли, блѣ оглоданныя другими и брошенныя корки дыни. Но сколько жѣ наконецъ удивился Лазарь, когда разсмапривая приспальнѣе эпаго челоѣка, онѣ по чершамѣ лица его узналѣ того надмѣннаго путешешественника, кошорый при Поншинскихѣ болопахѣ забавлялся бросая ему на голову апельсинную кожу. «Праведное Небо!» вскричалѣ онѣ тогда, схвативѣв незнакомца за руку: «слѣдовапельно вы находитешь вѣ ужаснѣйшей бѣдности?»

Какѣ видите, опвѣчалѣ онѣ съ опврапительною улыбкою.

«Но прежде вѣрно не были вѣ такой крайности?»

Чшо вамѣ до того за нужда?

«Однакожь если я найду средство вывести васѣ изѣ оной, и

доспавлю вамъ честное упражне-
не?»

Я не умѣю работать?

„Нѣтъ ли у васъ еще сестры?“

О, конечно! и когда бѣ она
хотѣла

„Какъ! она могла бы вамъ по-
мочь, и отказала въ томъ?“

Ея гордость и причудливо-
сти превосходятъ даже самую на-
шу бѣдность. Кажется, вы ее
гдѣ-нибудь видѣли, сударь? Она
вамъ безъ сомнѣнія понравилась;
ибо, клянусь Богомъ, по истин-
нѣ прекрасная дѣвушка: однакожь
покушенія ваши право оспануш-
ся щещны. Я былъ бы богатъ,
еслибъ она послушалась моихъ
совѣсовъ и разсудка.

Лазарь содрогнулся.

Повпоряю вамъ, сударь—про-
должалъ братъ — не предприни-

майше напраснаго пруда. Ее ничемъ уговорить не можно; самыя хитрость и искусство не успѣваюшъ. — Условясь нѣкогда съ однимъ Герцогомъ завесьма значную плашу, я хотѣлъ было употребить насиліе; но она хотя и знала бѣдственное мое положеніе, а при томъ не взирая, что сестра мнѣ, безъ милосердія донесла на меня за то правительству, и съ тѣхъ поръ я закаялся дѣлать впредь подобное предпріятіе.»

Лазарь, раздраженный такимъ ужаснымъ развратомъ, едва могъ владѣть собою, и уговорилъ изверга за извѣстную плашу проводить себя до дому, гдѣ жила сестра его.

« Охотно — отвѣчалъ онъ — но это ни къ чему вамъ не послужитъ.»

Лазарь не хотѣлъ долбе съ нимъ разговаривать и по узкому переулку молча шелъ за нимъ до чердака нѣкошораго дома. Тамъ увидѣлъ онъ свою Аннонціаду въ весьма бѣдной комнашѣ, гдѣ работала она сидя у худой койки при больной своей матери. На ней было платье изъ весьма грубаго темнаго полотна, но весьма опрятное; блистая жѣ юною дѣвическою красою, не имѣла никакой нужды въ головной уборкѣ.

При входѣ въ ея комнату молодого незнакомца, сопровождаемаго братомъ, Аннонціада по видимому испугалась, и бросила на него свирѣпый взоръ; но крошкѣй, учпивый голосъ Лазаря скоро ее успокоилъ. Она подумала, что молодой человекъ пришелъ

заказать ей работу. «Нѣтъ—сказалъ Лазарь — я пришелъ только заплашить старый долгъ свой.»

Аннунциада замаялась, ибо не понимала словъ его.

«Прежде нежели я объяснюсь съ вами — началъ опять Лазарь — прошу удостоить вашей добренности. Мнѣ нужно знать, кто вы и какъ пришли въ такое печальное состояніе. Впрочемъ вы видите во мнѣ честнаго человѣка: и такъ не скройте ничего, и будьте увѣрены, что мгновенно все премѣнится въ образъ жизни вашей.»

Братъ пролепеталъ тогда сквозь зубъ нѣсколько словъ невразумительныхъ; дѣвушка жъ, бросивъ выразительный взглядъ на мать свою, отвѣчала съ чувствительностію: «я не могу удовлетворить вашему любопытству.»

„Такъ инѣ я исполню ваше желаніе — сказала мать, съ великимъ трудомъ приподнявшись на вепхомѣ своемъ ложѣ — „ я единая причина теперешняго печальнаго состоянія нашего. Оставшись послѣ моего мужа вдовою съ хорошимъ достаткомъ, я жила спокойно съ сими обоими дѣтьми, изъ коихъ любя чрезвычайно сына, жестоко обходилась съ дочерью, которая однакожь теперь служитъ мнѣ единою опорой.“

„Ахъ, мамушка!“ вскричала при сихъ словахъ Аннонціада, проливая слезы и стараясь зажать ей ротъ своими поцѣлуями; но больная съ нѣжностію отштолкнула ее отъ себя. „Не мѣшай мнѣ, милая дочь моя — сказала она — не препятствуй

ушѣщенію признашья въ моихъ слабостяхъ и отдашь полную справедливостъ добродѣтели. Такъ сударь — продолжала она, обращаясь къ Лазарю — шакъ, я преступница, я удалила эту добрую дѣвушку съ глазъ своихъ въ монастырь, гдѣ доставляла ей только самое нужное содержаніе; напрошивъ того все попеченіе, всю нѣжностъ обратила только на сего недостойнаго сына. Но вскорѣ его развратъ, мотовство и непроспешельная моя слабостъ повергли меня въ эту пропасть бѣдствія. Впрочемъ болѣзнь и нищета въ старости, а шакже скучное одиночество моей дочери, приведенной къ необходимости кормить меня шрудами рукъ своихъ, суть дѣло сего изверга.»

«Но зачѣмъ же вы шакъ ху-

до меня воспишывали?» возразилъ чудовище, стуча пальцами въ оконницы.

«Такъ точно — отвѣчала рыдая мать — я вполне заслуживаю сего упрека; но онъ по крайней мѣрѣ не долженствовалъ бы исходить изъ твоихъ устъ. О сударь — продолжала она, смотря слезящими глазами на Лазаря — о если благое намѣреніе привело васъ сюда: то дай Боже, чтобъ мое признаніе въ минувшихъ проступкахъ и безсмысленство шаго развращеннаго чловѣка не отклонили васъ отъ онаго. Ахъ! сдѣлайте милость, окажите благодѣяніе несчастной моей дочери, дабы я, умирая, имѣла утѣшеніе, что молишвы чистосердечно раскаявающейся матери наконецъ услышаны Правосуднымъ! . . . »

При сихъ словахъ положила она дрожащую руку свою на голову Аннонціады, копорая съ почшеніемъ наклонилась для прінятія ея благословенія. Лазарю жъ, весьма распроганному симъ зрѣлищемъ, надлежало обратъся съ силами, чтобъ начать разговоръ свой. «Вы меня не узнаете, — сказалъ онъ наконецъ заплаканной дѣвушкѣ — я чшю въ васъ первую свою благодѣтельницу, и шакже обязанъ благодарностію брату вашему.»

Аннонціада боялась, чтобъ онъ не засмѣялся. Братъ же послѣ шаковаго объясненія пошелъ, опворотившись въ спорону.

«Помнишель вы — продолжалъ Лазарь — бѣднаго сиропку, копорый приспально смотрѣлъ на васъ у почшоваго двора при Поншин-

скихъ болошахъ , когда въ берлинѣ вашемъ перемѣняли лошадей? (Тутъ прекрасный румянецъ покрылъ щеки Аннонціады, а глаза ея заблестали огнемъ необыкновеннымъ.) Помните ли также, что вы подарили ему скудо, а братъ вашъ бросалъ въ него апельсинной кожей?»

« О , какже , очень помню ! » вскричала она въ недоумѣніи ; а братъ опять нахмурившись отворопился.

« Этомъ скудо — продолжалъ Лазарь — предохранилъ меня всю дорогу отъ голода, а апельсиновая кожа составила мнѣ щастіе. . . » Потомъ рассказалъ онъ подробно свою исторію. Больная съ благочестіемъ удивлялась при семъ чудесному промыслу Провидѣнія, Аннонціада изъясляла ра-

дось, а братъ ея стоялъ попу-
пивъ въ землю глаза свои.

«Теперь же, поелику вы ужъ
знаете приключеніе жизни моей
— сказалъ Лазарь — по остаеиша
мнѣ открытъ вамъ также и свое
сердце. Съ тѣхъ поръ, прекрас-
ная Аннонціада, милый вашъ об-
разъ безпрестанно носился пре-
до мною и вскду сопутствовалъ
подобно генію - покровителю. И
такъ прошу васъ теперь, не раз-
рушайте сей мечты, столько для
меня сладостной, но удостойте
продолжить ее до конца земнаго
моего поприща. Лишь отъ васъ
единой зависитъ истинное мое
щасіе. Будьте супругою чело-
вѣка, обязаннаго вамъ своимъ бла-
госостояніемъ, терпѣливостію,
добродѣтелью, и наконецъ всѣмъ,
чѣмъ только обладаетъ онъ!»

При сихъ словахъ Лазарь, взявъ
ея руку, осыпалъ оную пламен-
нѣйшими поцѣлуями. Аннонціада
склонилась къ груди своей мате-
ри; приведенный въ смущеніе
братъ ея побѣжалъ вонъ изъ ком-
нашы; а старуха, съ слезами ра-
дости благодаря Бога за споль
неожиданное щастіе, благослови-
ла обоихъ.

БУМАЖНИКЪ,

или

ЧТО МНѢ ВЪ ТОМЪ НУЖДЫ.

Маленькой Федоръ былъ добрѣ, но безпеченѣ, и совсѣмѣ не занимался вещами, кои, шакѣ сказать, не были подѣ его носомѣ. *Что мнѣ въ томѣ нужды?* говаривалѣ онѣ часто, особливо же если касалось оказатѣ какую нибудѣ услугу незнакомцу: «Богѣ вѣстѣ когда я его опятѣ увижу, а при томѣ не имѣю сѣ нимѣ никакого сношенія.»

Отецѣ его, человекѣ разсудительной и справедливой, жившій

въ Бреславль, уже не одинъ разъ выговаривалъ ему за самолюбіе. «Обищаемый нами шаръ — говорилъ онъ — сподь малъ, что всѣ мы нѣкоторымъ образомъ сосѣди, и не знаемъ, въ какомъ нѣкогда будемъ находиться соотношеніи съ шѣми, съ которыми шеперь во-все незнакомы.

Но сынъ, въ знакъ сомнѣнія касательно сего, прясъ головою.

«Ты не вѣришь мнѣ?» продолжалъ отецъ: «приблизься же; я расскажу тебѣ одну или двѣ исторіи, случившіяся не со мною, но съ однимъ изъ нашихъ согражданъ, очень тебѣ извѣстнымъ.»

При сихъ словахъ Федоръ тотчасъ побѣжалъ за спуломъ, сѣлъ подлѣ отца и пристально смот-

рѣлъ на него ; ибо любилъ слушашь были и небыли.

« Знаешь ли пы — сказалъ отецъ — Совѣтника Веспы ? »

Того , который всегда задумчивъ ?

« Да ! А знаешь ли , отъ чего это съ нимъ происходитъ ? »

Знаю : онъ таковъ отъ того , что жену его отправили ядомъ .

« Такъ ! Теперь хочу я рассказать тебѣ причину этого случая . Однажды зимою Совѣтникъ возвращался изъ путешествія , въ которое былъ отправленъ по своей должности . Въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда на большой дорогѣ наѣхалъ онъ на повозку съ изломавшеюся осью , изъ которой пошому шрое мушинъ и одна дама принуждены были выйти . А между тѣмъ кучеръ и

слуга занимались поправкою испортившагося, дабы доѣхать по крайней мѣрѣ до Бреславля.— На ту пору шолъ пресильной снѣгъ. Совѣшнику очень было бѣ можно помѣстить даму съ ея мужемъ въ своей коляскѣ, да это и пришло ему въ голову; но онъ очень спѣшилъ, ибо оставилъ дома больную жену, а посадивъ еще двухъ человекъ, надлежало по крайней мѣрѣ получасомъ замедлить пушешествіе. И такъ онъ, сказавъ самому себѣ: *что мнѣ въ томъ нужды?* пробѣжалъ мимо. Впрочемъ пушешественики съ своей стороны спыдились просить его помощи, и съ учтивостію напоянули только, чшобъ онъ въ гостинницѣ, которую назначили, заказалъ хозяину пригошовить для нихъ по-

теплѣе компану. Совѣшникъ обѣщаль имъ это, и побжалъ.

« Возвращаясь же домой, онъ нашель жену свою хотя внѣ опасности, однакожь все еще нездоровою, и надѣвъ шлафрокъ, началъ спокойно ужинать. При чемъ хотя помнилъ о несчастныхъ путешественникахъ, коимъ надлежало прибыть въ городъ не прежде полуночи; но не желая лишиться лакѣя, за столомъ ему прислуживавшаго, онъ, подумавъ: *что мнѣ въ томъ за нужда?* не послалъ его въ гостиницу.

« Между тѣмъ жена его, весьма попрысенная отъ удовольствія его видѣшь, получила ночью споль сильный пароксизмъ, что еще до утра принуждена была разбудить его, дабы послалъ онъ

въ ближайшую Аптеку за болеутоляющей микстурой. Ее принесли; и больная едва приняла оной, какъ вдругъ получила сильныя судорги, отъ коихъ и умерла вскорѣ.

„Это былъ ядъ. Заспавшійся Аптекарской помощникъ ошибся въ скляночкѣ, и предъ судьями говорилъ въ свое оправданіе, что безпрестанныя понужденія со стороны слуги отъ содержащей гостиницы и еще лакѣя, требовавшихъ какъ можно скорѣйшаго пригошвленія лекарствъ для нѣкотораго общества путешественниковъ, чрезвычайно заблѣвшихъ, столько его смущили, что когда къ нему пришелъ еще и слуга отъ Г. Совѣтника за болеутоляющей микстурой, то онъ въ поропяхъ, вмѣсто

соли оленьяго рога, прибавилъ мышьяку въ микстуру.

«Въ самомъ дѣлѣ, несчастные путешественники прїѣхали въ городъ уже около полуночи. Въ гостинницѣ ничего не было приготовлено для ихъ принятія; и хошя зашопили печь, но какъ комната не могла пошчасъ нагрѣться, то и принуждены они были лечь, дрожа отъ спужи. Мокрое ихъ плашье было развѣшано въ другой комнатѣ, гдѣ происходила шопка. Но къ несчастію, дверь, съ нею сообщующюся, оставили распворенною; почему угаръ отъ слишкомъ поспѣшнаго закрышя шрубы проникъ къ нимъ, и еслибъ не вошелъ ихъ слуга, то всѣ они вѣрно бы погибли, потому что находились уже безъ чувствъ и

движенія. Впрочемъ хотя скорая помощь и сохранила ихъ отъ смерти; но за то Гжа Вестъ сдѣлалась жертвою сего случая.

«И пакъ, видишь ли, сынъ мой, какія могутъ быть слѣдствія отъ безпечности. Еслибъ Совѣтникъ исполнилъ порученное ему, то горница была бѣ испоплема, путешественники бѣ не угорѣли, Аптекарской помощникъ не пришелъ бы въ замѣшательство, и жена Совѣтника была бѣ жива.

«Еще знаешь ли ты старика, Г. Габѣрманна, нѣкогда имѣвшаго очень хорошій достатокъ?— теперь онъ очень бѣдный человекъ. Уже довольно прошло времени, какъ во всѣхъ журналахъ и газетахъ вызывали нѣкошораго Іосифа Лисберга, много лѣтъ

находившагося въ оплучкѣ, чтобѣ онѣ къ извѣстному дню возвратился или самѣ, или прислалъ кого либо съ довѣренностію для полученія части изъ родительскаго наслѣдства, говоря, что въ прошивномѣ случаѣ объявятъ его мертвымѣ, и участокъ его раздѣлятъ между другими наслѣдниками. Послѣ сего припечатано было такое жѣ извѣщеніе и отъ сестры Г. Лисберга, которая просила всѣхъ друзей человечества, дабы, если они знаютъ о ея братѣ, какъ можно скорѣй ее о немъ уведомили; ибо слышала спороною, что онѣ отправился въ Западную Индію. Между тѣмъ Г. Габерманъ, чрезъ письмо отъ одного двоюроднаго своего брата, находившагося въ Батавіи, зналъ, что

шамъ живеть нѣкто Нѣмецъ, называвшійся Лисбергомъ, который сколько ни былъ дѣятеленъ, однакожь никакое его предпріятіе не удавалось ему. Почему Г. Габерманъ и могъ бы доставить требуемое извѣстіе, да и хошѣлъ; но откладывалъ это со дня на день, и на послѣдокъ кончилъ, сказавъ самому себѣ: *что мнѣ въ томъ за нужда?*

Потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Лисбергъ возвратился въ Европу. А между тѣмъ сестра его, пользуясь всеобщимъ имѣніемъ, вышла замужъ за одного Бременскаго купца, который вступилъ въ отважныя предпріятія; но отъ удѣленія возвратившемуся брату жены своей законной части, задушался въ

оныхъ, кредитъ его подорвался, дѣла мало по малу разспроились, и такъ, что онъ принужденъ былъ наконецъ итти въ прикащики. Впрочемъ его паденіе причинило разспройку нѣкоторому Гамбургскому дому, который съ своей стороны невольно заставилъ обанкрушится одного Bresлавскаго Bankира, имѣвшаго у себя изъ процентовъ Габермановы деньги.

И такъ изъ сего, сынъ мой, ты легко можешь замѣтить, что если бы Г. Габерманъ извѣстилъ сестру Лисберга о его мѣстопребываніи, и что онъ былъ еще живъ, то мужъ ея не оплажился бѣ на рысковатыя предпріятія, дома Гамбургской и Bresлавской не обанкрутились бы, а слѣдовательно не обдѣнлѣ бы и Г. Габерманъ.

« Ты, кажешся, зналъ также и покойнаго Г. Больца, который отъ печали умеръ; а сынъ его хопя живъ еще, но всегдашнее изнеможеніе скоро низведешъ и его въ могилу. Теперь хочю я разсказать тебѣ, отъ чего это съ нимъ случилось.

« Однажды въ большомъ нашемъ Клубѣ былъ балъ, на комъ всѣ госпи предавались веселости, и всѣ сердца откывались благороднымъ чувствамъ челоѣколюбія. Тогда нѣсколько добрыхъ Саксонцевъ, депушашы одного погорѣвшаго города, разѣѣжавшіе по другимъ для испрошенія пособія, воспользовались симъ обстоятельствомъ и явились въ кругу пирующихъ, надѣясь имѣть шупъ хорошій успѣхъ въ разсужденіи своего посоль-

ства. Да и не обманулись; только Г. Больцъ остановилъ порывъ къ благошворительности своихъ согражданъ, говоря, что и въ собственномъ ихъ городѣ есть бѣдныя, кошорые прежде должны имѣть право на ихъ щедрость. Имѣ-но должно оказать вспоможеніе—прибавилъ онъ—а до иноземцевъ *то намъ за нужда!* И такъ несчастные Саксонцы не получили почти ничего и печально принуждены были удалиться. Также не лучшей успѣхъ имѣли они и по другимъ мѣстамъ: ибо къ несчастію это гибельное правило, внушаемое самолюбіемъ, всюду служилъ предлогомъ для людей жестокихъ. Почему собранная ими сумма была очень недостаточна для вспоможенія всѣмъ согражданамъ,

шакъ что инымъ нѣскольکو до-
сталось, а другіе совсѣмъ ни-
чего не получили.

„Такую участь испыталъ ме-
жду прочими одинъ мѣльникъ,
который опѣ опчаяніа пришед-
ши въ послѣдній разъ посмоп-
рѣть на дымившіеся ошпашки
своего жилища, кончилъ бѣдсп-
венную жизнь свою бросившись
въ воду. Въ нѣсколькихъ же ша-
гахъ опсюда жилъ одинъ чело-
вѣкъ, имѣвшій весьма прекрасную
дочь; но по мѣрѣ какъ она воз-
расшала и прелести ея развива-
лись, состояніе его приходило
въ упадокъ: ибо она была дѣвоч-
ка избалованная, прихотливая и
капризная, имѣла неограничен-
ную власть надъ опцемъ своимъ
и распочила на разныя бездѣ-
лушки все, что онъ въ печеніи

многихъ лѣтъ пріобрѣлъ трудами и дѣятельностію.

«Однакожь, прогуливаясь по берегу рѣки, вдругъ увидѣла она у ногъ своихъ шрупъ мѣльника, выброшенный волнами; отъ чего упала въ обморокъ и занемогла, такъ что ея выздоравливаніе, не взирая на искусство и стараніе врачей, было весьма медлительно, и они наконецъ присовѣщовали ей ѣхать къ Теплицкимъ водамъ. При чемъ отецъ ея хошя уже и очень расстроился въ своемъ доспащкѣ, однакожь согласился ее туда отправить, и она поѣхала. А шамъ перемѣна воздуха, цѣлебныя бани и всякаго рода удовольствія еще болѣе возвысили ея прелести.»

«Между тѣмъ сынъ Г. Больца, кончившій въ это время курсъ

наукъ своихъ въ Галльскомъ Университетѣ, побѣхалъ на вакансію также въ Теплицѣ, гдѣ увидѣвъ прекрасную иностранку, плѣнился ею и рѣшился на ней жениться. Отецъ, къ которому онъ писалъ, что нашелъ Ангела въ человеческомъ образѣ, отвѣчалъ молодому глупцу, что съ удовольствіемъ приметъ въ домъ свой такую рѣдкость. Почему онъ привезъ ее въ Бреславль, гдѣ и обвѣнчался; а тогда прекрасная жена, не почиая болѣе нужнымъ пришворяться, распочительностію содѣлала и мужа своего столько же несчастливымъ, какъ опца. Дѣла ихъ распроились; старикъ Больцъ умеръ отъ горести, а сынъ его также не замедлилъ послѣдовать за нимъ въ могилу.

„Таковую — по связь имбють на свѣстѣ приключенія между собою. Еслибъ Г. Больцъ не сказалъ въ Клубѣ: *что намъ за нужда до иностранцевъ?* по бѣдныя Соксонцы получили бѣ хорошее вспоможеніе; мѣльникъ, вмѣстѣ съ прочими погорѣвшими согражданами поправившись, не бросился бѣ въ воду; дѣвушка не испугалась бы его шрупа, и пошому не имѣла бѣ причины бѣхашъ въ Теплицѣ; молодой Больцъ вмѣсто ея женился бѣ на какой нибудь доброй Силезянкѣ, отецъ его былъ бы живъ и дѣлабъ ихъ не распроились.» —

В прочемъ сіи повѣспвованія произвели желаемое дѣйсвіе: Федоръ, будучи съ природы добръ и чувствивеленъ, сдѣлался послѣ того человекѣлюбивъ и услужливъ.

Нѣкогда, одинъ его поварищъ по училищу, коего отецъ имѣлъ за городомъ фруктовый садъ, пригласилъ его ѣсть шамъ вишни. Федоръ не зналъ, какъ дождаться ушра. Наконецъ, когда пробилъ назначенный часъ, онъ побѣжалъ изъ дому. Дорога вела его чрезъ общенародное гульбище, пересѣкаемое многими аллеями, рошицами и цвѣпниками. Здѣсь замѣпилъ онъ молодаго незнакомца, который съ безпокойствомъ вокругъ себя осматриваясь, казалось, искалъ чего-то. Федоръ долго наблюдалъ за нимъ. Наконецъ заботливость незнакомца превратилась въ видъ опчаянiя, и тогда онъ, подошедъ къ нему, спросилъ: «вы сударь, вѣрно, потеряли что нибудь?»

«Такъ точно, другъ мой—опвѣчалъ незнакомецъ—бумажникъ, который для другаго вещь бесполезная, но для меня составляетъ невознаградимую потерю.

Федоръ спросилъ, въ какомъ онъ мѣстѣ потерялъ его. Но незнакомецъ долго прогуливаясь по разнымъ дорожкамъ сада, и сядясь по шуму, по шаму, не могъ ему сказать эшаго. Почему Федоръ поискавъ съ минушу въ нѣкошорыхъ кустахъ, попомѣ соскучась и подумавъ о вишняхъ, пошелъ своею дорогою, говоря: *это мнѣ въ томъ за нужда*. Но едва произнесъ онъ слова сіи, какъ вспомнилъ о повѣстяхъ своего опца и невольно остановилъся. Я однакожь лучше сдѣлаю—сказалъ онъ тогда самому себѣ—если помогу этому незнакомцу

опыскашь его бумажникъ; вишни не уйдутъ, а если бы и такъ случилось, то лучше оказашь услугу человѣку. И такъ съ сею мыслию онъ возвратился, началъ прилѣжно искашь по всѣмъ закоулкамъ, и наконецъ въ правѣ, за дерновою скамьею, гдѣ вѣроятно незнакомецъ отдышалъ, нашелъ желаемый бумажникъ, схватилъ его и, держа надъ головою, побѣждалъ, крича громкимъ голосомъ: „государь мой! гдѣ вы? вотъ вашъ бумажникъ!“

Въ это время незнакомецъ сидѣлъ у дерева, предаваясь горестнымъ мыслямъ; но увидѣвъ мальчика, бѣгущаго къ нему съ его сокровищемъ въ рукѣ, вскочилъ, обнялъ его и вскричалъ въ восторгѣ: „ахъ! какъ жаль, что я небогашь, дабы до-

стойно вознаградишь себя за это, мой милой!»

«И! помилуйте, стоить ли того!» возразилъ Теодоръ улыбаясь: «я очень радъ, что оказалъ вамъ услугу!» И съ этими словами хотѣлъ удалиться; но незнакомецъ остановилъ его, опшпилилъ опъ жилеша золотую булавку съ вензелемъ, и сказалъ, отдавая оную ребенку: «на! другъ мой, прими сей слабый знакъ моей признательности. Эта булавка не дорого стоитъ; но, прошу тебя, нося оную, вспомнишь иногда о путешественникѣ, который почитаетъ себя на всю жизнь тебѣ обязаннымъ.»

Теодоръ принялъ булавку, поблагодарилъ незнакомца, и потомъ со всѣхъ ногъ бросился въ садъ, гдѣ послѣ такого по-

спупка вишни показались ему еще пріятнѣе. Впрочемъ съ тѣхъ поръ онъ не слыхалъ болѣе о незнакомцѣ, однакожь каждый разъ, какъ хаживалъ въ госпи, пришпиливалъ сію булавку.

Такимъ образомъ прошекли двадцать лѣтъ. Федоръ сдѣлался бравымъ, опъ всѣхъ любимымъ юношей. Уже съ нѣкошораго времени началъ онъ управлять фабрикою опца своего, который намѣревался, кончивъ старые щеты и собравъ долги, оставишь торговлю и поручишь заниматься оною сыну своему. По поводу чего Федору надлежало предпринять пушешествіе, и въ Лейпцигѣ, гдѣ по дѣламъ принужденъ онъ былъ прожить долѣе, нежели въ прочихъ мѣстахъ, познакомился съ Юліею

Траурингъ, дочью одного банкира, прекраснѣйшею дѣвушкою въ городѣ, которая находилась въ дружественной связи съ дочью нѣкоего коресподента отца его и часто посѣщала оную. Почему имѣлъ онъ случай видѣться съ нею, и наконецъ замѣтилъ, что прелести ея плѣнили его сердце. Юлія также опличала его отъ прочихъ. А такимъ образомъ мало по малу начали они ощущать другъ къ другу отчасу большую склонность, и напоследокъ, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, Теодоръ съ робостію признался ей въ любви своей.

Юлія не обидѣлась эшимъ, а только вздохнувъ сказала, что думаетъ, отецъ не согласишся на бракъ ихъ.

« Но позволише ль мнѣ пого-

воришь съ нимъ объ этомъ? и спросилъ Федоръ.

И Юлія , покраснѣвъ , подала знакъ , что она согласна.

Потомъ просилъ онъ нѣкоторыхъ друзей подгостовить Г. Трауринга къ его посѣщенію и склонить въ его пользу; на что друзья весьма охотно согласились. Однакожь Г. Траурингъ принялъ Федора съ печальнымъ видомъ , и наконецъ , когда услышалъ его требованіе , то сказалъ ему сурово: « хощя мнѣ наговорили много хорошаго какъ на щетъ вашъ , такъ и вашего бапюшки , однакожь вы вѣрно простите меня , если я не соглашусь оппустить отъ себя столь далеко дочери , составляющей мнѣ единое утѣшеніе въ моей старости. Словомъ ,

я никакъ не могу разстаться съ нею. »

Тщешно Федоръ общалъ ему прѣзжаять каждый годъ въ Лейпцигъ, и даже по смерти отца своего основашся въ семъ городѣ, спарикъ остался непоколебимъ въ своемъ мнѣніи. Почему Федоръ отъ горести и опчаянія, ясно выразившагося во всѣхъ чертахъ лица его, сдѣлался неподвиженъ. Г. Траурингъ смотрѣлъ на него съ состраданіемъ. «Какъ вы получили эту булавку?» спросилъ онъ его наконецъ.

«Я съ издѣтства храню ее,» отвѣчалъ Федоръ.

«Но, ради Бога, скажите, какъ она вамъ досталась?»

Тутъ Федоръ въ короткихъ словахъ рассказалъ ему извѣстное приключеніе; и тогда Г. Траурингъ

рингъ вскричалъ, бросившись въ его объятія: « такъ получи-
тежь руку милой моей Юли, я
не могу болѣе въ ней вамъ
опказывать, ибо обязанъ вамъ
всѣмъ, что имѣю теперь. » По-
томъ сказалъ онъ ему, какъ
будучи только прикащикомъ, не
имѣлъ у себя ничего, кромѣ бу-
мажника, заключавшаго въ себѣ
апшестаты и рекомендательное
письмо, которое далъ ему, уми-
рая, братъ нѣкоего Лейпцигска-
го купца, и безъ чего не могъ
онъ никуда съ выгодною опредѣ-
литься; слѣдовательно потеря
сего бумажника была для него
невозвратимою потерей; что онъ
единственно бумагамъ въ немъ
заклучавшимся обязанъ хорошимъ
мѣстомъ, гдѣ пріобрѣтѣя довѣрен-
ность отъ хозяина, сдѣлался его

зяшемъ и наслѣдникомъ. » Теперь — прибавилъ онъ съ пріятнымъ внутреннимъ движеніемъ въ заключеніе — теперь я познаю мудрыя судьбы Творца милосердаго. Государь мой ! не безпокойтесь , вы получите дочь мою. Еслибъ въ минушу, когда въ Бреславлѣ доставили вы мнѣ бумажникъ, спросилъ меня кто нибудь: откажешь ли ты нѣкогда въ рукѣ своей дочери сему чувствительному юношѣ , когда совершенно разовьется въ немъ зародышъ добродѣтели, то я конечно бы отвѣчалъ: нѣтъ, я опдамъ ее за него съ великимъ удовольствіемъ. И такъ теперь зачемъ же мыслишь иначе ?»

Послѣ того призывали Юлію , которая тотчасъ призналась въ тайной своей склонности къ

Федору. Почему зговоръ былъ заключенъ въ тошъ же самый вечеръ; и Федоръ, внѣ себя отъ радости, возвратившись на квартиру, съ чувствомъ живѣйшей благодарности повторилъ правила отца своего, вскричавъ: «также и я часто буду напоминать дѣтямъ моимъ, дабы никогда не говорили они: что мнѣ нужды въ этомъ?»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Скрытый, или несчастіе
отъ Притворства.

ПОДАРОКЪ

СЫНОВЬЯМЪ МОИМЪ

86

Новый Годъ

Сочиненіе

Г. Коцебу

Переводъ съ французскаго.

Часть II.

МОСКВА.

въ Типографіи Селивановскаго

1820.

ПОДАРОКЪ
СЫНОВЪЯМЪ МОИМЪ
ВЪ
НОВЫЙ ГОДЪ.

Сочиненіе
Г^{на} КОЦЕБУ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1820.

Печаташь позволяешся съ шбмь , что-
бы по напечатаніи, до выпуска изъ Ти-
пографіи , представлены были въ Цен-
зурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Цензурнаго Комитета , дру-
гой для Департамента Министерства
Просвѣщенія, два экземпляра для Импе-
рашорской Публичной Библиотеки и
одинъ для Императорской Академіи
Наукъ. Москва 1819 года, Іюля 10 дня.
Сію книгу разсматривалъ Ординарный
Профессоръ, Надворный Совѣтникъ

Алексѣй Болдыревъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

В Т О Р О Й Ч А С Т И.

Стран.

Скрытый, или несчастіе отъ при- шворства.	3
Независль или пустой островъ.	62
Хвасшудъ.	135

СКРЫТЫЙ,

или

НЕЩАСТІЕ ОТЪ ПРИТВОРСТВА.

«Прошу тебя — говорилъ Докторъ Венделингъ единородному своему сыну Филиберту — прошу тебя, не скрывай отъ меня ничего. Эта жалкая склонность дѣлать изъ всего тайну уже причинила смерть сестрѣ твоей, когда тебѣ было еще не болѣе двѣнадцати лѣтъ отъ роду.»

О, Боже мой, какъ это можно? спросилъ Филибертъ.

«Ты въ училищѣ свелъ знакомство съ однимъ поэтомъ, ко-

порый назывался, кажется, Дорашъ Куберъ.»

Да, такъ точно, бапюшка, теперь и я о немъ вспомнилъ: онъ служилъ для всѣхъ оригиналомъ.

«Можетъ статься. Ты проводилъ у него. всѣ часы своего ошдыхновенія и не говорилъ мнѣ объ этомъ ни слова. Когда жъ я тебя бывало спрашивалъ, гдѣ ты былъ, ты всегда ошвѣчалъ только: я прогуливался. Вдругъ сестра твоя занемогла оспою. Тщешно покушался я предъ темъ привить ей оную — тогда коровья была еще неизвѣстна. Впрочемъ не знаю, какъ приключилась ей эта болѣзнь. Мнѣ извѣстно было только то, что въ сіе время оспа свирѣпствовала лишь въ домѣ Г. Кубера, имѣвшаго многихъ дѣшей, и не зналъ, что ты час-

то хаживалъ къ старшему сыну его. Слѣдовательно ты занесъ эшотъ ядъ бѣдной сестрѣ твоей, копорая, не взирая на всевозможныя старанія съ моей стороны, наконецъ умерла, и я уже только въ послѣдствіи узналъ причину сего несчастнаго приключенія. Тогда я началъ говорить тебѣ то, что теперь безъ успѣха повшоряю ежедневно. Но ты въ эшомѣ ни сколько не извинялся, будучи, кажешся, увѣренъ, что я не стану укорять тебя за связь съ молодымъ человекомъ, имѣющимъ великія дарованія, хошя онъ былъ и сынъ поршнаго; а не признавался въ томѣ по жалкой склонности всѣдблать вшайнѣ.

« Ты видѣлъ также мои слезы, упадающія на гробъ сестры твоей.

ей, и однакожь не исправился. Впрочемъ, я могъ бы привести тебѣ не одно сто примѣровъ, хотя конечно не столь ужасныхъ, какъ объявленный, которые причиняли мнѣ великую горечь; но не хочу тебѣ о нихъ рассказывать: ибо ты приближаешься къ совершенному возрасту, въ коемъ нуженъ тебѣ такой искренній другъ, каковымъ можешь быть лишь родитель. И такъ общай мнѣ отнынь не скрывай отъ меня никакихъ твоихъ поступковъ.»

Охотно общаю это, бабушка — отвѣчалъ Филибертъ — и постараюсь сдѣлаться достойнымъ вашей дружбы.

«И такъ дай же мнѣ въ помѣ твою руку, любезный Филибертъ, и я все забуду.»

Юноша, чрезвычайно шѣмъ распроганный, бросился въ объ-
яшія отца своего.

« Ты теперь въ такомъ воз-
растѣ, сынъ мой — продолжалъ съ
жаромъ Докторъ — въ кѣпоромъ
дѣлаюшъ тысячу дурачествъ. Те-
бѣ онѣ также свойственны; но
что нужды: возьми только меня
своимъ повѣреннымъ — и никто
болѣе отца не будетъ извинять
тебя въ оныхъ; но для сего нуж-
на съ твоей стороны полная ко
мнѣ довѣренность.»

Послѣ сихъ словъ Филибертъ
употребилъ все возможное крас-
норѣчіе увѣрить отца своего,
что его наставленія останутся
на вѣкъ впечатлѣнными въ его
сердцѣ, и говорилъ это безъ при-
шворства; но проклятая склон-
ность слишкомъ уже въ немъ

укоренилась: безъ шайны не было для него никакого удовольствія въ мірѣ.

По смерти любезной своей дочери Венделингъ взялъ отъ родственниковъ для воспитанія одну сиротку, прекраснѣйшую и добродѣтельнѣйшую дѣвушку, кошорая будучи отъ природы признапельна, ощущала истинную нѣжность и почтеніе къ своему благодѣтелю, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣяляла великую склонность и къ сыну его. Филибертъ также очень любилъ Августину (такъ называлась добрая сія дѣвушка); но эту приверженность оказывалъ онъ тогда только, когда бывалъ наединѣ съ нею. Никто объ этомъ не заботился, и даже самый отецъ, хотя впрочемъ не имѣлъ онъ и малѣйшей причины того опасаться; ибо

любилъ Августину, какъ собственную дочь, и склонность ея къ его сыну доставляла ему истинную радость, потому что нѣкогда намѣревался онъ соединить ихъ; — но холодность Фиберта заставила его отказаться отъ сего столь пріятнаго намѣренія.

Докторъ Венделингъ получилъ послѣ покойной супруги своей ящичекъ съ драгоценностями, который, вмѣстѣ съ прочими значительными вещами, хранилъ въ шкафѣ, отъ коего ключъ имѣлъ всегда при себѣ, и который однажды ввѣрялъ иногда юной своей воспитанницѣ. Однажды велѣлъ онъ принести себѣ буылку Мекскаго бальсама, хранимаго изъ давнихъ лѣтъ. Августина насилу могла найти его, и ду-

мая, что восплашатель ея вышелъ изъ перлбнїа дожидаясь онаго, побѣжала къ нему не заперевъ шкафа.

Въ самый эшотъ день Фи-либертъ былъ приглашенъ къ одному Каммергеру, у котораго каждую недѣлю бывали концерты, даваемые любителями музыки. По правиламъ вѣжливости, особы простаго гражданскаго соспоянїа долженствовали бытъ исключенны; однакожь, поелику въ эшотъ дѣлѣ нуженъ былъ мастеръ, то правило сіе не слиш-комъ соблюдалось. Филибертъ превосходно игралъ на віолонче-лѣ; а какъ эшотъ инструментъ рѣдко былъ употребляемъ людьми, заившимися музыкою шоль-ко по склонности, то шакіе иг-роки весьма уважались. Слѣдо-

вашельно ему было сдѣлано пред-
почшеніе только по его искусству.
Дочь владѣльца дому, вѣ которомѣ
давался концертъ, зашрудняясь
разыгрывать на форшо-піано Гай-
деновы и Моцаршовы концершы,
любила, когда юный Венделингѣ
ей акомпанировалѣ, потому что
онѣ совершенно знаѣ такшу. Но
Филибертѣ заключилѣ изѣ се-
го обстоятельства раждающую-
ся къ себѣ страсть, и хошя не
чувствовалѣ къ этой дѣвушкѣ
никакой склонности, однакожѣ
не упускалѣ какѣ можно лучше
наряжашься. Тайна, долженство-
вавшая покрывать такую связь,
вовсе несообразную съ его со-
стояніемѣ, обѣщала ему доста-
вить величайшее удовольствіе;
почему онѣ рѣшился итти на
сію веселую вечеринку, какѣ

вдругъ проходя спальню своего
ошца, замѣшилъ шкафъ, кото-
рый Августина оставила ошво-
реннымъ.

Въ тысячи случаяхъ Докторъ
ошворялъ при немъ шкафъ сей,
а потому Филибертъ зналъ весь-
ма хорошо, что въ немъ содер-
жалось, и уже совсѣмъ объ
ономъ не думалъ; но теперь,
шакъ какъ онъ былъ оставленъ,
по видимому, безъ вниманія, по
любопытство махиально повело
его къ нему. Онъ все тамъ пе-
рерылъ, и наконецъ увидѣлъ
ящичекъ, который былъ ему
очень извѣстенъ. «А! посмот-
римъ — сказалъ онъ — что шуть
такое; нынѣ надобно мнѣ хоро-
шенько нарядиться. расматри-
вая, онъ особенно замѣшилъ бу-
лавку съ дорогимъ солиперомъ,

которая прежде вовсе его не привлекала. Теперь же онъ подумалъ самъ въ себѣ: если я сошпилю ея жилетъ свой, то какой блескъ придастъ она моему наряду! Глаза дочери того господина, къ которому я бду, ослабятся ею. И шакъ, почемужъ не взять ее? Однакожъ онъ колеблется, кладетъ булавку на прежнее мѣсто, разсматриваетъ ояшь, и наконецъ, уступя суешности обращеннаго на себя вниманія, уноситъ ее.

Между шѣмъ, кабинетъ его ошца былъ смѣженъ съ сею комнатою; нужно было сдѣлать только шагъ, чтобъ испросить у него позволеніе взять сію булавку, а при томъ онъ не имѣлъ ни малѣйшей причины опасаться его ошказу; но вещь, взятая украдкою, казалась ему пріятнѣе. Впрочемъ

онъ предположилъ въ умѣ своемъ или самъ положишь ее на свое мѣсто, или сдѣлашь это чрезъ Августину. И такъ зачемъ было разговаривать съ отцемъ о такой бездѣлицѣ.

Прибавивъ же къ своему наряду еще сіе украшеніе, онъ вошелъ въ залу, гдѣ никто его не замѣтилъ. Только Каммергеръ, за всемъ прилѣжно наблюдавшій, бросилъ взглядъ на молодаго глупца. Всѣ концерты оканчивались у него обыкновенно банкомъ. Почему Филибертъ послѣ музыки не бывалъ прежде удостоиваемъ чести осматрѣться; но теперь всупили съ нимъ въ разговоръ, и наконецъ предложили каршы. А какъ Филибертъ замѣтилъ, что эта благосклонность бывала оказываема опличнымъ только

особамъ , по съ надменностію приближился къ каршочному сподлику, и его ужимки, его взоры говорили по видимому : смотрите, и я пользуюсь равнымъ съ вами преимуществомъ!

Но онъ очень дорого заплатилъ за сіе преимущество: ибо менѣе, нежели въ полчаса, кошелькъ его опустѣлъ совершенно. Оставивъ же игру казалось ему стыдно. И сосѣдъ, угадавъ его мысль, сказалъ ему: «Здѣсь мы всѣ друзья, и играемъ только для препровожденія времени, а не изъ корысти. Щасіе, которое по видимому вамъ не благопріятствуетъ, можешъ улыбнуться. Мнѣ очень жаль видѣть васъ въ проигрышѣ. Вы имѣете еще булавку, поставьте ее; можешъ бытъ вамъ нужно сдѣлать

одинъ только шагъ, чтобъ возвратить свою потерю.»

Филибертъ пришелъ въ замѣшательство отъ сего предложенія; однакожь самолюбіе одержало верхъ. «О, что касается до этой бездѣлки — отвѣчалъ онъ важнымъ голосомъ — то я охотно соглашаюсь; не знаю только, чего она стоитъ.» И съ этими словами показалъ ее Каммергеру. «Я право худой въ томъ знажокъ — сказалъ Каммергеръ съ презрительнымъ видомъ — но сей господинъ (указывая на другаго) очень хорошо умѣетъ цѣнить такія вещи.» Это былъ одинъ Совѣтникъ, ссужавшій подъ залогъ деньги, который, надѣвъ очки, и разсмащивая булавку со всѣхъ сторонъ, отвѣчалъ: «для игры можно положить ее въ пятнадцать

луидоровъ.» — «Ну эта оцѣнка ужь слишкомъ высока,» возразилъ хозяинъ дома,» однакожь такъ и бытъ, я согласенъ, и по для того только, чѣмъ доставить господину Венделингу случай поигратъся» — и тотчасъ выдалъ пятнадцать луидоровъ.

Филибертъ поклонился и опять сѣлъ играть; но еще до наступленія полуночи также и булавка была проиграна; — за то по крайней мѣрѣ оставили его опущинашь.

Такимъ образомъ возвратился онъ домой весьма печаленъ, не могши заснуть ни на минуту. Впрочемъ его беспокоила столько не потеря, но то, что отецъ его весьма уважалъ вещи послѣ покойной своей супруги, копорую все еще продолжалъ сла-

кивать. И такъ опасеніе пѣмъ раздражитъ его, вмѣстѣ съ врожденною скрытностію, рѣшили его не обѣявлять о своемъ несчастіи. «Почему знать — говорилъ онъ самому себѣ — можетъ быть бабюшка во всю жизнь свою не вспомнитъ о булавкѣ, слѣдовательно зачѣмъ же преждевременно раздражать его.

Однакожь чрезъ нѣсколько недѣль потомъ Г. Венделингъ, хвашился ея, чтобъ подарить Августинѣ въ день ея рожденія. Тогда совершилось ей пятнадцать лѣтъ. Онъ самъ пошелъ въ шкафъ, вынулъ ящичекъ, все въ немъ перебралъ, двадцать разъ перекладывалъ всѣ вещи съ мѣста на мѣсто, но булавки найти не могъ. И такъ что надлежало подумать объ

эпомъ? Онъ ввѣрялъ ключъ отъ шкафа только Августинъ; замокъ былъ въ лучшемъ видѣ; а впрочемъ, еслибъ предположить, что булавка похищена воромъ, то одному лучше бѣ было унести весь ящичекъ съ драгоценностями, нежели вынуть одну только вещь, и при томъ не столь важную, какъ прочія. Слѣдовательно очень естественна, что его подозрѣніе пало на Августина; и онъ охотно отдалъ бы десять такихъ ящичковъ, чтобъ только не имѣлъ сей мысли: но поелику не могъ изгнать ее изъ своего сердца, то старался по крайней мѣрѣ найти предлоги къ ея оправданію. Она очень молода—говорилъ Венделингъ самому себѣ—а сверхъ того каждая дѣвушка имѣетъ

склонность къ тщеславію. Можетъ бытъ она взяла булавку, чтобъ полюбоваться ею передъ зеркаломъ, и забыла положить опять въ ящикъ, или не почла за нужное исполнить сіе тотчасъ, думая, что самъ я въ шкафъ не пойду такъ скоро, еще же менѣе могла угадать мое намѣреніе. Однакожь какъ бы то ни было, но очень худо, что она такимъ образомъ лишаетъ меня удовольствія удивить ее неожиданностію.

Потомъ позвалъ онъ Авгушину и ласково началъ упрекать ее за шалость. Но Авгушина его не понимала. Зная жъ, что она не захочетъ оспыдить себя, признавшись въ винѣ своей, онъ спросилъ ее: «не давала ли ты кому нибудь ключа отъ

шкафа.» — Нѣтъ, никому! ошвѣчала Августина. — «Такъ кто же вынулъ изъ ящичка булавку покойной жены моей.» — При сихъ словахъ Августина, поблѣднѣвъ, задрожала. А Г. Венделингъ думая, что это значило безмолвное признаніе, сказалъ ей: «видишь ли, куда можешь завести насъ неосмотрительность.» — Августина была не въ состояніи произнести ни слова, но только заплакала. И Г. Венделингъ сказалъ ей въ утѣшеніе: «успокойся, дочь моя, это бездѣлица.»

«Какъ — возразила Августина рыдая — можно ли почищать бездѣлкою то, когда я обвиняема въ кражѣ?»

«Но кто жъ тебя въ томъ обвиняетъ? Я приписываю это только своему любопытству и

вѣтрености. Ты, взявши булаву, хошла положишь ее опять на прежнее мѣсто, и забыла.»

«И вы это думаете?»

«Но какъ же мнѣ иначе думать о сей пропажѣ?»

«О, сколь я несчастлива!...» вскричала Августина и побѣжала вонъ изъ комнаты. Господинъ же Венделингъ думая, что она пошла искать булавы, предполагалъ, сдѣлавъ ей легкій выговоръ, проситъ ее. Однакожь тщетно ее дожидался. Честъ Августины такъ пострадала отъ сего споль унижавшаго ее приключенія, что она, лишившись разсудка, въ безпорядкѣ побѣжала по улицамъ.

Наконецъ по прошествіи четверти часа, старикъ отъ непердѣливости послалъ за нею

мамку, которая однакожь не могла нигдѣ найти ее. — «Или она заложила кому нибудь булавку?» ворчалъ Г. Венделингъ въ досадѣ: «но для чего бѣ это, когда она у меня ни въ чемъ не шерпѣла недосшатка? Върояшнѣе, что захотѣла помочь какому нибудь бѣдняку — но для этого могла бы безъ боязни прямо опнешись ко мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, это пустое! Однакожь какимъ образомъ иначе разрѣшить сію загадку: право, у меня ужѣ не достаетъ къ тому разсудка.»

Въ такихъ и подобныхъ симъ размышленіяхъ протекли еще полчаса, и старикъ въ самомъ дѣлѣ началъ беспокоиться. А какъ Филиберта не было дома, по одѣвшись, самъ пошелъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ; однакожь ни-

кто изъ нихъ не видалъ Августины.

Между тѣмъ приближалась ночь. «О, — говорилъ Докторъ въ утѣшенію самаго себя — теперь она ужъ вѣрно возвратилась!» И въ сихъ мысляхъ пошелъ домой; подходя жъ къ оному, увидѣлъ у воротъ толпу народа, и вскричавъ: «Боже мой! что это значитъ!» ускорилъ шаги свои. Тутъ вышла ему на встрѣчу служанка съ заплаканными глазами и едва могла произнести отъ рыданія: «Ахъ, сударь! барышня»

«Что такое? что съ ней случилось? объясни мнѣ поскорѣ!» спросилъ Г. Венделингъ съ живѣйшимъ безпокойствомъ.

«Къ щастію, что ее спасли заблаговременно.»

« Спасли? кто? »

« Ахъ! сударь, чувствую, что не должно ничего скрывать отъ васъ, ибо рано или поздно вы сами узнаете? Ваша воспитанница бросилась въ воду. Ее безъ чувствъ принесли домой. Теперь у нее сильная горячка; и безъ отважнаго солдата, который не смотря на собственную опасность бросился спасти ее, мы бъ не видали ее больше. »

Симъ извѣстіемъ пораженный какъ бы громомъ, Г. Венделингъ пошатнулся на стѣну и едва не лишился чувствъ. Однакожь мысль, что любезной Августинѣ теперь особенно была нужна помощь отъ его искусства, пробудила въ немъ бодрость, и онъ, будучи поддерживаемъ однимъ своимъ пріятелемъ, вошелъ въ

комнашы. Августина лежала на постелѣ въ совершенномъ безпамятствѣ. Г. Венделингъ распочалъ надъ нею всѣ средства, какія внушила ему наука и опытность, причемъ успѣлъ, что горячка нѣсколько уменьшилась, и Августина погрузилась въ тихій сонъ. Послѣ чего послалъ онъ за солдатомъ, подвергавшимъ для нее опасности жизнь свою, дабы вознаградишь его и узнашь подробнѣе обстоятельство сего несчастнаго приключенія.

„ Я отдыхалъ на берегу рѣки въ кустарникѣ — сказалъ старый воинъ, — какъ вдругъ увидѣлъ молодую дѣвушку, медленно шедшую, кошорая, казалось, хотѣла узнать, гдѣ глубже было мѣсто. Видно у ней не такъ весело на сердцѣ, какъ у меня, подумалъ я самъ въ

себѣ: посмотримъ, что она станеть дѣлать. Между тѣмъ дѣвушка каждый разъ, какъ кто нибудь проходилъ, пришворялась спокойно прогуливающеюся; но едва оставалась на единѣ, то внутреннее ея волненіе увиливалось. Однакожь я не выпускалъ ее изъ вида, и мнѣ показалось, что она плачетъ. Наконецъ вскричавъ: «нѣтъ, не могу болѣе жить на свѣтѣ; Боже! умилосердись надо мною!» бросилась въ воду и исчезла. Но тогда я, въ минушу устремившись за нею, щасливо избавилъ ее отъ смерти.»

Едва инвалидъ кончилъ такимъ образомъ свое повѣствованіе, будучи весьма доволенъ самимъ собою, какъ прибѣжалъ Филибертъ чрезвычайно запыхавшійся «Что

здѣсь сдѣлалось, бапюшка? спросилъ онъ: „гдѣ Августина?“ Молва о семъ приключеніи распространилась уже по всему городу, и даже говорили, что Августины нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Почему онъ побѣжалъ домой, не сомнѣваясь, что былъ единою причиною ея несчастія. И отецъ подробно рассказавъ ему приключеніе, весьма былъ удивленъ, когда Филибертъ, упавъ къ ногамъ его, чистосердечно во всемъ ему признался.

Г. Венделингъ съ сердцемъ, уязвленнымъ горестію, долго смошрѣлъ въ безмолвіи на сего неисправимаго юношу, который и вшорую сестру свою также привелъ на край могилы, и наконецъ произнесъ со вздохомъ: „Да проспишь тебя Богъ и эшопъ

Ангелъ невинности, я жъ не въ состоянїи учинить сего.»

Филибертъ стоялъ подобно окаменѣлому. Отецъ вполне предоставилъ его угрызениямъ совѣсти ; а самъ сѣлъ подлѣ постели больной, и хотя былъ очень старъ и чрезвычайно потрясенъ такими непрїятными приключенїями, однакожь не отошелъ отъ нее прежде , пока не увѣрился , что она уже находилась внѣ опасности. Впрочемъ обстоятельство, много способствовавшее къ ея выздоровленію , было увѣренность , что обьяснилась невинность ея. При полученїи сего извѣстія она пролила тихія слезы; и старикъ , проливая оныя вмѣстѣ съ нею , не устыдился просить у ней прощенїя : одна-

кожъ она съ нѣжнѣйшею ласкою заградила уста его.

Между тѣмъ Филибертъ не смѣлъ сдѣлать ни шагу въ комнату своей жертвы. Но Августина первая спросила объ немъ. Онъ вошелъ къ ней какъ преступникъ; однакожь больная приняла его съ очаровательною кротостію и снисхожденіемъ, хотя еще и не освободилась отъ болѣзни. Она, разцвѣтая прежде какъ роза, теперь блѣдностію уподоблялась смерти; нервная ея система совершенно разстроилась, и душевное спокойствіе исчезло. Она безпрестанно дѣлала себѣ упреки, что до такой степени предалась опчаянію и хотѣла лишиться себя жизни, вмѣсто того, чтобъ положиться на правосудіе Бога, всегда объясняющаго невинность.

Наконецъ Авгуспина объявила своему воспитателю, что ей невозможно совершенно оправдаться въ такомъ домѣ, гдѣ все приводило на память столь печальное приключеніе. «Но я скрою отъ глазъ своихъ шкафъ,» сказалъ Докшоръ съ чувствительностію. И Авгуспина хотя чтила сей знакъ нѣжнѣйшей его къ себѣ привязанности, но не представляла просить, чтобъ онъ для общаго спокойствія дозволилъ ей отлучиться на нѣкоторое время. «Вы осыпали меня благодареніями—говорила она Г. Венделингу—но всего болѣе одолжили даннымъ мнѣ воспитаніемъ. Теперь я въ состояніи сама собою доставать хлѣбъ свой. Позвольте мнѣ провести одинъ или два года у иностранцевъ, гдѣ бѣ я прину-

ждена была сама себѣ снискивать пропитаніе: это для меня будетъ весьма полезно. Когда же въ послѣдствіи потребуюшся вамъ мои попеченія, тогда вы можете возвратишь меня.»—Сопровивленіе такой ея рѣшимости со стороны Г. Венделинга было тщешно; она стояла упорно въ своемъ намѣреніи.

Впрочемъ Августина скрыла отъ Доктора истинную причину своей рѣшимости: ибо такъ какъ чувствовала сильную стращь къ Филиберту, не взирая, что много отъ него терѣла: по сіе-то самое и заставило ее принять такое намѣреніе; ибо она была увѣрена, что оплучка испребитъ склонность, на которую не ожидала она никакой соопвѣщенности.

Однакожь и Филибертъ любилъ ее; но чшобъ его къ ней нбжность превратилась въ спрасшь, для сего представлялись непреборимыя препятствія: ибо такъ какъ онъ могъ ее видѣть всегда и во всякое время, когда хотѣлъ; такъ какъ могъ извѣявлять ей знаки своей приверженности даже въ присутствіи отца своего: то сія связь, столь единообразная, натурально не могла доставить ничего прелестнаго.

Но обвъявленная рбшимость Августины, представившая въ ошдаленности иное положеніе дѣлъ, произвела въ немъ шайное удовольствіе: пошому что доставляла возможность начашь съ нею внѣ родительскаго дома любовныя сношенія. Однакожь Августаина, не умѣя чипашь въ

его сердцѣ, оскорбилась его холодносною, какую оказалъ онѣ при услышаніи сего намѣренія; а это заставило ее ускорить исполненіемъ онаго. И Г. Венделингъ на послѣдокъ согласился на это, съ договоромъ, что ежели его воспитанницѣ не понравится, или прискучитъ новый родъ жизни, она бѣ опять къ нему возвратилась. А между тѣмъ просилъ своихъ пріятелей найти ей пристойное мѣсто, и вскорѣ выискалось ихъ столько, что Авгущина могла выбрать какое хотѣла, но она рѣшилась однакожь вступить преимущественно компаніонкою у одной молодой иностранной, недавно пріѣхавшей Баронши, которой домъ нравился ей особенно по тому, что Баронша не знала о послѣдней

случившейся съ нею исторіи ; а при томъ надѣялась она также избѣгать здѣсь удобнѣе и встрѣчи съ Филибертомъ.

Въ первые дни по вступленіи къ Бароншѣ, Августина сдѣлала послѣднее посѣщеніе своему воспитателю, избравъ къ тому такую минуточку, въ которую, какъ надѣялась, не было дома Филиберта. Впрочемъ Августина, казалось, была довольна своимъ положеніемъ; почему Г. Венделингъ чрезъ нѣсколько недѣль пошомъ весьма удивился, услышавъ, что его воспитанница вдругъ оставила иностранку и вступила въ должность горничной у нѣкоторой старой Графини, которой домъ похожъ былъ на монастырь; и сколько ни дождался вшоричнаго посѣщенія,

дабы узнать о причинѣ сей перемѣны, однакожь Августина не являлась къ нему.

Между тѣмъ юная сирота имѣла къ таковому поступку двойную причину, а именно: она замѣтила, что госпожа или дѣвица Дюнанъ (имя, коимъ называлась иностранная Баронша), зная совершенно обхожденіе въ большомъ свѣтѣ, скрывала подъ прищворнымъ похвальнымъ поведеніемъ развращенные нравы и старалась заманивать въ сѣти свои людей всякаго класса. Впрочемъ хотя она не была равнодушною къ красотѣ, однакожь предпочитала въ томъ богатство. Она улыбалась одному, бросала нѣжные взгляды на другаго и украдкой пожимала руку прешьему, заставляя тѣмъ каждого изъ нихъ въ-

ришь, что только онъ одинъ ей нравится. Однакожь наблюдала въ томъ такую оспорожность, что Августина, дблая о ней свои заключенія, сначала спала было укорять себя въ жестокости. Но нечаянный случай вывелъ ее изъ сомбнiя. Вдругъ сдблалась ночью страшная гроза. И Августина, встревоженная оною, одбвшись на скорую руку, поббжала въ спальню госпожи своей; однакожь, дабы ее не испугать, то приблизилась къ дверямъ на цыпочкахъ, и уже хотбла оживорить ихъ, какъ вдругъ услышала голосъ Офицера, довольно часто посбщавшаго домъ ихъ. Почему шстчасъ удалилась въ свою комнату, какъ будто бы преслбдовало ее привидбнiе — и уже не гроза причиняла ей

ужасъ. Она при блескѣ молнии увязала свои пожитки, и на разсвѣтѣ удалилась, оставивъ Бароншѣ записку, объяснявшую причину ея ухода.

Изъ мѣстъ, предложенныхъ предъ тѣмъ сей любезной сиротѣ, къ счастью оставалось еще не занятымъ у одной старой Графини. Августина къ ней явилась, и ея видъ, выражавшій честность и добродушіе, понравился сей дамѣ. Ей не лъзя было опасаться, чтобъ Филибертъ могъ прийти сюда; ибо вообще въ сей домъ никого не принимали, между тѣмъ какъ напросивъ того нашъ скрытный нашелъ уже средство войти къ иностранной Бароншѣ. И это было другою причиною, даже еще до грозы, побудившею ее ду-

мать о перемѣнѣ мѣста, хотя при томъ не могла она избавиться отъ укоризнѣ самой себя въ поводѣ, который бы пѣмъ невинно подала госпожѣ своей лишиться сего молодого человека. Августина къ несчастію замѣтила, что прелести, а еще болѣе образъ обхожденія кокешки произвели живѣйшее впечатлѣніе на сердце неопытнаго въ любви Филиберта, а при томъ здѣсь представлялась ему возможность начать также любовныя сношенія и съ Августиною — а эшаго было ужъ довольно, чтобъ привязать его къ колесницѣ сей опасной Сирены.

Филибертъ, обольщенный видомъ соединенныхъ добродѣтелей, который Гжа Дюнанъ столь искусно умѣла принимать на се-

бя, потчасъ попалъ въ ея сѣ-
 ши. Онъ сдѣлался повѣреннымъ
 ея груши, происходив-
 шей, какъ она говорила, отъ
 тяжбы, отъ которой зависѣло
 все ея благосостояніе, и кото-
 рая причиняла ей чрезвычайные
 расходы. А подъ симъ предло-
 гомъ умѣла она выманить все
 при немъ находившееся и даже
 завлекла въ значительные долги.
 При чемъ видя такую его по-
 дапливость и угожденіе, она
 льстила себя надеждою тайно
 выйти за него за мужъ, подъ
 предлогомъ, что по тяжбѣ свя-
 зи ея съ знатнѣйшими особами
 воспрепятствуютъ ей отдать свою
 руку человѣку, не дворянину по
 происхожденію, по крайней мѣ-
 рѣ до тѣхъ поръ, пока она не
 вступитъ въ оспариваемыя у ней

права ея, послѣ чего ей уже легко будетъ выискать ему за деньги какихъ нибудь знаменитыхъ предковъ, и шѣмъ оправдать свой выборъ. — А свадьба, тайнымъ образомъ совершенная — о! какія предспавляла она прелести для неопытнаго юноши!...

Но къ щасію, когда Филибертъ находился на краю пропасти, Августина узнала опасность. У госпожи Дюнанъ была горничная, съ кошорою она довольно строго обходилась. Однажды Августина спасла ее отъ побоевъ за разбишую фарфоровую чашку, снявъ на себя вину сію, и послѣ того эта дѣвочка возымѣла къ ней такую приверженность, что часто прихаживала къ ней съ жалобами и съ признаніемъ въ своихъ проступкахъ, и

въ одно изъ таковыхъ посѣщеній увѣдомила ее также о скоромъ бракосочетаніи своей барыни, причѣмъ льстилась надеждою, что это сколько нибудь переменитъ нравъ оной, и смягчитъ ея участь.» Впрочемъ, прибавила она, дѣло сіе содержитсяъ еще въ глубочайшей тайнѣ; актъ будетъ заключенъ завтра шихомолкомъ, и я узнала объ этомъ лишь случайно. Женихъ кажется предобрымъ молодымъ человекомъ, и мнѣ жаль его сердечно.»

«А кто онъ таковъ?» спросила Авгусшина съ безпокойствомъ.

«Какъ говорятъ, онъ называется Венделингъ, и есть сынъ одного богатаго Докшора,» отвѣчала горничная.

«А свадьба будетъ завтра?»

«Такъ точно, завтра, ровно въ восемь часовъ вечера. Паспорту дано ужъ знать объ этомъ. Все сіе услышала я за шайну отъ Франца, спараго слуги нашего.»

По полученіи сего извѣстія Авгусшина въ минушу приняла свои мѣры: накинула шаль, побѣжала къ своему благодѣтелю, все ему пересказала, и даже увѣдомила о сдѣланномъ ею во время грозы открытіи. «Теперь — сказала она — я исполнила долгъ свой: ибо если необходимо нужно причинишь вамъ новую горесть, то лучше пусть случится сіе сего дня, пошому что есть еще время предупредитъ большія бѣдствія. Пока я думала, что вы ничего не знаете, грудь моя спѣснялась ужаснымъ образомъ; ше-

перь же дышу свободнѣе, увѣдомивъ обо всемъ отца такого человека, котораго, какъ вашъ приемышъ, могу назвашь я братомъ своимъ; участь его совершенно оупъ васъ зависитъ.» По сихъ словахъ Августина разслалась съ старикомъ, оставивъ его въ глубокой горести. Какимъ образомъ надлежало ему отвратить стыдъ какъ собственный, такъ и своего сына? Конечно, онъ по данной родителю власти, могъ въ минушу разрушить связь сию; но ему не хотѣлось прибѣгнуть къ такой крайности. Наконецъ онъ выдумалъ иное средство къ спасенію своего сына, такъ, какъ будто бы самъ въ томъ не участвовалъ. Поручикъ, коего во время грозы Августина слышала голосъ, будучи

въ нѣкоторой опасной болѣзни безъ успѣха лечимъ двумя медиками, былъ на послѣдокъ одоженъ своимъ выздоровленіемъ Доктору Венделингу, который, зная худое состояніе дѣла его, не просилъ и не бралъ за то никакой награды; и это заставило чувствительнаго Офицера обѣщать ему вѣчную признательность. И такъ Г. Венгелингъ, въ прискорбіи отъ поступка своего сына, пошелъ къ нему, желая увѣришься, получишь ли взаимную услугу.

Поручикъ не хотѣлъ прежде признаться въ связи своей съ госпожею Дюнанъ; но когда узналъ, къ чему это клонилось, то вскричалъ съ жаромъ: «Я за все берусь, это мое дѣло; возвратитесь и будьте спокойны:

сынъ вашъ никогда не заключитъ сего постыднаго союза. Я почитаю не за услугу, а за долгъ опвлечь честнаго чловѣка отъ бездны, разверстой предъ его ногами и въ копорую гошовъ онъ низринуться.»

Послѣ такога увѣренія Г. Венделингъ пришелъ домой спокойнѣе; однакожь совершенно оставилъ свою заботливостъ полько уже на другой день вечеромъ, когда увидѣлъ прѣхавшимъ къ себѣ сына своего блѣднымъ, въ безпорядкѣ и уподобляющимся болѣе привидѣнiю, нежели чловѣку.

Офицеръ, хотя за нѣсколько времени предъ симъ уже и прекратившій связь свою съ госпожею Дюнанъ, хранилъ однакоже ключъ, приводившій въ ея ком-

нашы тайнымъ коридоромъ. Онъ въ сосѣдственномъ кофѣйномъ домѣ дожидался, пока паспортъ и свидѣтели сошлись у невѣсты. — А тогда прокрался въ домъ ея, прошелъ коридоръ и посредствомъ ключа безъ малѣйшаго препятствія проникъ въ ея спальню, которая была смежна съ комнатою, гдѣ долженствовала совершиться брачная церемонія. Тутъ вдругъ, уловивъ минушу, когда женихъ подвелъ свою невѣсту къ жертвеннику, а паспортъ началъ читать молитвы, Поручикъ внезапно явился среди оныхъ. И легко можно представить себѣ тогдашнее положеніе сей группы; ужасъ и изумленіе изобразились въ глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ и гроб-

ная тишина разпространилась на минушу по всей залѣ.

Филибертъ бросалъ грозные взоры то на Поручика, то на свою невѣсту, которая въ первомъ испугѣ упала на кресло. Пасторъ же и свидѣтели стояли какъ вкопанные, не будучи въ состояніи произнести ни слова.

«Г. Венделингъ! сказалъ наконецъ Поручикъ съ важностію, здѣсь являюсь я подобно вашему духу - хранителю; благодарите почтеннаго отца своего за столь неожиданное посѣщеніе. Вотъ ключъ отъ спальни будущей супруги вашей.»

Послѣ сихъ словъ Филибертъ какъ будто бы окаменѣлъ отъ удивленія, и бросилъ сомнительные взгляды на госпожу Дюнанъ, по видимому требуя отъ нее

оправданія. Но иностранка въ мину-
 нуту вышла изъ замѣшательства,
 начала уличать своего обви-
 нителя въ дерзости, и утвер-
 ждала, что сей влюбленный бѣд-
 някъ поступилъ такимъ образомъ
 за оказанное ему отъ нее пре-
 зрѣіе. Офицеръ однакоже оп-
 вѣчалъ на все спокойно. «Хитрая
 женщина! — сказалъ онъ ей — на-
 прасно дѣлаешь ты такія увер-
 ки, я очень тебя знаю; молчи и
 поди скрѣпи свое безчестіе въ
 такомъ мѣстѣ, гдѣбъ ты менѣе
 была извѣстна. Г. Венделингъ —
 продолжалъ онъ попомъ, обра-
 тясь къ юношѣ — эта мнимая Ба-
 ронша, которой хотѣли вы отдатьъ
 руку свою, есть дочь нѣкопоро-
 гаго Жида изъ Мецъ. Тамъ при
 помощи своихъ, полученныхъ отъ
 напуры прелестей обманувъ нѣ-

сколькихъ молодыхъ людей, она принуждена была удалиться изъ родины; потому что Полиція, узнавъ о поспыдномъ ея поведеніи, готовилась задержать ее. Здѣсь начала она оляшь играть свою роль. Я, подобно вамъ, также попалъ въ ея сѣти; но къ щастію, одинъ изъ моихъ товарищей, давно ее знавшій, заблаговременно предупредилъ меня; и я, прервавъ съ нею связь, почитаю съ тѣхъ поръ безчестнѣйшею женщиной. . . . А сверхъ того, государи мои, если вы всему мною сказанному желаете имѣть доказательства, то я приведу къ вамъ своего друга, который въ ближнемъ кофейномъ домѣ меня дожидается.»

Сказавъ сіе, Поручикъ удался. Пасторъ же, сообразивъ все

дѣло, также вмѣстѣ съ подкупленными свидѣтелями со стыдомъ вышелъ, оставивъ Филиберта одного съ его невѣстою. И сей юноша, не въ состояніи будучи произнести ни слова, сложивъ за спину руки, въ безмолвіи дожидался, какъ она будетъ оправдываться въ сдѣланномъ на нее доносѣ. Но сколь велико было его удивленіе, когда она вдругъ захохотавъ, побѣжала въ свою спальню и заперлась въ оной. Филибертъ же изъ всѣхъ силъ начавъ было въ бѣшенствѣ шума стучаться, но услышавъ опять хохотъ, внѣ себя уходя отъ нее, въ досадѣ разбилъ великолѣпные часы на шолѣ. Пошомъ въ стыдѣ и замѣшательствѣ едва могъ явиться отцу своему. Однакожь гдѣ иначе, ежели не

укроткаго, снисходительнаго родителя надлежало ему искать прибѣжища и утѣшенія. « Не медли признаться, сынъ мой — сказалъ ему сей почтенный старецъ — я обо всемъ знаю. Августина бодрствовала надъ тобою!» И распроганный Филибертъ поклялся тѣнию своей матери, что уже престанетъ болѣе скрывать. Наконецъ Г. Венделингъ отъ чистаго сердца во всемъ простилъ ему. Обыкновенно отецъ, хоша уже и тысячу разъ обманушый, бываетъ не менѣе легковѣренъ, когда его дѣти, сколь бы виновны ни были, обращаясь наконецъ къ раскаянію — и раскаяніе Филиберта казалось на сей разъ также искреннимъ. Онъ просилъ даже отца своего избрать ему добродѣтельную со-

шоващицу, которая бѣ свои ми о немъ попеченіями и нѣжностію предохраняла его отъ заблужденій.» Какъ мнѣ можно — возразилъ Г. Венделингъ — выбрать для тебя, сынъ мой? Не уже ли твое сердце само собою не ощущаетъ ни къ кому склонности? Или ты хочешь, чтобъ я наименовалъ тебѣ единственную дѣвушку, вполне заслуживающую всей твоей приверженности, и которая болѣе всѣхъ имѣетъ право на благодарность твою?» — «О, это Августина!» вскричалъ Филибертъ. — «Хочешь ли возвратишь мнѣ дочь въ моей пріемышѣ?» — «Хочу ли? ахъ, бабюшка! отъ всего сердца. Завтра же постараюсь войти въ домъ Графини, и вступлю съ Августиною» — «Вотъ

ты уже опять начинаешь дѣлать увертки и церемоніи! Начто шумѣ предварительныя сношенія? Завтра лучше пойду я самъ къ Августинѣ, и если найду ее въ расположеніи, сообразномъ съ нашими желаніями, то сообщу объ этомъ ея госпожѣ, и тогда все кончится какъ не лъзя лучше.»

Филибертъ въ самомъ дѣлѣ любилъ Августину; однакожь способъ, каковымъ долженствовала она быть его супругою, ему не нравился. Отецъ его хотѣлъ шумѣ дѣйствовать порядкомъ и по честности: хотѣлъ, чтобъ все свершилось какъ можно простѣе и лучше. Но впрочемъ, какъ бы то ни было, Филибертъ наконецъ уступилъ опцу своему, и вскорѣ сдѣлался щастливымъ супругомъ Августины. Онъ сподѣ

хорошо соотвѣтствовало ея нѣжности, что ей казалось, она побѣдила врожденную склонность его. Филибертъ жилъ уединенно и спокойно; не встрѣчалось ни одного случая употребить шайншвенность; напротивъ того все показывало между ими совершенное согласіе и взаимную довѣренность. А такимъ образомъ Августина вмѣстѣ съ госп. Венделингомъ утвердилась во мнѣніи, что нѣжность доброй супруги можетъ истребить всякіе пороки въ юношѣ. Наконецъ Докторъ въ сей утѣшительной мысли умеръ, оставивъ сыну своему значное имѣніе. Но къ несчастію управленіе онымъ, вмѣстѣ съ желаніемъ его увеличивъ, завлекли Филиберта во множестводѣль, при коихъ прежняя его

страсть пробудилась съ новою силою. Онъ, по примѣру прочихъ капиталисшовъ, не захотѣлъ отдавать изъ проценшовъ деньги свои подъ залогъ имѣнія, о чемъ всѣ легко узнать могли, но началъ дѣлать опважныя спекуляціи, и — запушался въ оныхъ. А тогда, чтобъ вознаградишь свои убытки, онъ выдумалъ другой проэкшъ, кошорый сверхъ того могъ удовлетворить также и его страсть къ шайншвенности, а именно, онъ вступилъ въ компанію съ людьми, занимавшимися запрещенною торговлею. Супруга его, какъ-то легко можно догадаться, не знала объ этомъ; но онъ не могъ избѣжать бдишельности таможенныхъ приставовъ: ибо не прошло еще и года такой его торговли, какъ онъ былъ

схваченъ, что называется, среди
самаго преступленія, и долго со-
держался подъ арестомъ ; при
чемъ конфискація и издержки при
судопроизводствѣ совершенно его
разорили. Однакожь Августина не
осыпала его за то бесполезны-
ми упреками , не прошивъ того
изъявила все, чего при семъ об-
стоятельствѣ можно ожидать
отъ нѣжной , великодушной су-
супруги : она пожертвовала ему
всемъ , что у нее находилось ,
для доставленія утѣшенія въ те-
мницѣ, и шѣмъ безъ ропота при-
вела себя въ такое соспояніе ,
что принуждена была кормить
какъ себя , такъ и дѣшею лру-
дами рукъ своихъ.

Между шѣмъ Филибертъ, по-
лучившій наконецъ свободу , не
могъ переносить вида, въ какой

привелъ онъ семейство свое; но оставаясь безъ всякой помощи, и сверхъ того будучи презираемъ, впалъ въ глубокую меланхолю, и проживъ нѣсколько времени въ положеніи столь бѣдственномъ, наконецъ бросился однимъ вечеромъ въ рѣку, и такимъ образомъ погибъ почти на томъ самомъ мѣстѣ, откуда за нѣсколько лѣтъ предъ симъ была извлечена несчастная Августина.

Однакожь добродѣтельная сія супруга не осталась безъ помощи отъ друзей своихъ: она при ихъ посредствѣ начала производить небольшую торговлю, и совершенно посвятила себя на воспитаніе дѣтей, копорые одни только содѣлывали еще сносною жизнь ея. Это были два пре-

красныхъ мальчика , коимъ она, проливая горячіе слезы, не рѣдко повшоряла слѣдующее правило:

« Дѣти мои — говаривала имъ Августина — имѣйте довѣренность ко всѣмъ близкимъ къ вамъ по крови и нѣжности. Несчастіе, такъ сказать, рождаешся подѣ нашими ногами, и малѣйшая неосмотрительность повергаетъ насъ въ оное. Будучи лишены отца, вы должны теперь безъ всякаго ограниченія совѣщываться со мною, даровавшею вамъ жизнь и воспитаніе. Ибо кто болѣе меня можетъ любить васъ и спараться о вашемъ щастіи? И если неумолимая судьба наконецъ отшоргнетъ и меня отъ васъ, въ такомъ случаѣ имѣйте довѣренность къ мудрымъ друзьямъ , къ людямъ честнымъ и до-

бродѣшельнымъ ; они будутъ за васъ мыслить, и въ минушу, когда начнутъ свирѣпствовать спрасти въ сердцахъ вашихъ, сохранятъ среди величайшей опасности. Особенно же, прошу васъ, не скрывайте ничего отъ друзей, которые нѣкогда должны раздѣлять съ вами щастіе и несчастіе, богатство и бѣдность. Не припворяйтесь предъ ними, не презирайте ихъ въ дѣлахъ вашихъ: ибо то, что должно отъ нихъ скрыть, конечно будетъ не доброе дѣло. Напротивъ того пусть будутъ отъ первыми вашими совѣтницами. Только откровенность сближаетъ сердца ; недовѣрчивый же разрушаетъ всякія связи общественыя. »

И дѣйствительно, дѣши Ав-

гуспины слѣдовали ея совѣту; а за то пользовались истиннымъ щасіемъ: Богъ благословилъ ихъ; и добрая сія мать въ преклонной старости имѣла удовольствіе быть прародительницею многочисленной фамиліи, которая во всемъ старалась угождать ей, и которой каждый членъ съ почетомъ открывалъ ей всѣ свои намѣренія и надежды.

НЕ НАВИСТЬ,
или
ПУСТОЙ ОСТРОВЪ.

Спрашная ненависть, или, лучше сказать, непреоборимая антипатія владычествовала между Анзельмомъ и Карломъ, которая началась у нихъ еще во младенчествѣ и возрастала вмѣстѣ съ лѣтами. Карлъ вездѣ выдавалъ Анзельма за человека коварнаго и злаго; а Анзельмъ въ возмездіе за то представлялъ Карла скрышныиъ, развращеннымъ и вообще весьма опаснымъ. Однакожь оба они обманывались:

ибо ни шопъ, ни другой не имѣлъ сихъ качествъ. Но откуда жъ происходило такое ихъ взаимное заблужденіе? —

Ребячество было первою сего причиною. Карлъ, имѣя нравъ безпечной, нерадѣлъ о своемъ нарядѣ, и даже одѣвался иногда пресмѣшнымъ образомъ. У него были сверхъ того еще странныя ухвашки, и Анзельмъ замѣчалъ, что онъ ходилъ подобно шелеграфу. Впрочемъ Анзельмъ, имѣя пылкой, живой нравъ, вообще любилъ смѣяться на щепъ другаго; и Карлъ доставлялъ ему множество къ тому случаевъ. Но сей юноша, узнавъ объ этомъ, чрезвычайно оскорбился, и поклялся отмстить Анзельму. Впрочемъ, чувствуя склонность къ наукамъ, онъ приобрѣлъ мно-

гія полезныя свѣдѣнія, кошорыхъ Анзельмъ не имѣя, спарался замѣнить сей недостатокъ пріятнымъ пустословіемъ. Однажды знакома я имъ дама, нашедши въ нѣкоторомъ романѣ ссылку на Овидія, попросила Анзельма перевести это мѣсто. И онъ, ничего на разумѣя по-Латыни, не запинаясь сказалъ ей, что только пришло ему въ голову. Но къ несчастію на тотъ разъ пришелъ Карлъ и дѣйствительнымъ переводомъ привелъ въ замѣшательство невѣжду; за что Анзельмъ шакже поклялся всѣми средствами опмстити ему.

Вскорѣ потомъ Анзельмъ вмѣстѣ съ прочими началъ добиваться мѣста, не зная, что Карлъ просилъ уже объ ономъ; и тогда сей послѣдній спалъ припи-

сывашь такой его поступокъ въ роломству и подлости.— Въ другой разъ Карлъ забылъ на цѣлую недѣлю вручить Анзельму письмо, которое было прислано въ его пакетъ; и Анзельмъ почелъ сію нерадивость за учиненную съ намѣреніемъ.

Впрочемъ не лзя исчислить всѣхъ бездѣлокъ, подававшихъ имъ случай ко взаимной обидѣ: ибо они уже привыкли принимать все въ худую спорону. А такимъ образомъ недовѣрчивость породила антипатію, сія же, возрастая со дня на день, произвела между ими ненависть, которая заставляла ихъ видѣть другъ въ другъ чудовищей. Карлъ никогда не хотѣлъ согласиться, что Анзельмъ имѣлъ въ сущности добрыя расположенія сердца.

ца, за то и Анзельмъ также не признавалъ въ Карлѣ правоты и честности. Однакожь имъ невозможно было убѣгать одинъ другаго. Городъ, въ коемъ они родились, былъ очень малъ, а сверхъ того шли они почти по одному поприщу: слѣдовательно, если не хотѣли совершенно опознаться отъ общества, то необходимо надлежало имъ встрѣчаться между собою. А съ такимъ расположеніемъ духа удивительно ли, что они изъ сущей бездѣлицы вызвали нѣкогда одинъ другаго на пистолеты, клянясь, что кто нибудь изъ нихъ непременно умереть долженъ. Уже были они такимъ образомъ на мѣстѣ поединка и хотѣли исполнить угрозу свою, какъ вдругъ Полиція, предувѣ-

домленная объ этомъ благомыслящими людьми, разняла ихъ и взяла общаніе впорично не начинать поединка. Однакожь взаимная ихъ ненависть, остановленная въ минуту своего рѣшительнаго дѣйствія, въ послѣдствіи содѣлалась еще жесточе и упорнѣе.

Наконецъ Карлъ, наскучившій дышать съ врагомъ своимъ однимъ и шѣмъ же воздухомъ, рѣшился выѣхать изъ города. Гавръ де-Грасъ находился недалеко отсюда. Въ сей гавани имѣлъ онъ родственникомъ одного Армато-ра (*), нерѣдко по дѣламъ отправлявшагося въ Западную Индію. Этотъ человекъ принялъ его весьма ласково, и узнавъ, что онъ имѣлъ свидѣнія въ Ма-

(*) Званіе или чинъ, извѣстный въ морской службѣ.

шемашикѣ, предпринялъ образовать изъ него мореходца; почему увезъ его съ собою и доставилъ тамъ случай приобрести небольшое состояніе.

Между шѣмъ во время сего путешествія возвращаясь изъ Китая съ богатымъ грузомъ, Армапоръ сдѣлался болѣнъ въ окрестностяхъ Суматры, коей низкіе и болопистые берега наполняли воздухъ вредными испареніями. Болѣзнь его вдругъ весьма усилилась, и онъ, чувствуя приближеніе смерти своей, отдалъ корабль Карлу, отдавъ его въ попеченіе одного стараго, опытнаго кормчаго, котораго вѣрность уже неоднократно была имъ испытана, и потомъ въ Зондскомъ проливѣ умеръ. Горестъ Карла при потерѣ сего благодѣ-

шеля была чрезвычайна, и онъ, имѣя съ природы склонность къ меланхоли, запирался на цѣлой день въ каютѣ, предоставляя управленіе корабля кормчему. Но эпокъ человекъ былъ изъ числа лишь мнимо честныхъ людей, которые пока добродѣтель доставляетъ имъ личную пользу, до тѣхъ только поръ и кажутся добродѣтельными; когда жъ преступленіе покажетъ имъ большія выгоды, тогда обыкновенно снимаютъ съ себя личину. И такъ теперь случай составилъ себѣ на старости щасіе показался также сему кормчему слишкомъ удобнымъ и привлекательнымъ, чтобъ не воспользоваться онымъ; почему вмѣстѣ съ мажорсами составилъ заговоръ противъ юноши, и въ одинъ вечеръ, когда Карлъ

спокойно спалъ въ своей каютѣ, напали на него при машросе, связали и бросили на дно корабля, гдѣ провелъ онъ всю ночь въ глубокой горести, ежеминутно ожидая смерти. Но по утру принесли ему развареннаго пшена и рюмку арака. Тщательно спрашивалъ онъ при семъ о причинѣ столь страннаго съ собой поступка, но не могъ получить ни малѣйшаго отвѣта. И такимъ образомъ провелъ онъ цѣлый день въ семъ же положеніи. На послѣдокъ участь его была рѣшена. Нѣкоторые машросы предложили бросить его безъ дальнихъ околичностей въ море, дабы шѣмъ скорѣе избавишься отъ скучнаго свидѣтеля своихъ злодѣяній; однакожь старикъ кормчій, въ коемъ не совсѣмъ еще угасло че-

ловѣчество, тому вопрошивилъся: ему казалось ужасно такое убійство. И такъ въ полночь вывели Карла на палубу, гдѣ при свѣтѣ луны замѣтилъ онъ въ дали нѣчто черное, которое было цѣпь Мальдивскихъ острововъ, опчасни близко примыкавшихъ одинъ къ другому.

Потомъ спустили на море ботъ, велѣли ему сойти на оный, бросили туда нѣсколько свѣспныхъ припасовъ и предоставили его участи. Волны прибили его къ небольшому островку, окруженному подводными камнями, о которыя ботъ сильно ударялся. Матросы отправили его такимъ образомъ въ надеждѣ, что онъ непременно тушъ погибнетъ. Однакожь Карлу пощастливилось возвратиться на скалу, гдѣ дождался онъ

разсвѣта; а тогда, по плавая, по перескакивая съ камня на камень, упѣлъ онъ достигнуть ближайшаго острова. Тутъ отъ усталости лишился онъ чувствъ; но солнечный зной скоро разбудилъ его, и тогда отъ изнеможенія едва будучи въ состояніи встать, онъ, увидѣвъ въ дали блѣющіе парусы, пролилъ горькія слезы.

Между тѣмъ начали поминать его голодъ и жажда. Нѣсколько сухарей, ему брошенныхъ, погибли вмѣстѣ съ ботомъ; и хотя видѣлъ онъ далѣе во внутренности острова нѣкоторыя сучья, выславившіеся изъ-за скалъ, но въ погдашнемъ положеніи какъ можно было ему туда достигнуть. Цѣпь высокихъ, чрезвычайно крупныхъ горъ, бы-

ла для него непреоборимымъ препятствіемъ иши далѣе. Однакожь онъ собралъ для того остатки силъ своихъ. Но шамъ представились ему гораздо большія затрудненія достигнуть долины. А тогда, видя предъ собою всѣ богатства природы, столь щедро распочаемыя ею на островахъ Мальдивскихъ, онъ отдохнулъ подъ тѣнію кокосоваго дерева, коего орѣхи его прохладили; послѣ чего погрузился въ глубокой сонъ, изъ котораго пробудился не прежде вечера, когда холодная роса увлажнила ложе его.

Укрѣпившись же такимъ образомъ въ силахъ, онъ рѣшился при помощи луннаго свѣта познаться съ новою страной, гдѣ вѣроятно долженъ сповалъ кончить и жизнь свою. Онъ не зналъ,

маперикъ ли то былъ , или о-
 стровъ , и идя цѣлый часъ по про-
 линкамъ весьма затруднитель-
 нымъ , вдругъ былъ остановленъ
 другою цѣпью горъ столько же
 высокихъ , какъ и прежнія . Тутъ
 не предсавлялось ему никакого
 слѣда человѣческаго ; только слы-
 шалъ онъ кой-гдѣ жужжаніе змѣй,
 и видѣлъ , какъ совы и филины
 при его явленіи съ крикомъ ос-
 тавляли гнѣзда свои . Такъ блу-
 ждалъ онъ половину ночи , всег-
 да встрѣчая скалы , о копорыя
 съ страшнымъ шумомъ разбива-
 лись волны морскія . Поупру же
 взобравшись на высочайшую изъ
 нихъ , онъ увѣрился , что нахо-
 дился на весьма небольшомъ не-
 обитаемомъ островѣ , принадле-
 жащемъ къ необозримой цѣпи
 оныхъ , на копорыя пустили его

съ намбрениемъ , дабы онъ нашелъ здѣсь могилу свою.

Однакожь онъ не приходилъ отъ того въ отчаяніе, зная, что сей архипелагъ находился подъ владычествомъ одного Султана, имѣвшаго шишуль Государя двѣнадцати тысячъ острововъ. Рано или поздно — говорилъ онъ — приспанетъ сюда какая нибудь лодка ; а тогда хотя и буду я опведенъ въ рабство, однакожь это сносно, нежели въ сей пустынь умереть въ голоду. А такимъ образомъ , въ надеждѣ скорого освобожденія , онъ мало по малу успокоился и началъ искать растѣній , кои моглибъ продолжишь жизнь его , какихъ дѣйствительно нашелъ очень много, особливо же кокосовыхъ ореховъ , а также попадались ему

иногда въ ущельяхъ скалъ и
яица. Впрочемъ онъ могъ бы на-
ловишь и пшицъ, бывшихъ здѣсь
очень смиренными; но гдѣ было до-
стать огня, чтобъ жарить оныхъ.
Правда, онъ зналъ, что сильное
трение одинъ о другой двухъ
кусковъ дерева можетъ произ-
вести воспаленіе, однакожь или
по неискусству, или по неперпѣ-
ливости не имѣлъ въ томъ ус-
пѣха, пока наконецъ, принявшись
съ новымъ усиленіемъ, ему удалось
это. Съ воспоргомъ увидѣлъ онъ
блеснувшую искру, которая ус-
губила въ немъ мужество — и
вдругъ дерево запылало. А тог-
да Карлъ, посадивъ на вертѣль
двухъ пшицъ, тотчасъ ихъ из-
жарилъ. Впрочемъ необходимость
имѣть безпрестанно огонь при-
чинила ему новое безпокойство:

какимъ образомъ можно было сохранить его? Не имѣя ни попора, ни ножа, онъ принужденъ былъ употреблять полько сухіе сучья, сломленные вѣтромъ, или кустарникъ, кошорый выдергивашъ изъ земли стоило ему не малаго труда. Но и сей родъ дровъ не замедлилъ уменьшиться. Наконецъ въ началѣ дождливаго времени, употребивъ все количество оныхъ, еще у него остававшаяся, онъ устремилъ болѣзненные взоры на очагъ свой, опчасу слабѣе горѣвшій; когда же на послѣдокъ оный угасъ совершенно, то ему показалось, какъ будто бы вмѣстѣ съ шѣмъ угасла и жизнь его, и онъ не могъ удержаться, чшобъ не пролишь слезъ прискорбія.

Слѣдовательно такимъ обра-
 Ч. II. Ж 3

зомъ лишился онъ упѣшенія осу- шивающагося, грѣшась у огня и спряпашь на немъ кушанье. Къ щастію еще, что на островѣ находились гробы и пещеры, гдѣ онъ могъ имѣть убѣжище, и одна изъ нихъ, копорую онъ опнялъ у змѣи, убивъ ее, была всегдашнимъ мѣстомъ его пре- быванія. Тамъ-то обиталъ онъ одинъ съ своею грустію, или со сномъ, едиными друзьями въ его несчастіи. Да сей послѣдній, котораго по испинѣ можно на- звашь братомъ смерни, весьма часпо и навѣщалъ его. Ибо, ког- да бывало продираясь сквозь ча- стый кустарникъ, въ надеждѣ найти нѣсколько яицъ, или взлѣ- зая на высокія скалы, чпобъ по- смотрѣть на океанъ, не прибли- жался ли какой нибудь корабль,

онъ въ чрезвычайномъ изнеможеніи возвращался въ свою обитель: но сонъ служилъ ему единственнымъ утѣшителемъ, потому что заспавлялъ забывать всѣ бѣдствія.

Къ счастью, теплый климатъ содѣлывалъ для него одежду почти безнужною, и Карлъ по выходѣ на островъ скоро изорвавъ свое платье въ кустарникѣ и взбираясь на камни, началъ носить родъ юбки изъ пальмовыхъ листьевъ, ибо на всякой случай ему надлежало сберечь рубашку, единое Европейское платье, еще у него остававшееся.

Такимъ образомъ прожилъ онъ уже около года, и надежда возвратиться въ отечество мало по малу исчезла изъ души его. Каждое утро, особливо же во

время бури, взлѣзалъ онъ на самыя высокія скалы, и открывалъ иногда въ сизой отдаленности паруса корабельные; но корабли, зная опасность около его острова, старались отъ него удаляться; а пошому ихъ видъ только усиливалъ его горесъ. Онъ желалъ даже иногда, чтобъ разбилось какое нибудь судно. Таковъ-шо человекъ: онъ для собственной пользы хочетъ погуби многихъ себѣ подобныхъ; и Карлъ для заглушенія совѣсти, вопіявшей прошивъ сего желанія, говаривалъ самому себѣ: «вѣдъшимъ я не причину бури.»

Однажды вечеромъ, смошря по обыкновенію на море, онъ увидѣлъ заходящее солнце въ кровавомъ цвѣтѣ, и крикъ морскихъ птицъ, казалось, предвѣ-

щаль сильную бурю, которая въ полночь дѣйствительно и случилась. Карлъ, лежа на сухихъ листьяхъ въ своей пещерѣ, слышалъ свистъ порывистаго вѣтра, земля подъ нимъ тряслась, дождь лилъ ливня, со скалъ капилась въ море огромные каменья, деревья исторгались вмѣстѣ съ кореньями, атмосфера, пересѣкаемая молніею, представляла собою, такъ сказать, океанъ огня, громовые удары одинъ за другимъ спрашно раздавались по окрестности; казалось, какъ будто бы разрушалась вся природа. Наконецъ по утру, когда небо начало проясняться, Карлъ влѣзъ на прибрежную скалу, чшобъ видѣть спрашное зрѣлище моря, волнуемаго ураганомъ; волны съ шумомъ уда-

ряли объ оную, и пбна ихъ даже до него достигала.

Около четверши часа смотрблъ онъ съ содроганіемъ на сію ужасную картину, какъ вдругъ предметъ, находившійся на скатб одной скалы, поразилъ его взоры. Солнечные лучи, проникнувшіе вб сію минушу сквозь облака, дали ему случай его увидбшь, хошя онъ и не могъ распознать, что то собственно было. Кровь его волновалась, сердце билось. Ему нужно было разсмотрбшь предметъ сей, выкинутый бурей: могло статься, что онъ нашелъ бы или мертвую рыбу, или вещь очень полезную. Однакожь достигнуть туда съ сей стороны было весьма опасно; надлежало проходитьъ сквозь ущелье и по краю про-

пасши. Обходомъ же гораздо дальнѣйшимъ можно было сдѣлать сіе съ меньшимъ затрудненіемъ ; но тогда потерялось бы время, и морская волна могла въ минушу унести предметъ въ море: ибо приливъ находился тогда на послѣдней степени возвышенія.

Но Карлъ отъ продолжительнаго навыка пріобрѣтя чрезвычайное проворство и ловкость, перебрался чрезъ ущелье подобно серну ; достигнувъ же края онаго, увидѣвъ человеческое подобіе. Едва не упалъ онъ отъ страха тогда въ пропасть; ноги подъ нимъ подогнулись. Находить существо себѣ подобное и при томъ столь близко! — о, какой случай ! И Карлъ, чтобъ собраться съ духомъ, принужденъ былъ лечь на землю.

„Увы! — мыслилъ онъ — можешъ быть это бездушный трупъ, надъ коимъ должно мнѣ будетъ свершить только долгъ погребенія.“ Но впрочемъ и сіе обстоятельство могло иногда доставить ему нѣкоторую выгоду; въ карманахъ мертваго могли находиться полезныя или даже драгоценныя вещи, на примѣръ, ножъ; а при томъ плащъ для споль нагаго человѣка, каковъ былъ Карлъ, также составляло не бездѣлку.

Наконецъ пришедъ въ себя отъ перваго смущенія, онъ быстро приблизился къ мѣсту, куда призывали его желаніе, опасеніе и надежда, и дѣйствительно увидѣлъ человѣка, котораго разсмащивая приспально, скоро узналъ: это былъ Анзельмъ — и

волосы Карла спали дыбомъ при семъ отккрытіи.

Какой ударъ! «Слѣдовательно неумолимая судьба не преша-нешъ меня преслѣдовашъ!» — вскричалъ онъ — «человѣкъ, заставившій меня удалиться отъ всего мнѣ любезнаго: отъ родствениковъ, отъ друзей, изъ отечества и самой Европы, эшотъ человѣкъ и здѣсь не даетъ мнѣ покою! Въ разлукѣ со всемъ міромъ, я день и ночь вздыхалъ о сообществѣ мнѣ подобныхъ — и вотъ рокъ посылаетъ мнѣ непримиримаго врага, живаго или мертваго. Но нѣтъ, онъ безъ сомнѣнія мертвой, и слѣдовательно я опомщенъ шеперь. Онъ не зналъ по крайней мѣрѣ ужаснаго жребія, къ которому привело меня мое опчаяніе — жре-

бія, для коего я почти желяю, чшобъ онъ жилъ, дабы испышашь равную участь со мною.»

По сихъ словахъ Карлъ оспановилъ предъ Анзельмомъ въ задумчивости, и попомъ съ ужасомъ опскочилъ назадъ, когда легкое дыханіе дало ему уразумѣть, что врагъ его жилъ еще. Тогда ненависть заставила было его бѣжашь, но другое чувство удержало его, и онъ пребылъ въ нерѣшимости, по подходя, по опяшъ удаляясь отъ Анзельма; по ощущая къ нему состраданіе при видѣ его безпамятства, по опяшъ съ ужасомъ отвращая отъ него глаза свои.

«Если я такимъ образомъ оспавляю его безъ помощи — говорилъ онъ самому себѣ — по онъ сдѣлается жертвою волнъ

морскихъ , опчасу приближающихся. Это человекъ , и человекство заставляетъ меня спасти его. Сей островъ хотя не великъ , однакожь довольно просторенъ для обоихъ насъ , и мы можемъ жить на немъ въ удаленіи одинъ отъ другаго. »

Въ сей рѣшимости склонился онъ къ Анзельму , который наконецъ открывъ глаза , почушалъ себя во власти дикаго человека: ибо длинная борода Карла , смущенные взоры , загорѣвшее лице и составленный изъ листьевъ очерсенникъ такъ его безобразили , что онъ не походилъ болѣе на самаго себя. Анзельмъ съ умоляющимъ видомъ простеръ къ нему руки свои. Но Карлъ грозно смотрѣлъ на него , и несчастный опасаясь , что дикарь хо-

четъ или ограбить, или даже умершвить его, вскричалъ: «ахъ! еслибъ я зналъ твое нарѣчіе, можешъ бытъ склонилъ бы тебя къ состраданію.» И сладостная мелодія опечесшвеннаго языка, котораго Карлъ не слыжалъ споль долго, проникла до глубины души его. Однакожь ничего не отвѣчая, онъ полько знакомъ намекалъ Анзельму, находившемуся въ великомъ изнеможеніи, чшобъ онъ за нимъ слѣдовалъ, давая простершою рукою на море уразумѣшь, чшо приливъ прибываетъ. Анзельмъ понялъ его, собралъ остатки силъ и косненными шагами за нимъ послѣдовалъ.

Дѣлая большой обходъ, Карлъ повелъ Анзельма по нечувствительной ошлогоспи на высоту

скаль , окружавшихъ островъ , и даже для облегченія въ пуши не хопя просперть руки своей , подавалъ ему иногда палку. Доспигнувъ же вершины , онъ указалъ ему на внутренность острова , которая уподоблялась корзинѣ , наполненной цвѣтами и плодами , особливо же давалъ замѣшить кокосовыя деревья. Помомъ онъ вдругъ его оставилъ , проворно сбѣжалъ по другому скапу горы и исчезъ въ кустарникѣ. Тщепно Анзельмъ призывалъ его голосомъ пристрастія : Карлъ не хотѣлъ ничего слышать , будучи доволенъ исполненіемъ перваго долга чловѣчества , но никакъ не соглашаясь вступать ни въ какое сношеніе со врагомъ своимъ.

« Кто сказалъ мнѣ вчера —

вскричалъ онъ въ своемъ уединеніи — кто сказалъ мнѣ : завтра исполнятся твои желанія, завтра ты получишь сотоварища въ своемъ бѣдствіи, и однакожь при томъ будешь болѣе уединенъ, болѣе жалокъ! . . . О, рокъ неумолимый! одинъ только человекъ живетъ со мною на семъ островѣ, и эшотъ человекъ есть — смертельный врагъ мой.» А чшобъ ушвердисься еще болѣе въ своемъ отвращеніи, онъ воспоминалъ всѣ оскорбительные прошивъ себя поступки Анзельма, всѣ причины, которыя заспаляли вѣчно его ненавидѣшь, и произнесъ клятву жить съ нимъ въ разлукѣ, даже тогда, когда бѣ приближился послѣдній часъ его жизни, когда бы онъ, помимый сильнѣйшею

горячкою , не имѣлъ и капли воды для прохлажденія языка своего.

Между тѣмъ Анзельмъ , такимъ образомъ оставленный, едва держась отъ слабости , сошелъ въ долину, и сѣвъ подъ кокосовымъ деревомъ, предался глубочайшей задумчивости. Не хопя ипши на границу съ копомкою за спиной, онъ посредствомъ покровишельства, какъ кандидатъ морской службы, всупилъ на корабль, отправленный къ Коромандельскому берегу; но оный во время бури былъ разбишъ о подводные камни близъ острова, на коемъ Карлъ находился ; весь экипажъ пошонулъ при семъ случаѣ , но Анзельмъ по щастію за мертво былъ выкинушъ на берегъ. Тутъ подошелъ къ нему

дикарь, привелъ его въ чурство, возвелъ на скалу, и попомъ со всѣхъ ногъ бросился отъ него бѣжашь, оставивъ въ чрезвычайномъ изумленіи. Но зачѣмъ дикій человекъ поступилъ съ нимъ такимъ образомъ? или онъ его испугался? Островъ по видимому былъ населенъ; но ежели и прочіе на немъ жители столько же добры, какъ сей, то не было опасности встрѣтиться съ ними. Однакожь необходимо надлежало отыскать ихъ убѣжище.

Потомъ онъ дѣйствительно началъ свои поиски, продолжавшіеся нѣсколько дней, но тщетно: ибо Карлъ лишь только видѣлъ его въ дали или слышалъ его приближающимся, какъ всегда скрывался или въ частомъ кустарникѣ, или во внутренности

пещеры своей. Наконецъ, когда Ансельмъ увѣрился, что на островѣ не было ни деревни, ни хижины, исчезнушіе одинаго дикаря, имъ видѣннаго, естественнаго долженствовало показаться весьма страннымъ, и иногда приходило ему даже на мысль, что онъ былъ спасенъ какимъ нибудь духомъ благодѣтельнымъ. Очень часто кричалъ онъ громкимъ голосомъ, призывая дикаго чело-вѣка: ему отвѣчалъ на зовъ его только отголосокъ отъ скалъ, всюду окружавшихъ островъ. Однакожь такъ какъ онъ все еще продолжалъ свои поиски, по рано или поздно, но непременно долженствовало открытъ мѣсто, которое будучи очищено рукою Карла, доказывало близость человѣческаго жилища.

Анзельмъ пошелъ по слѣдамъ
 обломленныхъ сучьевъ, по при-
 мяшой травѣ, и вскорѣ увидѣлъ
 грошъ, въ кошоромъ Карлъ спалъ
 въ сію минушу. Но шумъ, при-
 чиненный Анзельмовымъ шуда
 входомъ, разбудилъ его. Онъ про-
 ворно вскочилъ съ своей посте-
 ли. Между тѣмъ Анзельмъ по-
 дошелъ къ нему съ ласковымъ и
 даже умоляющимъ видомъ; но
 Карлъ опскочилъ отъ него и
 вскричалъ въ ужасѣ: «удались!
 мы не можемъ имѣть одинъ съ
 другимъ ничего общаго!» И Ан-
 зельмъ, такъ сказавъ, ошолбе-
 нѣлъ, увидѣвъ въ мнимомъ дика-
 рѣ Француза, и при томъ тѣмъ
 болѣе, что оный съ такимъ
 спараніемъ убѣгалъ своего со-
 опечественника. Тогда кровь за-
 ешыла въ жилахъ его, онъ без-
 молвствовалъ.

«О, Боже! сказалъ онъ наконецъ Карлу дрожащимъ голосомъ, о Боже! вы Французъ, и одна-кожь убѣгаете Француза, въ семъ уединеніи, въ которомъ мы только двое обитаемъ!»

«Я убѣгалъ бы себя и тогда, возразилъ Карлъ, когда бъ мы находились даже на опмбли среди Океана. Узнай меня—я Карлъ!...»

При сихъ словахъ Анзельмъ съ крикомъ негодованія и ужаса бросился въ бѣгство, и такимъ образомъ въ безпамятствѣ блуждалъ нѣсколько часовъ, пока ноги отказались носить его. Напротивъ того Карлъ радовался, что показалъ свой характеръ, и по видимому былъ доволенъ самимъ собою; но обманывался: злоба вывела его изъ заблужденія. Онъ втайнѣ желалъ поговорить съ

пришельцемъ о Франціи, о городѣ, въ коемъ родился, или даже о Кишаѣ и Японіи, лишь бы только говорить и слышать звуки языка ошечественнаго. Разговоръ для духа по же, что движеніе для тѣла. Лишаясь сего упражненія, сполько для обоихъ необходимаго, они, потѣ и другое, приходятъ въ изнеможеніе. Но ненависть заглушаетъ сію потребность, утѣшаясь гибельною мыслию, что дѣйствуетъ такимъ образомъ ко вреду врага своего, къ его обидѣ и униженію. Надобно признаваться, къ стыду чловѣчества, что эта гибельная спрасъ часто бываетъ способна къ большимъ пожертвованіямъ и принужденію, нежели дружество.

Между тѣмъ Анзельмъ былъ

не столь не милосердѣ , хопя также убѣгалѣ врага своего , и для того избралѣ пещеру весьма удаленную ошѣ Карлова убѣжища ; но сознавался , что такое положеніе было весьма скучно , и желалѣ иногда въ немѣ переменны. Впрочемѣ онѣ зналѣ также , что Карлѣ нѣкошорымѣ образомѣ былѣ его избавишелемѣ , и эта мысль иногда весьма шягопила его сердце , иногда же возбуждала въ немѣ нѣжнѣйшія ощущенія. Сверхѣ того Анзельмѣ , имѣя нравѣ менѣе жестшожой , менѣе также помнилѣ и прошедшія обиды. А пошому ежелибѣ Карлѣ принялѣ его не столь сурово , то можетѣ бышѣ онѣ охотно бы далѣ поцѣлуй примиренія человѣку , кошорый прошянулѣ ему палку свою для об-

легченія при вѣсходѣ на скалу кру-
 шую ; но онъ чувствовалъ себя
 обижаемымъ отъ неумолимаго
 характера врага своего. И съ
 тѣхъ поръ начали они досадо-
 вать одинъ на другаго въ уеди-
 неніи, будучи, такъ сказать, му-
 чителями сердець своихъ. Мще-
 ніе Карла запылало даже съ но-
 вою силою при мысли, что соб-
 ственно Анзельмъ заставилъ его
 удалиться изъ отечества, и
 тѣмъ привелъ въ настоящее бѣд-
 ственное положеніе.

Однакожь потѣ и другой не
 могли иногда отказать себѣ въ
 удовольствіи видѣть существо
 себѣ подобное, а какъ ихъ на
 островѣ было только двое, то
 смапривали они одинъ на другаго
 украдкою, изобрѣшая, для обма-
 нутія самихъ себя, разные пред-

логи ходишь на мѣста, гдѣ предполагали возможность встрѣтись между собою. Когда же въ самомъ дѣлѣ случалось, что такимъ образомъ сходились они лице съ лицомъ, то притворялись бытъ отъ того въ замѣшательствѣ, взаимно бросали грозные взгляды и оборачивались спинами; но при всемъ томъ всегда возвращались домой съ удовольствіемъ отъ новой увѣришельности, что на островѣ обитаетъ еще одно существо имъ подобное. Какое - то непонятное, однакожь весьма пріятное чувство говорило имъ: ты не одинъ въ этой пустынѣ.

Нѣкогда въ одну изъ такихъ прогулокъ, производимыхъ украдкою, Анзельмъ нашелъ своего непріятеля спящаго подъ

пальмовымъ деревомъ, шихо подошелъ къ нему и началъ внимательно разсматривать. Карлъ былъ уже не тѣмъ прекраснымъ, во цвѣтѣ здоровья юношею, какимъ онъ помнилъ его съ издѣлства: нѣтъ, горестъ изсушила щеки, обезобразила всѣ черты лица его; и Анзельмъ произнесъ въ полголоса: «ахъ! это не шотъ Карлъ, котораго я сколько ненавиждѣлъ.»

Тутъ вдругъ былъ онъ нарушенъ въ печальномъ своемъ размышленіи змѣею, зашевелившеюся по спорону спящаго. Анзельмъ содрогнулся при видѣ оной. Это вредное животное могло бы удалиться, не причинивъ ничего непріятнаго, лишь бы только его не трогать: змѣя свернулась въ кольцо и спала; но ма-

лѣйшее движеніе Карла могло заставивъ ее выпустить свое жало, и тогда крошкѣй сонъ сего несчастнаго содѣлался бы сномъ смерти. Почему Анзельмъ не медлилъ ни минушы; онъ поднялъ камень и удачно размозжилъ имъ голову живошнаго; но если бы не попрафилъ, то непременно бы самъ содѣлался его жертвою. Между тѣмъ Карлъ, пробужденный шумомъ и видя подлѣ себя непріятеля, все еще продолжавшаго изо всѣхъ силъ бить змѣю, догадался о угрожавшей ему опасности, въ замѣшательствѣ оставилъ прежнее мѣсто и не могъ произнести ни слова. Анзельмъ же, бросивъ камень, спокойно пошелъ прочь, не озираясь; а Карлъ его не кликалъ. Впрочемъ приключеніе

сіе послужило послѣ того для обоихъ на нѣсколько дней поводомъ къ различнымъ разговорамъ самихъ съ собою.

«Мнѣ надлежало бѣ благодарить его — говорилъ Карлъ — однакожь за что? развѣ я не спасъ его равно опъ неменьшей опасности, совсѣмъ не думая о благодареніи?»

Анзельмъ же съ своей стороны рассуждалъ: «онъ обязанъ мнѣ жизни, однакожь не сказалъ за то и спасибо!... Но впрочемъ и за чтожь? Когда онъ сохранилъ меня опъ попопленія, то и я также не благодарилъ его.»

Однакожь сіе приключеніе не оставило произвести на духъ обоихъ спасительнаго дѣйствія и даже расположило почти къ

доброжелательству. Каждый разъ какъ Карлъ могъ сказать самому себѣ: «я оказалъ важную услугу моему непріятелю!» разстояніе между имъ и Анзельмомъ увеличивалось, и онъ почивалъ себя въ правѣ гордиться предъ нимъ своимъ мнимымъ великодушіемъ; но теперь между имъ и собою прошивъ воли долженствовалъ онъ видѣть равенство: ибо черта раздѣленія, проведенная тщеславіемъ, уничтожилась. Анзельмъ же съ своей стороны чувствовалъ удовольствіе не только не быть ничемъ обязану врагу своему, но и учинивъ доброе дѣло, предметъ коего не можно было ненавидѣть, потому что пріятное воспоминаніе о благодѣяніи естественнo мѣшается съ мыслию объ особѣ, получившей оную.

Уже каждый изъ нихъ началъ размышлять, погружаясь въ глубокую задумчивость; каждый спрашивалъ самого себя, не подавалъ ли въ дѣйствѣ самъ своему товарищу повода къ ненависти; и хотя по истинѣ оба сознавались только въ небольшихъ погрѣшностяхъ, однакожь всегда оправдывали одинъ другаго. А такимъ образомъ взаимное ихъ негодованіе уменьшалось, и часто казалось имъ весьма странно, что въ сердцахъ ихъ рождалось желаніе примиренія; только ложный стыдъ препятствовалъ имъ еще сдѣлать первый шагъ къ тому. «Онъ подумаетъ, что безъ него не лзя мнѣ обойтись,» мыслилъ каждый изъ нихъ, и хотя оба живо чувствовали нужду одинъ въ другомъ, но же-

дали лучше погибнуть въ уединеніи, нежели подашь поводъ къ такой мысли.

Между тѣмъ наступила опять дождливая погода, и въ сей разъ сильнѣе подѣйствовала на здоровье Карла. Во время выхода случилась съ нимъ на дорогѣ лихорадка, такъ что онъ съ трудомъ могъ возвратиться въ гробъ свой. Анзельмъ, изъ далека сіе замѣтившій, два дня его дожидался; на прешіе жъ утро, не видя его возвращенія, почувствовалъ сильнѣйшее безпокойство. «Ахъ! если онъ умретъ безъ помощи, я приду отъ того въ опчаяніе,» говорилъ Анзельмъ, медлительно приближаясь; но при входѣ въ гробъ остановился и подумалъ: «если же онъ не боленъ, а напрошивъ того удерживается до-

ма дурною погодою, каково мнѣ тогда будетъ оказашь ему даромъ мои услуги? . . . Однакожь такъ и бышь, пусть его смѣшся!» И съ сими словами, какъ будто бы ненарочно, заглянулъ въ грошъ украдкою.

Опасеніе Анзельма было основательно: Карлъ лежалъ, простершись на листьяхъ, безъ движенія, съ томными глазами, съ засохшими губами, съ палящимъ дыханіемъ. И Анзельмъ рѣшился подойти къ нему, спросишь, не боленъ ли онъ, и что ему нужно.

Но Карлъ не слыжалъ его. Анзельмъ принесъ тогда кокосовый орѣхъ, пропустилъ ему въ рошъ нѣсколько его сока; потомъ наполнивъ водою раковину, находившуюся подлѣ постели,

высбкѣ огня изъ огнива, послѣ кораблекрушенія тщательнѣе имѣ сохраненнаго, и зажегши предъ громомъ сухіе сучья, удалился, спрятавшись въ ближайшемъ кустарникѣ, чтобъ видѣть дѣйствіе первой своей услужливости.

По счастью онѣ пришелъ такимъ образомъ къ Карлу въ минуту опаснѣйшаго состоянія его болѣзни; кокосовый сокъ и огонь, очистившій въ громѣ влажный воздухъ, помогли натурѣ: чрезъ нѣсколько часовъ больной пришелъ въ чувство. Онѣ открылъ глаза свои, и теплота отъ огня, къ копорой не привыкъ, произвела надъ нимъ спасительное дѣйствіе. Но кто иной, если не Анзельмъ, развеъ его? Помомъ представилась ему и свѣ-

жая вода въ раковинѣ. Карлъ очень помнилъ, что она была пуста, и что не взирая на палящую жажду, онъ не имѣлъ силъ дойти къ ручью за вею. Но опять, кто иной, если не Анзельмъ, наполнилъ ее? Болезнь укротила буйный, мстительный духъ его, и онъ почувствовалъ умиленіе. «Я умру непременно—сказалъ пошомъ Карлъ слабымъ голосомъ—шолько прежде смерти хочешся мнѣ простить его.»

Но ежелибъ Карлъ произнесъ слова сіи громко, то Анзельмъ, теперь расположенный болѣе, нежели прежде къ снисхожденію, вѣрно бы прибѣжалъ обнять врага своего, на смертномъ одрѣ лежавшаго.

Пошомъ Карлъ предался кроп-

кому сну съ утѣшительною мыслию, что подобное ему существо приняло въ немъ участіе.

Анзельмъ же, видя огонь угасающимъ, приблизился, и ахъ! съ какимъ удовольствіемъ замѣтилъ тогда, что Карлъ опорожнилъ раковину, и что, казалось, спалъ весьма покойно. Онъ наполнилъ раковину свѣжею водою, развелъ опять огонь и, не взирая ни на дождь, ни на пронзительной вѣтеръ, спалъ на спорожкѣ.

Такимъ образомъ цѣлые 4 дня Карлъ былъ предметомъ попеченій Анзельмовыхъ, который при томъ забывалъ самаго себя, и напаскалъ большую кучу дерева, дабы больной, нѣсколько оправившись, могъ самъ поддерживать огонь свой.

Наконецъ въ пятый день имѣлъ онъ удовольствіе видѣть больного вышедшимъ изъ грота, и хотя слабымъ, однакожь примѣтно выздоравливающимъ. Карлъ самъ уже ходилъ къ ручью за водою. Впрочемъ послѣ столь продолжительнаго бѣднiя надъ всимъ непріятелемъ, Анзельму нужно было успокоеніе. Онъ пришелъ въ свою пещеру и крошкѣмъ сномъ проспалъ большую половину дня. По пробужденіи жъ замѣтилъ при входѣ въ оную шестъ, воткнушый въ землю, подобно знамени, и на пальмовомъ, прикрѣпленномъ къ нему листѣ, прочелъ надпись: *благодарю тебя.*

Вотъ все, что Карлъ могъ исполнить по своему выздоровленіи. Онъ чувствовалъ невоз-

возможность видѣшь лицемъ къ ли-
 цу своего благодѣшеля; однакожь
 не замедлилъ доказанъ ему, что
 желаешь извѣявить свою благо-
 дарность иначе, нежели только
 знаками: ибо по утру Анзельмъ
 увидѣлъ предъ своею пещерою
 ящикъ, вполовину наполненный
 одеждою и другими полезными
 предметами. Карлъ нашелъ его
 на берегу и съ невѣроятнымъ
 трудомъ перенесъ въ свое жи-
 лище; гдѣ разсмотрѣвъ порознь
 каждую вещь, раздѣлилъ оныя
 на двѣ равныя части. Казалось,
 что сей ящикъ принадлежалъ
 корабельному плотнику, и все
 въ немъ находившееся было весь-
 ма полезно для обитателей пу-
 стаго острова.

Ночью Карлъ перенесъ поло-
 вину сего сокровища къ Анзель-

мовой пещерѣ, дабы шѣмѣ доставишь существенный знакъ своей признашельности. Однакожь Анзельму пальмовый листѣ казался драгоценнѣе сего ящичка. Карлѣ, казалось, хотѣлъ заплашишь ему долгѣ свой, и эша мысль заспавила его возвратишь свой подарокѣ. Онѣ, найдя Карла сидящимѣ у ручья, не сказавѣ ни слова, поставилѣ ящикѣ у ногѣ его. При чемѣ они посмотрѣли одинѣ на другаго уже не споль сурово.

Напоследокѣ, когда Анзельмѣ пошелѣ отѣ него прочѣ медлительными шагами, Карлѣ прервалѣ молчаніе. «Это принадлежитѣ тебѣ,» сказалѣ онѣ весьма скоро.

О, совсѣмѣ нѣтъ! возразилѣ Анзельмѣ.

« Я нашелъ его на морскомъ берегу. »

Слѣдовательно ты его и хозяинъ.

« Но ты мнѣ оказалъ добро, за которое я благодарить долженъ. »

Ты уже отблагодарилъ меня.

« Однакожь естлибъ онъ попался тебѣ, то вѣрнобъ и ты также раздѣлилъ со мною содержащіяся въ немъ вещи? »

Конечно, но принялъ ли бы ты ихъ?

Карлъ молчалъ.

Ошвѣчай на это по совѣсти, продолжалъ Анзельмъ.

« Но развѣ въ послѣдней крайности не принялъ я своего вспоможенія? »

А! только въ послѣдней крайности.

«Захотѣлъ ли бѣ ты при чувствѣ мщенія возложить на меня тяжестъ благодѣянія, за которое я благодарить не долженъ?»

Ты самъ избавилъ меня отъ смерти, и слѣдственно ничемъ мнѣ не обязанъ.

«О, что касается до эшаго, то мы поквипались уже тогда, когда ты умершвилъ змѣю, готовившуюся меня ужалишь.»

Пустое; не уже ли надлежитъ намъ въ томъ щипаться?

«Нѣтъ, дай Богъ, чтобъ эшаго не было!»

О, Карлъ, не собственно ли Божій промыслъ соединилъ насъ столь страннымъ образомъ?

Карлъ вздохнулъ; а Анзельмъ продолжалъ съ сильнымъ внутреннимъ движеніемъ:

Въ послѣдній разъ въ нашемъ

ошечесствѣ видѣлъ я себя съ пистолетомъ въ рукѣ.

«А я увидѣлъ тебя въ первый разъ на Индѣйскомъ океанѣ безъ чувствъ простершимъ на скалѣ.»

Слѣдовательно для насъ обоихъ начался новый періодъ жизни?

«Кокосовый орѣхъ здѣсь гораздо драгоцѣннѣе всѣхъ свѣдѣній, коими иногда хвастался я можешь быть слишкомъ не къ спашу.»

Здѣсь кусокъ острога желѣза пригодился бы лучше всѣхъ блестящихъ изворотовъ и шонкоспи ума, коими оскорблялъ я иногда столько себя подобныхъ.

За симъ послѣдовало минувшее безмолвіе.

«Странныя положенія и жалкая недовѣрчивость — сказалъ потомъ Карлъ, пошупивъ глаза въ

землю — не должны раздѣлять людей, созданныхъ любить другъ друга.»

Судьба иногда удивительнымъ образомъ измѣняетъ сіи положенія.

«Мы единые обитатели этого острова, на которомъ умереть должны.»

Но можемъ взаимно сдѣлать менѣе несноснымъ несчастное бытіе наше.

«Безъ сомнѣнія.»

Такъ для чего жъ не исполняемъ этого?

«Потому что обиженный тщетно надѣется, что виновный признается ему въ винѣ своей.»

Но кто изъ насъ обиженный?»

«Я!»

И я!

« Слѣдовательно оба. »

А кто виновный? Ты молчишь. Признаемся, что оба мы не правы.

« Да, какъ обыкновенно бываетъ. »

Въ наше дѣло вмѣшивались наушники, подспрекашели; никто не хотѣлъ уступить другому.

« Каждаго щекошало самолюбіе, и вражда содѣлалась непримиримой. »

Но теперь мы живемъ въ такомъ углу земли, куда честолюбіе не закралось еще.

« Конечно, въ пещерахъ нашихъ должно владычествовать согласіе. »

А сердце открываться одно другому.

„Инь пусть же сей ручей послужитъ для насъ Лешою (*)!

Съ сими словами Анзельмъ схватилъ кокосовую скорлупу, зачерпнулъ ею воды, поднялъ это къ небу и бросилъ вопрошающій взоръ на прежняго врага своего.

„Шей!“ сказалъ Карлъ со слезами, выступившими на глазахъ его.

У Анзельма также выкапнулись нѣсколько слезъ въ скорлупу, которую онъ, опорожнивъ до половины, подалъ Карлу. Карлъ принялъ ее, дрожа всемъ тѣломъ, выпилъ воду до капли и взбросилъ скорлупу на воздухъ; но прежде нежели она коснулась земли, они находились уже въ объ-

(*) Рѣка забвенія.

яшіяхъ одинъ другаго, и часныя всхлипыванія не давали имъ произнести ни слова. Ахъ! сколько облегчились тогда сердца ихъ! сколько чувствовали они себя счастливыми! Ибо минута, въ которую двое добрыхъ людей во взаимныхъ объятіяхъ заглушаютъ чувствительно мученія — эта минута превращаетъ и дикую пустыню въ поля Елисейскія.

Съ сей эпохи оба врага сдѣлались братьями и начали жить въ одной пещерѣ, услаждая печальное свое положеніе взаимною искренностію. Сначала они въ разговорахъ своихъ избѣгали было всего, что могло хоть нѣсколько возбудить въ нихъ непріятное воспоминаніе о прежнемъ раздорѣ; однакожь такая предосторожность сдѣлалась въ

послѣдствіи ненужною, и для нихъ казалось весьма страннымъ, какъ общее бѣдствіе могло раздѣляшь ихъ до сего времени. Не рѣдко они смѣялись даже этому; каждый охотно вмѣнялъ лишь самому себѣ проступокъ, и сіе было единымъ предметомъ взаимнаго ихъ прошиворѣчія. Не проходило ни одного дня, чтобъ они не открывали новыхъ совершенствъ одинъ въ другомъ: а тогда спрашивали самихъ себя, какъ я могъ до сихъ поръ столь ужасно опознаваться въ другъ моему!

Между шѣмъ соединенныя силы и размышленія произвели великую переменну въ ихъ состояніи. Они были увѣрены, что никогда никакой корабль не пристанетъ къ ихъ острову. Даже

самая шлюбка по причинѣ подводныхъ камней и мѣлей не могла съ безопасностію приближиться къ берегамъ его. Но ящикъ, найденный Карломъ, содержало между прочимъ старое *Пирардово путешествіе*, и сіе сочиненіе объяснило имъ, что разные проливы между Мальдивскими островами рѣдко имѣли болѣе двадцати сажень глубины, и что во многихъ мѣстахъ, во время отлива, можно было переходить въ бродъ; но что шаковой переходъ по причинѣ находившихся на днѣ коралловъ и камней былъ не безопасенъ.

Однакожь имъ оставалось: или жить до самой смерти въ сей скучной пустынѣ, или отважиться на рискъ. Самый ближній островъ, по видимому, опшо-

ялъ отъ нихъ не болѣе двухъ Французскихъ миль, на коемъ часто былъ примѣненъ дымъ, а сіе обстоятельство заславляло заключать, что оный былъ обишаемъ.

Анзельмъ и Карлъ сдѣлали родъ копей, прикрѣпивъ къ концамъ бамбуковыхъ шестовъ большіе ножи, и съ такими орудіями надѣялись преобороть всякія препятствія при переходѣ. А чтобъ бесполезно не обременить себя слишкомъ, то наклали они въ кошомки свои лишь самыя необходимыя вещи. Рубашка и лошннанные панталоны составляли всю ихъ одежду. И такимъ образомъ начали они дожидаться оплива; когда жъ могли предположить, что вода была уже довольно низка, то упали на ко-

лѣна совершить молитву. Потомъ Ансельмъ, первый водрузивъ въ землю копье свое, закричалъ: «впередъ, съ помощію Божіею!» и Карлъ за нимъ послѣдовалъ.

На пространствѣ нѣсколькихъ сотъ шаговъ была мѣль, и вода нигдѣ не переступала колѣнъ ихъ; а такое доброе начало возбудило въ нихъ мужество: они ускорили шаги свои. Однакожь глубина стала постепенно увеличиваться; они встрѣчали мѣста, усѣянные кораллами. Иногда вдругъ погружались въ воду по самую грудь и съ шрудомъ могли держаться на неровной плоскости. Ноги ихъ были всѣ исцарапаны, кровь смѣшалась съ морскою водою и причиняла имъ боль почти несстерпимую.

Карлъ, еще не совсѣмъ оправившійся послѣ болѣзни, изнемогъ первый отъ усталости, и наконецъ объявилъ, что не можешь далѣе слѣдовать; онъ даже опчаявался возвратиться опять на островъ, ими оставленный, потому что они прошли уже почти половину пролива. Однакожь Ансельмъ старался возбудить въ немъ мужество, говоря, чтобъ онъ безпрестанно смотрѣлъ на противоположный берегъ, на коемъ можно ужъ было различить хижину. «Едва ли остается еще часъ ходьбы—прибавилъ онъ въ заключеніе ослабѣвшему другу—и тогда мы будемъ находиться между людьми себѣ подобными!»

Карлъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и продолжалъ еще нѣсколько

времени путь свой, не говоря ни слова. Но вдруг, по причинѣ, что въ ногу его вошкнулось острие коралла, онѣ закричалъ: «я падаю!» Анзельмѣ схватилъ его за руку. «Нѣтъ, оставь меня,» сказалъ ему Карлъ: «я совсѣмъ лишился силъ. Прощай! спаси себя и будь щасливѣ; я умираю!»

«Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! — возразилъ Анзельмѣ — клянусь Богомъ, я не взойду безъ тебя на сей островъ. Замѣть, глубина уже уменьшается, мы достигаемъ цѣли своей. Ободришь и слѣдуй за мною.»

«Ахъ, не могу — опвѣчалъ Карлъ — я весь израненъ: не мѣшай окончанію мученій моихъ!»

«Инѣ хорошо, я еще силенъ!» вскричалъ Анзельмѣ: «сядь ско-

рбе на мою спину; не должно шеп-
рять ни минушы, дабы иначе
морской приливъ не засталъ насъ
въ проливѣ.»

Карлъ отъ того опговаривал-
ся. «Какъ тебѣ можно нести ме-
ня — говорилъ онъ — когда и од-
ному едва иппи можно? Лучше
погибнемъ вмѣстѣ.»

«Инь какъ угодно Богу; поль-
ко безъ тебя жизнь мнѣ будешъ
ужаснѣе самой смерти!» возра-
зилъ Анзельмъ: попробуй, обой-
ми мою шею.»

Наконецъ Карлъ на сіе согла-
сился. Но Анзельмъ дѣйстви-
тельно слишкомъ надѣялся на
свою силу. Въ нѣкоторомъ раз-
стояніи отъ прежняго мѣста,
когда дно сдѣлалось менѣе ров-
нымъ и пещанымъ, онъ едва не
сталъ жершвою своей привер-

женности. Неоднократно принужденъ онъ былъ слагать съ себя драгоценное бремя, дабы отдохнуть немного, не взирая, что приливъ возрасталъ уже весьма примѣшно. Нужно было достигнуть берега не долѣе получаса; а иначе надлежало обоимъ погибнуть. Однакожь, послѣ невѣроятныхъ усилій, онъ наконецъ достигъ шуда чрезвычайно запыхавшись, и въ совершенномъ изнеможеніи просперся на мѣли; Карлъ же, едва передвигаясь съ мѣста, пошелъ къ хижинѣ, издалека примѣченной ими, для пребыванія помощи.

Тамъ приняли его съ неожиданною ласкою, предложили всякаго рода подкрѣпленія, и когда онъ знаками далъ уразумѣть, что несчастному, находящемуся на

морскомъ берегу, нужна помощь, но старшій въ этомъ семействѣ шуда отправился съ мѣхомъ арака. И Анзельмъ, который давно уже не употреблялъ крѣпкихъ напитковъ, почувствовавъ себя отъ того какъ бы оживленнымъ. Онъ вспалъ и пошелъ за добродѣтельнымъ островитяниномъ въ его хижину, гдѣ занялись перевязываніемъ ранъ обоихъ.

Карлъ и Анзельмъ жили нѣсколько недѣль среди сего семейства, стараясь быть оному полезными въ собираніи кокосовыхъ орѣховъ, въ дѣланіи масла и въ изученіи Мальдивскаго нарѣчія. Когда жъ шаковое собираніе на нѣсколько времени прекратилось, семейство съ гостями своими перешло на другой,

большій островъ, гдѣ пользова-
лись они таковымъ же госте-
пріимствомъ, какъ и прежде. От-
сюда жѣ всѣ отправились въ Ма-
ле, резиденцію Султана, къ коей
прислаивали иногда корабли ино-
спранные.

Къ щасію нашли они тамъ
на шотъ разъ одно Американ-
ское судно, коего Капитанъ бы-
валъ иногда въ Гаврѣ и лично
зналъ Карлова дядю. Пошомъ
между прочихъ новостей, ими
услышанныхъ, важнѣйшею для
Карла была та, что корабль его,
коимъ овладѣли возмущившіеся
мапросы, былъ, какъ подозри-
тельный, задержанъ въ Новомъ
Йоркѣ; что экипажъ онаго, обли-
ченный и признавшійся, полу-
чилъ достойную награду за свое
злодѣяніе; что старый знако-

мый и пріятель его дяди взялъ корабль вмѣстѣ съ грузомъ его въ свое попеченіе, и даже писалъ къ Гаврскому правительству, дабы оное вызвало законныхъ наследниковъ, пошому что племянникъ владѣльца былъ почищаемъ мертвымъ.

Впрочемъ Американецъ принялъ обоихъ друзей на корабль свой. Въ Новемъ Йоркѣ Карлъ нашелъ младшаго своего брата, который явился было сюда за полученіемъ наследства, но который однакожь охотно отказался отъ своего требованія, когда увидѣлъ, такъ сказать, воскресшимъ брата своего.

По изслѣдованіи груза, Карлъ нашелъ между онымъ 120,000. долларовъ, и предложилъ половину оной Анзельму, который одна-

кожь отъ того отказался въ пользу Карлова брата. „Но ты былъ для меня болѣе самаго брата — возразилъ ему другъ его — и я лучше, нежели слышать твой отказъ, желалъ бы видѣть въ своей пещерѣ огонь, который развелъ ты будучи еще врагомъ моимъ. Нѣтъ, ты напрасно такъ упрямисься: у меня останешся еще слишкомъ довольно, чшобъ не терпѣть никакой нужды даже вмѣстѣ съ братомъ моимъ.“

Однакожь сей великодушный споръ шѣмъ не прекратился, пока условились наконецъ раздѣлить все наслѣдство на три части и завести общую торговлю подъ фирмою Карла съ братомъ и Анзельма. Устроивъ же такимъ образомъ дѣла свои, всѣ

они отправились въ Европу и вмѣстѣ вступили въ городъ своей родины, къ великому удивленію согражданъ, знавшихъ прежде о непримиримой ихъ ненависти.

«Ахъ! какъ это случилось?» спрашивали ихъ неоднократно. «Очень естественно!» отвѣчали оба друга: «мы худо мыслили, и еслибъ всегда оставались въ одинаковыхъ соотношеніяхъ, то никогда бы не познали своей ошибки. Каждый человекъ имѣетъ особливья, отличяющія его качества; только враги взаимно не примѣчаютъ оныхъ. Но перенесите на какойнибудь пустой островъ двухъ людей, такимъ образомъ предубѣжденных одинъ къ другому, то глаза ихъ мгновенно опкроются, и они

скоро познають въ себѣ добрыя качества.»

«Помыслише объ этомъ—сказалъ при семъ случаѣ одинъ почтенный старикъ сыновьямъ своимъ — и поелику судьба лишь весьма рѣдко соединяетъ двухъ враговъ на пустомъ островѣ, то не ожидайте такого страннаго приключенія, но только обращайтесь на оное мысленной взоръ вашъ каждый разъ, какъ ненависть закрадется въ ваше сердце. Вникайте въ добрыя, похвальныя качества вашихъ непріятелей, оказывайте прошивъ ихъ благія дѣйствія, и тогда я могу увѣришь васъ съдинами своими, что часно будете вы находить въ нихъ людей любезныхъ и добродѣтельныхъ, къ коимъ заслугамъ и качествамъ

бывали вы лишь предубѣждены
и кошорые, такъ сказать буду-
чи обезоружены вашими благо-
дѣянiями, содѣлаются лучшими
друзьями и приверженцами.

Х В А С Т У Н Ъ.

Когда Биберахъ былъ еще вольнымъ Имперскимъ городомъ, жилъ въ немъ добрый мясникъ, бывший вмѣстѣ и членомъ Магиспраша. Онъ какъ въ торговлѣ, такъ и правосудіи наблюдалъ строгую честность; никогда не продавалъ быка за корову, костей за мясо, а также и ни четвертью фунта не обвѣшивалъ. Равно поступалъ онъ и въ Магиспрашѣ, гдѣ надлежало рѣшить ему важныя, иногда весьма запущанныя шяжбы. Никогда не защищалъ онъ тамъ порока, ни-

когда не дѣйствовалъ прошивъ совѣспи, коль скоро вникалъ въ сущность дѣла и познавалъ законность онаго. А такимъ образомъ, когда бывало повѣсивъ на гвоздь бархатную, прежде кармазиннаго цвѣта шапку свою, и скинувъ бѣлый халатъ, шелъ онъ важно по улицамъ въ кафтанъ съ золотыми пуговицами, въ трехугольной шляпѣ и съ простью съ серебрянымъ набалдашникомъ; то добрыя женщины обыкновенно говаривали: «Г. Иосифъ Пандуръ идетъ въ Магистратъ. Щастливы, кои ждутся его теперь съ правымъ дѣломъ: это покровитель ихъ и защитникъ!»

Между его сопридниками находился одинъ бочаръ, не столько строгій въ правилахъ, и слѣ-

довашельно находившійся во всегдашней противоположности съ Г. Павдуромъ. Эшотъ бочаръ, неизвѣстно гдѣ научась по Латынѣ, свѣдѣніемъ своимъ внушалъ къ себѣ почтеніе всего Биберахскаго Магистрата, котораго поразительную каршину Виландъ представилъ намъ въ своихъ Абдеритахъ (Abderites). Если бывало видѣлъ онъ пользу поправити кого нибудь въ худомъ дѣлѣ, то говаривалъ на примѣръ: «Римское право, будучи приспособлено къ теперешнему случаю, выражается въ слѣдующемъ пунктѣ: *acti labores iucundi*, изъ чего ясно можно заключити, что мнимый преступникъ долженъ бытъ тотчасъ оплущенъ.» И тогда прочіе члены Магистрата, посматривая другъ на друга,

обыкновенно прошивились сему почти такъ: «конечно, ибо въ самомъ дѣлѣ это значитъ то. . . какъ вы объ этомъ думаете?» — Но другой ошвѣчалъ: «спросите о семъ лучше Г. Пандура!» А Пандуръ, ударяя по столу кулакомъ такъ крѣпко, что дрожали оконницы, возражалъ, что не даетъ и щепоти табаку за все Римское право. «У насъ есть свои законы; послѣдуемъ лучше имъ, а прочіе пусть какъ хотятъ поступаютъ. Биберахъ по истинѣ такой же свободный городъ, какъ и Римъ.» И это пробужденіе національной гордости, по крайней мѣрѣ въ то время, служило доказательствомъ, которое сей знаменитый Магистратъ принималъ всего легче; и Бургомистръ обыкновенно огра-

ничивалъ тогда отвѣтъ свой почти только слѣдующими словами: „хорошо, очень хорошо, добрый мой сотрудникъ! хотя и справедливо утверждаютъ, что Римъ нѣсколько болѣе Бибераха; но нѣсколько болѣе, или нѣсколько менѣе ничего не значитъ въ этомъ дѣлѣ!“ И тѣмъ обыкновенно оканчивалось все разсужденіе.

Однакожь какимъ уваженіемъ ни пользовался Г. Пандуръ въ Магиспрашѣ и у гражданъ, но при всемъ томъ въ домѣ своемъ занималъ слишкомъ низкое мѣсто. Гжѣ Маргаритѣ Пандуръ строго было запрещено вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и членъ Магиспраша никогда не пресупалъ сего пункта. Отъ дверей своего дома до границъ

республики Г. Пандуръ не зналъ никакой верховной власти, кромѣ Сенапа; но съ тѣхъ поръ какъ поставилъ въ уголъ палку и опдалъ прехугольную шляпу дорогой своей экономкѣ, по велѣ себя во всемъ какъ добрый, вѣрный подданный, почитая себя щастливымъ, ежели она дозволяла ему подашь иногда совѣщѣ свой.

Между множествомъ ключей, храненіе копорыхъ искусно умѣла она предоставишь только себѣ одной, находился шакже и шотъ, копорымъ запирались червонцы, старые и новые, и копорые скоплять имѣла она великую охоту. По воскреснымъ днямъ Г. Пандуръ получалъ по нѣскольку монетъ, посредствомъ коихъ могъ весело провести время съ своими друзьями, и женѣ его при

семь досадно было только то, что онъ выносилъ сіи деньги изъ опечесива, ибо мѣсто или гербергъ, гдѣ онъ ихъ испрачивалъ, находилось за городомъ.

Но впрочемъ Гжу Пандуръ и не лзя слишкомъ порицать за бережливость, ибо она безпрестанно думала о сынкѣ своемъ Николашѣ, кошораго надлежало учить, дабы нѣкогда могъ онъ говорить по Лапынѣ съ бочарникомъ. Почтенному жѣ ея супругу хотѣлось напрошивъ того, чтобъ сынъ его зналъ хорошо мясничное дѣло, какъ гораздо прибыльнѣйшее; но Гжа Пандуръ поклялась, что ея Николаша даже и не примется за мясничей ножъ, хотябъ по споило, чтобъ олъ того весь Магистратъ никогда не бль ни говядины, ни веш-

чины, ни сосисекъ. „Биберахская республика — говаривала она обыкновенно — не цѣлый міръ, да естѣли ужъ и соспавляешъ значительную часть онаго, но если сынъ мой не сдѣлается въ ней Бургомиспромъ, такъ можешъ спашься гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ будешъ Миниспромъ; а это для меня все равно.“

Надобно однакожь сказать, что Николаша дѣйствительно имѣлъ способности: онъ былъ живъ, остороженъ, добръ подобно отцу своему и въ десять лѣтъ зналъ ужъ совершенно Капизизисъ. И такъ можно ли было, чтобъ мать его при всемъ этомъ ему не удивлялась? Сверхъ того онъ вообще очень хорошо учился. Но къ несчастію Гжа Пандуръ высокимъ званіемъ, къ

кoмy егo предoпредбляла, вскру-
жила ему голову. Уже сынъ ея
воображалъ въ себѣ важную осо-
бу, почиталъ отца своего силь-
нымъ человѣкомъ, а городъ за
столицу міра, или по крайней
мѣрѣ похожимъ на это.

Мать съ патристическимъ
чувствомъ сораздбляла его мнѣ-
ніе касательно высокаго ранга,
которое Биберахъ занималъ въ
спискѣ государствъ; ей казалось
только, что учебныя заведенія
въ немъ были недоспапчны
образовать великаго человѣка —
такого, какимъ желала она сдѣ-
лать своего Николашу, хотябъ
онъ былъ только и Бургомис-
тромъ. Почему начала совѣпо-
вашься съ двоюроднымъ своимъ
братомъ, славнымъ продавцемъ
прносшей въ Биберахъ, кото-

рый снабжалъ ими магазины всѣхъ своихъ собратовъ, и кошорый самъ получалъ оныя изъ первыхъ рукъ, то есть изъ Франкфурта, куда обыкновенно ѣзжалъ чрезъ каждые два года. Онъ уведомилъ Гжу. Пандуръ, что въ Шшугардѣ находится знашная Академія, гдѣ учатъ всему возможному; но — прибавилъ онъ — не всякой можешъ поступить въ нее, а при томъ и стоишъ это не бездѣлицы; почему и находятся тамъ только Князья, Графы и Бароны. При сихъ словахъ Гжа Пандуръ пряхнула связкою ключей своихъ и сказала: «не уже ли брашець ты думаешь, что у меня въ сундукахъ только перецъ, да горчица?» Чшожъ касается до сихъ молодыхъ господчиковъ, то по ея мнѣнію Би-

берахской членъ Магистрата значилъ по крайней мѣрѣ то же, что и Графъ. А такимъ образомъ возложила она на двоюроднаго брата своего попеченіе спараться объ этомъ, и вскорѣ дорогой ея Николинъка отправился, будучи снабженъ съ избыткомъ бѣльемъ, колбасами, — окороками и сосисками.

Николаша не замедлилъ примѣнить, что и за Биберахскимъ округомъ жили люди, подобные отцу его въ степени, занимаемой имъ, и богатствомъ, и что Шпуггардъ былъ довольно хорошою резиденціею, копорая, казалось, имѣла даже преимущество предъ его родиной: однакъъ патриотизмъ заставлялъ его питать такое мнѣніе лишь во внутренности сердца своего;

а при томъ сіе могло бытъ такъ же и одной мечшою. Когда Биберахскія улицы случались не освѣщенными, то онъ думалъ примѣчать, что луна и звѣзды изливали у него свѣтъ болѣе блестящей, что воздухъ тамъ былъ чище и здоровѣе. Еслижъ улицы въ Шпуггардѣ были лучше вымощены: то, по его мнѣнію, этому необходимо такъ бытъ надлежало потому, что кареты, здѣсь употребляемыя, были сдѣланы хуже. Однимъ словомъ, для отдаванія себѣ во всемъ отчета нужно было только угадывать тайныя вещамъ причины.

Однакожь съ товарищами онъ говорилъ иначе. Когда же объясненія сего рода не производили никакого дѣйствія, то начиналъ онъ обыкновенно хвасташь, или

фарфаронничать : все дома имѣло у него другой видъ , все было солиднѣе , все съ лучшимъ вкусомъ , съ лучшими опшѣнками ; вода была тамъ чище , кушанья вкуснѣе , дома красивѣе , гулянья пріятнѣе , забавы разнообразнѣе . И сіе хвасповство поспешенно сполько ему понравилось , что онъ началъ употреблять его даже въ отношеніи къ своему семейству и самому себѣ . « Отецъ мой Сенаторъ , » было его рѣчью : « а эта степень извѣстно , сколь важна въ вольномъ Имперскомъ городѣ ! » Собственное же имя его гражданинъ Николай Пандуръ казалось ему неблагогороднымъ и менѣе звучнымъ ; почему началъ онъ называться Ѳедоромъ Помпадуромъ , утверждая , что происходилъ отъ весь-

на древней фамилии Паприцевъ, коей одинъ членъ, опличившись при командованіи вольнымъ корпусомъ, когда Собіески освобождалъ Вѣну, сохранилъ почетное имя *Пандуръ*, *ужасъ Турковъ*. Впрочемъ онъ щцашельно острегался говорить, что отецъ его былъ мясникъ, самъ гоппившій прекрасныя сосиски, которыя не рѣдко присылывала ему мать его, и кошорыя его товарищи находили превосходными. Однакожь, исключая тако-го фавфаронства, Николаша былъ очень добрый, всѣми любимый мальчикъ.

Когда же Академія неожиданно была уничтожена, то мать его захотѣла, чтобъ онъ нѣсколь-ко лѣтъ провелъ еще въ Тибингенскомъ Университетѣ и кон-

чилъ шамъ курсъ наукъ своихъ; при чемъ сказала мужу, что такое намѣреніе было его собственное. Ибо госпожа Пандуръ обыкновенно, когда желала получить что либо, не входя въ дальнѣйшіе разговоры и не употребляя власти: то увѣряла своего почтеннаго супруга, что онъ самъ вздумалъ это въ такой то день, въ такой-то часъ и на такомъ-то мѣстѣ. Слѣдовательно у Гна Пандура была двойкая память, то есть, воскресная и будничная. Послѣдняя была твердая, прекрасная; первая жъ весьма не рѣдко подвергалась замѣнію и имѣла нужду въ посредствѣ: ибо хотя онъ былъ презвѣ и важенъ, какъ-то приличествуетъ судьбѣ, однакожь дни забавъ и успокоенія обыкновенно про-

водилъ въ какомъ нибудь гербергѣ: почему въ это время и не слишкомъ полагался на свою память; а сія слабость не могла укрыться отъ пронизательныхъ глазъ его супруги.

И такъ онъ весьма удивился, узнавъ, что самъ вздумалъ послать сына своего въ другой Университетъ— намѣренію тѣмъ болѣе странному, что, по пословицѣ, прежде спалъ и видѣлъ, какъ сынъ смѣнитъ его на спароспи въ упражненіи и распрошишитъ мясную торговлю; а при томъ надѣялся также посвятить его и въ тайны высокой полишки. Однакожь поелику была правда, что онъ далъ свое слово, то и почелъ за непремѣнный долгъ согласиться на желаніе жены своей.

Между тѣмъ Николай, прежде нежели отправился въ новую обитель Музъ, не могъ отка-
зать себѣ въ удовольствіи об-
нятьъ любезныхъ своихъ родите-
лей и провести нѣсколько при-
ятныхъ недѣль вмѣстѣ съ ними.
О, сколько имѣлъ онъ рассказать
имъ чудеснаго о Шшугардѣ,
о прелестномъ его положеніи,
о широкихъ въ прямой линіи
выспроенныхъ улицахъ, о вели-
колѣпныхъ зданіяхъ, о пасща-
дяхъ, о водометахъ, о принадле-
жащихъ къ Академіи: ботаниче-
скомъ садѣ, Музеѣ, библиотекѣ,
театрѣ. Однакожь что ни го-
ворилъ о семъ, все это было
справедливо. Но желая также
заплашить дань слабости чело-
вѣческой и дать блескъ личному
опличію, онъ съ особеннымъ удо-

вольспвіемъ оспанавливался на
 множествѣ молодыхъ людей знаш-
 наго происхожденія , какъ - то ,
 на примѣрѣ , говоря о Баронѣ
 Сан-Боа, Графѣ Жалоновѣ, Кня-
 зѣ Шволикѣ и проч. и проч. съ
 коими, по словамъ его, обходил-
 ся онѣ запонибраша. Изѣ воспи-
 тывавшихся жѣ шупѣ простыхъ
 гражданѣ не зналъ онѣ ни одно-
 го. Однакожь основаніе и сихъ
 рассказѣ было не менѣе также
 истинно. Онѣ въ самомѣ дѣлѣ
 спарался знакомишься предпо-
 чтительно съ дѣтьми благород-
 ными , не по тому, чшобѣ они
 были лучше воспитаны и болѣе
 вѣжливы , но изѣ тщеславія.
 Впрочемѣ самый его кошелекъ ,
 который заботливая мапушка не
 упустила дополняшь , дѣйстви-
 тельно придавалѣ ему блеска бо-

лбе, нежели онъ имѣлъ его; и товарищи, которые вмѣстѣ съ нимъ также иногда участвовали въ ономъ, охотно вѣрили, что онъ происходилъ изъ рода Патриціевъ. Однакожь это щеславіе долженствовало причинить ему въ послѣдствіи глубочайшее униженіе.

Случай повелъ чрезъ Биберахъ Барона Клеефельда, который, подобно ему, возвращался къ своимъ родителемъ; но какъ среди города изломалось колесо у его повозки, то онъ противъ желанія принужденъ былъ шутъ на 2 часа остановиться. Въ скукѣ и не зная, какъ проводить это время, вспомнилъ онъ о своемъ товарищѣ по Академіи и началъ освѣдомляться о его жилищѣ. Но содержатель гостин-

ницы отвѣчалъ , что въ городѣ
 никого не было подъ симъ име-
 немъ. Клеефельдъ же, не взирая
 на это, ушверждалъ , что онъ
 его обманываетъ, что въ Бибе-
 рахъ непременно долженствовало
 жить Федоръ Помпадуръ , Се-
 напорской сынъ, не давно воз-
 вратившійся изъ Шшупгардской
 Академіи, гдѣ онъ очень хорошо
 зналъ его. « А! теперь я догады-
 ваюсь — сказалъ наконецъ содер-
 жатель гостинницы , схвативъ
 себя за бороду: « вы конечно раз-
 умѣете мясника Николая Пан-
 дура? »

И Баронъ, изумленный на ми-
 нушу симъ отвѣтомъ, скоро рѣ-
 шилъ эту загадку. « Пандуръ ли,
 Помпадуръ ли , какъ угодно —
 сказалъ онъ — только я хочу его
 видѣть. » Потомъ написавъ на

карточкѣ свое имя, Баронъ послалъ съ нею къ Г. Николаю просить его въ гостиницу. Хвастунъ пришелъ отъ того въ неизъяснимое замѣшательство. Онъ боялся, чтобъ Г. Клеефельдъ не пожелалъ видѣть всѣхъ достопамятностей, о которыхъ онъ столь часто говорилъ ему, и чтобъ не сталъ даже просить вести его къ дому его родителей, который Николай представлялъ ему лучшимъ зданіемъ въ городѣ. Однакожь, какъ опытный хвастунъ, онъ въ минушу выдумалъ новую ложь для присоединенія къ старымъ; ему пришло въ голову сказать, что это великолѣпное зданіе сгорѣло, и что въ ожиданіи, пока опять обстроится, родители его принуждены были занять домъ обык-

новенный. Но путь представилось другое затруднение: на всѣхъ ставняхъ были намалеваны око-рока, колбасы и сосиски. Слабовашельно какъ же надлежало помочь этому? Въ недоумѣннн пошелъ онъ даже къ отцу своему, и началъ просить, чтобъ онъ приказалъ затворить ихъ, хотя послѣ того въ комнатахъ не лзя было видѣть, что называется, зги Божіей. Но Г. Пандуръ думая, что Николаша его рѣхнулся ума, оставилъ ставни по прежнему и съ ихъ принадлежностями. А Николай между тѣмъ съ препенущимъ сердцемъ пошелъ въ гостинницу, и чего опасался, то дѣйствительно случилось.

«Мнѣ чрезвычайно хочется—
сказалъ Баронъ — познакомишь—

ся съ своимъ родителемъ, почтеннымъ господиномъ Сенап-ромъ. Сдѣлай милость пойдѣмъ, ошрекомендуй ему меня.» Тщешно Николай старался спороною ошклонить его ошъ шакого на-мбренія : надлежало изъ доброй ли воли или прошивъ воли, шолько непремѣнно шуда ошправившя. Между шѣмъ Клеефельдъ забавлялся его замѣшательствомъ. Дорогою Николай разсказалъ ему испорію о славномъ пожарѣ, преврашившемъ въ пепелъ палаты ошца его, желая пригошовить шѣмъ Барона къ непріятному впечатлѣнію, которое иначе скудное жилище его родителей не преминулобъ произвести на него.

« Прекрасныя зданія здѣсь шеперь очень рѣдки, » сказалъ Николай.

« Очень вижу, » отвѣчалъ Клеефельдъ улыбаясь.

« Надобно помѣщаться какъ попало — продолжалъ хвастунъ — и мы по необходимости принуждены были заняшь домъ одного мясника. »

Клеефельдъ, казалось, вѣрилъ этому.

« Не должно также удивляться и встрѣчаемому здѣсь обхожденію, свойственному лишь городамъ провинціальнымъ. Здѣсь, во избѣжаніе зависти, живущъ проспо, по мѣщански. »

Клеефельдъ только улыбался. На крыльцѣ Г. Пандуръ его встрѣшилъ, ласково пожавъ ему руку; при входѣ жь въ комнату почтенная его супруга отвѣсила ему нѣсколько ужимистыхъ поклоновъ: ей пріятно было ви-

дѣшь молодого господчика, обхо-
дившагося съ ея сыномъ запа-
нибрата ; она пошчасъ начала
обширашь скашерью столъ и кре-
сла ; попчивала колбасами , со-
сиськами и побѣжала къ булоч-
нику за горячими хлѣбами. Ни-
колай во все это время былъ
какъ на иголкахъ ; Баронъ же
ѣлъ съ аппетитомъ, и особливо
находилъ весьма вкусными сосисъ-
ки. « Если я не ошибаюсь — ска-
залъ онъ — то онъ одного сорта
съ тѣми , кошорыя бывало въ
Шшугартѣ присылали тебѣ ? »

« Точно такъ — отвѣчалъ Ни-
колай запинаясь — и пошчасъ хо-
тѣлъ совратишь разговоръ на
иной предметъ ; но Клеефельдъ
безпрестанно твердилъ только
о сосиськахъ и хвалилъ искусство
мясника ихъ гошовившаго.

«Фу въ чоршу! да комужъ иному, если не мнѣ, ихъ дѣлать?» вскричалъ Г. Пандуръ: «безъ хвастовства могу сказать, въ Биберахъ нѣтъ другаго искуснѣйшаго на шо мастера!»

«Ага!» сказалъ тогда Баронъ, бросивъ проницательный взоръ на Николая, у котораго между тѣмъ холодный потъ капился градомъ; и сіе мучительное его положеніе уже продолжалось около часа, какъ наконецъ пришелъ изъ гостинницы слуга и увѣдомилъ Барона, что карета его исправлена. Николай, въ спыдѣ и замѣшательствѣ, проводилъ его туда ни разу не отворивъ рта своего. «Прощай!» сказалъ ему Баронъ уѣзжая: «сердечно благодарю за угощеніе; швой отецъ, не взирая что Сенаторъ,

прекрасно знаетъ мастерство мясничное.»

Цѣлую недѣлю попомъ не сходило съ устъ Николая никакого хвасповства болѣе. Онъ почиталъ себя исправившимся; но къ несчастію, дурная привычка уже очень укоренилась въ душѣ его. Въ Тибингенѣ часто навлекалъ онъ на себя ссоры; ибо коль скоро встрѣчался съ студентами, издѣвавшимися надъ его самохвальствомъ, то всегда за то сердился. Въ одномъ изъ поединковъ, за сіе случившемся, онъ получилъ на щекѣ рубецъ или шовъ, кошорый довольно его обезобразилъ, и коего видъ заставилъ мать его вскричать отъ ужаса, копя онъ ее и увѣрялъ, что въ отмщенье за это опрубилъ девять пальцевъ своему

прошивнику, такъ что остался у него только одинъ, который наконецъ принужденъ онъ былъ пропянуть въ знакъ примиренія.

Впрочемъ Николай прибрѣлъ себѣ въ Университетѣ отъ Профессоровъ весьма лестную похвалу: они называли его старательнымъ, любезнымъ юношею, и онъ возвратился домой Докшоромъ. Со времени Виланда не видывали въ Биберахъ гражданина ученѣе его; самый бочаръ, столько искусный въ Латинскомъ языкѣ, сознавался въ эшомъ. Всѣ были почти увѣрены, что чрезъ короткое время онъ непременно достигнетъ степени Бургомистра. Г. Пандуръ швердилъ безпрестанно: «это мнѣ весьма пріятно!» Мать же отъ избытка чувствованій

отвѣчала на сей родъ предвѣща-
нiя только радостными слезами.

Между тѣмъ Докторъ Нико-
лай очень видѣлъ, что научился
большему, нежели что было нуж-
но въ Биберахѣ, и по истинѣ
ему представлялись многіе слу-
чай попытать гдѣ нибудь въ
иномъ мѣстѣ своего щасiя; но
зная, что былъ единственнымъ упѣ-
шеніемъ для своихъ родителей,
онъ упорно отказывался оставить
родину, во ожиданіи участи, здѣсь
ему предстоявшей — и это по-
хвальное сыновнее чувство за-
ставляло отчасти извинять его
склонность къ самохвальству.

Наконецъ наступила та неща-
стная минута, въ которую воль-
ные города, такъ сказать, од-
нимъ почеркомъ пера были из-
ключены изъ списка республикъ

и перешли во владычество государствъ или смежныхъ съ ними, или заключавшихъ оныя. А эшопъ ударъ, весьма жестокой для Г. Пандура, былъ особливо чувствителенъ для дражайшей его половины, которая съ тѣхъ поръ долженствовала почитать себя простою мясничихою, лишенною перваго мѣста въ церкви и принужденною оставить всѣ обширные планы свои. Къ довершенію жъ сего несчастія, городъ Биберахъ потерпѣлъ значительное разореніе отъ одного довольно важнаго сраженія, вскорѣ послѣ того происшедшаго въ соседствѣ. Однакожь домъ Г. Пандура, хотя стоялъ на улицѣ, чрезъ которую проходили войска, оспался неприкосновеннымъ; ибо Николай, заваливъ двери, стоялъ на черда-

къ караульнымъ. Увидѣвъ наконецъ отрядъ солдатъ, готовившихся проникнуть въ домъ силою, онъ вздумалъ вступить съ ними въ переговоры и занималъ оными до тѣхъ поръ, пока пришелъ также Офицеръ, котораго онъ началъ просить о покровительствѣ; и Офицеръ, радуясь найти жишеля, разумѣвшаго по Французски, тотчасъ въ предостороженіе отъ вторичнаго насилія приставилъ къ дому часовыхъ, съ условіемъ, чтобъ онъ у Магистрата сего города служилъ ему переводчикомъ.

Коль скоро буйная толпа удалась такимъ образомъ, Гжа Пандуръ, какъ-то легко можно угадать, чрезвычайно возгордилась своимъ Докшоромъ, который сдѣлавшись вдругъ посред-

никомъ между иностранными войсками и Правительствомъ, имѣлъ случай оказать существенныя услуги Бибераху; но сердце Г. Пандура не менѣе обливалось отъ этого кровію. Онъ гововъ былъ плакать о паденіи своей республики, и, подобно прочимъ великимъ людямъ въ государствѣ, рѣшился послѣ такого несчастія совершенно сложить съ себя дѣла, дабы иначе не унижиться, принимая участіе въ новомъ порядкѣ вещей, который казался ему чудовищнымъ, и въ которомъ, по истинѣ, не стали бы требовать отъ него совѣтовъ. Почему въ досадѣ, раздиравшей его сердце, онъ дозволилъ и даже приказалъ любезному своему Николашѣ употреблять свои дарованія въ какомъ нибудь иномъ государствѣ.

Слѣдовашельно Николай Пандуръ сдѣлался опять Федоромъ Помпадуромъ, и отправился въ М* *. До выхода изъ Университеша, онъ для полученія Докшорской шепени, по обыкновенію, написалъ диссертацію, кошую предспавилъ главному Миниспру; и Миниспръ, при чшеніи сей рукописи возымѣвъ благопріятное мнѣніе о молодомъ чловѣкѣ, далъ ему мѣсто въ своей Канцеляриі. Николай же, истинно имѣя хорошія способности, не замедлилъ шутъ опличиться, особливо же въ дѣлахъ, касавшихся образованія новопріобрѣтенныхъ провинцій. А Миниспръ, умѣя цѣнить заслуги, полюбилъ его, обѣщаль покровительство и произвелъ въ Секретари свои.

Но надменный гѣрдосію но-

вый Секретарь, наблюдая порядокъ въ своей должности, внѣ оной давалъ свободный ходъ своему самохвальству. Онъ утверждалъ, что знаетъ всѣ шайны Министеріи, и говорилъ о политикѣ подобно журналисту. Видая жѣ очень часто въ передней при Канцеляріи людей низшаго класса споявшими съ подобострастіемъ, онъ имѣлъ случай хвастаться своими сношеніями съ опличнѣйшими особами въ городѣ. Впрочемъ мало того было, что Николай, по словамъ его, пользовался входомъ во многіе дома, онъ получалъ еще билеты на всѣ даваемые балы и празднества, и имѣлъ во всѣхъ театрахъ годовыя ложи. А такимъ образомъ хопя по занимаемому имъ мѣсту и очень его

уважали, однакожь при всемъ помѣ отъ времени до времени получалъ онъ уничиженія, копорыя дѣлали его только осторожнѣе, ни мало не исправляя. Почему во избѣжаніе впредь подобной непріятности, онъ преимущественно старался имѣть связь съ иностранцами. Однажды, разговаривая въ кофейномъ домѣ о приключеніяхъ послѣдней войны, онъ утверждалъ, что произшедшую отъ оной потерю должно единственно приписать неумѣнію въ изобрѣшеніи средствъ къ оборонѣ. «Въ Биберахъ — говорилъ онъ — я одинъ прогналъ двѣнадцать Французовъ, которые хотѣли вломиться въ домъ мой; и Офицеръ ихъ, удивляясь моею храбрости и опрекомендовавшись въ мое дружество, въ пред-

охраненіе опѣ подобныхъ насилій, приспавилъ всегдашнихъ часовыхъ къ оному. Я принялъ его предложеніе, и мы въ печеніе трехъ дней, какъ непріятель имѣлъ свой лагерь въ окрестностяхъ, не разспавались другъ съ другомъ. Весь городъ можетъ свидѣтельствовать въ эшомъ событіи, которое вѣроятно у всѣхъ еще въ твердой памяти. «—» Такъ точно, » отвѣчалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, » я и самъ могу подтвердить истину сего событія, дѣйствительно почти такъ случившагося. Я собственными глазами видѣлъ, какъ вы въ службовое окно съ чердака, на коемъ скрывались, спорили съ нѣкоторыми мародерами, напавшими на мясную лавку вашего родителя, и замѣшивъ меня, начали про-

силь моего покровительствѣ ; а какъ я имѣлъ случай упопрѣбить васъ при Биберахскомъ Магиспратѣ переводчикомъ , то и согласился приставить часовыхъ къ вашему дому : при чемъ охотно признаюсь также , что изъ признапельности ли то было , или изъ страха — не знаю , только вы въ самомъ дѣлѣ вѣрою и правдою цѣлые три дня служили мнѣ . » — « Не справедливо ли однакожь , » возразилъ Николай , « что вы нашли Французовъ напавшими на домъ мой ? » И съ сими словами , во избѣжаніе насмѣшекъ , онъ увелъ Офицера , которому впрочемъ было не неприятно встрѣтиться съ старымъ знакомымъ , — и Николай съ тѣхъ поръ не являлся болѣе въ кофейной .

Однажды , въ маскарадѣ , когда

онъ съ друзьями своими сидѣлъ за пуншемъ, зашла рѣчь о узаконеніи, получившемъ всеобщее одобреніе; при чемъ Секретарь нашъ, казалось, хотѣлъ приписать себѣ проэктъ изданія онаго — какъ вдругъ кто-то сзади пошрепалъ его по плечу и сказалъ: «это, другъ мой, масличное дѣло!» Николаю послышался голосъ Министра; онъ оглянулся, но маска уже скрылась.

До сего приключенія благоразумный Министръ почишалъ такое его хвастовство за порокъ невинной, заглаждаемый прочими добрыми качествами; но теперь взирая на оный съ прошивной стороны, онъ на другой день объявилъ ему, что сіе жалкое тщеславіе, сей пуспой видъ важ-

ности, содѣлывающіе его неосторожнымъ, и кои, будучи должны быть почитаемы непрощительнымъ порокомъ въ государственномъ чловѣкѣ, препятствуютъ всякому его повышенію; что онъ чрезъ то лишился довѣренности своихъ начальниковъ, равно какъ почтенія отъ со товарищей, и что наконецъ самъ онъ, какъ Министръ, не желалъ бы имѣть Секретаря возбуждающимъ на себя хвастовствомъ своимъ отъ всѣхъ людей посмѣяніе. Я истинно люблю васъ, сказалъ онъ ему потомъ, отпуская его: нужно только, чтобъ вы или исправились въ своей слабости, или занимаемую вами должность здали другому комунибудь.»

Бѣдный Николай, такъ сказавъ, окаменѣлъ отъ словъ сихъ.

Онъ проклиналъ гибельную свою склонность, которая угрожала запереть ему самое почетное, блистательное поприще, и наконецъ рѣшился непременно побѣдить ее; а чтобъ не забыть таковой рѣшимости, то на картинѣ, висѣвшей въ ногахъ у его постели, крупными буквами написалъ слова: *полно хвастать!* которыхъ читалъ по утрамъ, дабы глубже впечатлѣть ихъ въ памяти, а по вечеру для воспоминанія, не забылъ ли оныхъ. И Министръ, прилѣжно за нимъ наблюдавшій, мало по малу ощутилъ къ нему прежнюю приверженность. Но вдругъ неожиданный случай заставилъ его совсѣмъ почти опчаяться въ исправленіи Секретаря своего. Одинъ старый Ба-

ильи (*), весьма богатый, и происходившій отъ знатной, но почти забытой фамиліи, которой члены изъ давнѣйшихъ временъ занимали мѣста по гражданской службѣ, испросилъ у него аудіенціи.

« Какъ какъ Ваше Превосходительство по видимому спараетесь о повышеніи Г. Пандура, Секретаря вашего — сказалъ сей старикъ — то имѣю честь донести вамъ, что хоша вчера, то есть 27 Маія, вечеромъ и просилъ онъ у меня руку дочери моей Каролины; но я, прежде нежели согласился на это, пошелъ за долгъ спросить Ваше

(*) Чинъ или званіе во Франціи, соответствующее Дворянскому Предводителю, Уѣздному судѣ, а иногда также и простому управителю.

Превосходительство, известны ли вы о семъ дѣлѣ и одобряете ли оное?»

И Министръ, съ коимъ Николай въ самомъ дѣлѣ уже объяснился о своемъ намѣреніи, отвѣчалъ Баилъи, что знаетъ объ ономъ, и что сей бракъ доставитъ ему удовольствіе.

«Мнѣ сіе и самому было бы весьма пріятно во многихъ отношеніяхъ — началъ опять Баилъи — только. . . . поелику вся моя надежда лишь на единородную дочь мою, то. . . . не знаю. . . . говорятъ, Г. Пандуръ не значнаго происхожденія; а Вашему Превосходительству не безъизвѣстно, что моя фамилія. . . .»

«Но развѣ вы самага его не спрашивали объ этомъ?»

«Если вѣришь его словамъ,

то онъ происходитъ отъ весьма древней фамилии Паприціевъ, и что отъ него зависитъ вмѣсто Пандура подписываться Помпадуромъ.»

«Онъ такъ съ вами объяснялся?»

«Неоднократно.»

При сихъ словахъ Министръ наморщилъ лобъ и просилъ Баильи избавить его отъ такого рѣшенія, говоря, что въ случаѣ, если бракъ долженъ бытъ заключенъ, онъ для будущаго своего зятя можетъ получить патентъ отъ Рекешмейстера. Баильи же, очень уважавшій происхожденіемъ и шиплами, во всемъ положился на Министра и по поводу полученныхъ отъ него наставленій оставилъ Николая въ неизвѣстности. А Ми-

нистрѣ составилъ между тѣмъ планъ для испытанія въ послѣдній разъ Секретаря своего, чтобы узнать въ сущности характеръ его.

Спустя двѣ недѣли послѣ сего приключенія, онъ, не подавая виду, что симъ занимается, сказалъ ему: «Г. Пандуръ, сего дня приглашаю я васъ ко мнѣ обѣдать.» И Николай, по выходѣ изъ Канцеляріи, немедленно побѣжалъ домой, чтобы одѣться. Возвратившись же къ Министру довольно уже поздно, онъ нашелъ въ залѣ хотя и небольшое общество, но, къ немалому удивленію, замѣтилъ между онымъ и Баилысь своимъ семействомъ. Впрочемъ столъ былъ накрытъ на четырнадцать приборовъ, хотя гостей было только тринадцать человекъ.

Послѣ супа подали прекрасную говядину. Министръ, казалось, смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ, прочіе жъ удивлялись ей. Непосредственно зашелъ разговоръ объ улучшеніи скотины, о сельской экономіи и объ успѣхахъ, сдѣланныхъ по сему предмету въ разныхъ государствахъ. Говорили о быкахъ, ввезенныхъ иногда до 2000 фунтовъ, и приводили въ примѣръ тому Англинскихъ. Но Министру по видимому хотѣлось знать вѣсъ и качество быковъ отечественныхъ. Мнѣнія о семъ были различны; особливо жъ Г. Пандуръ показывалъ видъ, будто бы взираетъ на предметъ сей изъ общей точки зрѣнія. «Хорошо — сказалъ наконецъ Министръ — всего лучше можно узнать объ

этомъ дѣлѣ отъ мастера; а какъ оно очень важно, то я потчасъ же пошлю за извѣстнѣйшимъ изъ оныхъ.» Изъ сими словами отправилъ за нимъ слугу своего.

Между тѣмъ разговоръ сдѣлался уже не столько живъ, какъ вдругъ вошелъ въ залу Іосифъ Пандуръ. А какъ Николай сидѣлъ къ двери спиною, то не замѣтилъ его; но изъ отвѣту на вопросъ Министра онъ по голосу узналъ отца своего, вскочилъ со стула и съ горячностію обнялъ его, такъ что все сіе сдѣлалось въ одну минушу. «Ну, слава Богу! я не обманулся,» сказалъ тогда Министръ. «О! я очень зналъ его сердце,» отвѣчалъ отецъ. Потомъ, послѣ взаимныхъ знаковъ родительской нѣжности и сыновняго почтенія,

Министръ сказалъ, обратившись къ изумленнымъ гостямъ своимъ : « насъ за столомъ только принадлецать , слѣдовательно нечетъ , и такъ дозвольте , чтобы преждебывшій членъ Биберахскаго Магистрата занялъ сіе четырнадцатое , впуслъ остающееся мѣсто. — Г. Пандуръ , сядьте безъ церемоніи подлѣ вашего сына. »

« Если такъ угодно Вашему Превосходительству — отвѣчалъ бравый старикъ , надѣвъ трехъугольную шляпу свою на просль съ серебрянымъ набалдашникомъ и ставя оную въ уголъ — то съ великимъ удовольствіемъ. » И съ сими словами занялъ мѣсто подлѣ своего сына , коего глаза , омоченные сладостными слезами , были устремлены на Министра.

А сей, объясняясь съ гостями своими, нарочно для того приглашенными, весьма хвалилъ Секретаря своего, радовался имѣть онаго, и говорилъ, что замѣтилъ въ немъ одну только погрѣшность, по истинѣ важную сама въ себѣ, и кошера заставляла его сомнѣваться въ сердечной добротѣ его. «Мнѣ хотѣлось испытать, сказалъ Министръ, отъ чего это происходило, отъ порчи ли ума или порчи сердца, и радуюсь, что онъ выдержалъ мой искусь. Еслибъ онъ отъ внезапнаго явленія отца своего пришелъ въ замѣшательство, и еслибъ не оказалъ похвальной чершы, предъ симъ видѣнной нами: то, признаюсь, лишился бы моего уваженія. Но къ щастію объяснилось, что онъ имѣетъ

очень доброе сердце. Почему надѣюсь теперь, Г. Баилы, что вы не откажете ему въ рубль любезной вашей дочери. Старикъ Пандуръ весьма хорошій человекъ, котораго вижу я съ удовольствіемъ за споломъ моимъ; онъ здѣсь по моему приглашенію и пріѣхалъ изъ Бибераха по просьбѣ моей. Ошторжествуемъ вмѣстѣ обрученіе Николая: онъ, оказавъ себя добрымъ сыномъ, можетъ быть также и супругомъ добрымъ.»

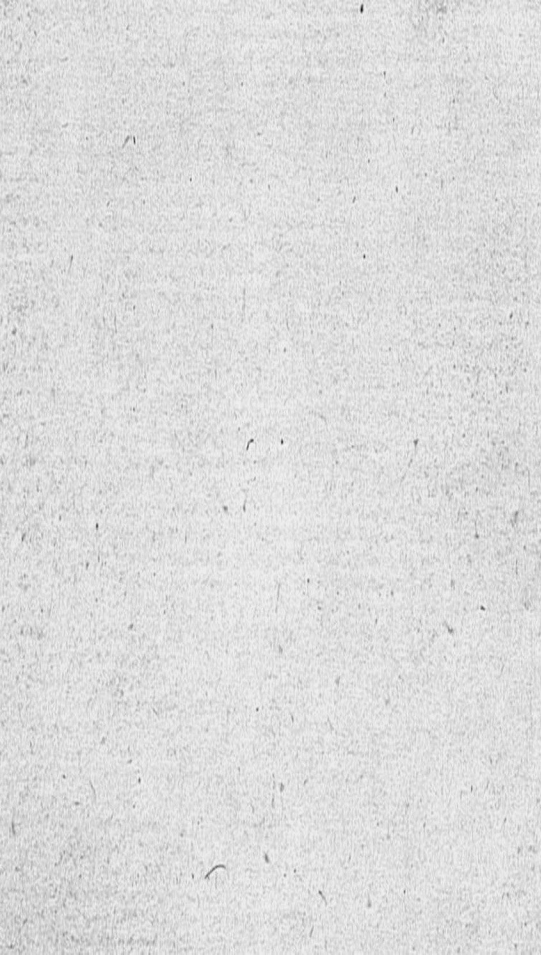
По сихъ словахъ Министръ взялъ рюмку, гости сдѣлали тоже, и онъ наполнилъ ихъ лучшимъ шампанскимъ. Между тѣмъ слуга принесъ накрытое блюдо, въ коемъ находился для Г. Пандура дипломъ на чинъ Совѣтника. И Баилы при видѣ сего пре-

ставшій болѣе колебашься, взявъ
руки обоихъ молодыхъ людей,
соединилъ оныя. Николай хо-
пѣлъ броситься въ ноги своему
благодѣтелю; но Министръ съ
благоклонностию поднявъ его,
сказалъ на ухо: « съ эсихъ поръ,
другъ мой, перестань болѣе хва-
снать, ибо иначе жена твоя бу-
детъ смѣяться надъ шизою.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

OLK n 4074

